ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

А. А. ТИМОФЕЕВА-ЕГОРОВА

ДЕРЖИСЬ, СЕСТРЕНКА!..

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства

Герой Советского Союза Анна Александровна Тимофеева Егорова — одна из немногих женщин, летавших в годы войны на грозных боевых машинах — штурмовиках. Увлекательно рассказывает era о судьбе простой деревенской девушки, ставшей строителем Московского метрополите на инструктором Осоавиахима С большой теплотой А.А. Тимофеева Егорова вспоминает об однополчанах, с кем крыло в крыло летала на боевые задания Книга привлечет внимание широкого круга читателей.

- Анна Тимофеева-Егорова
  - Несостоявшаяся золотошвейка
  - Воздушный почтальон
  - «Черная смерть»
  - Курс на Малую Землю…
  - «Держись, сестренка!..»
  - Отгремев, закончились бои…

Анна Тимофеева-Егорова
Держись, сестренка!

Несостоявшаяся золотошвейка

Все было чудесно в то утро — и солнце, и небо, и земля, которая пружинит под ногами, и казалось, только раскинь руки как крылья — и полетишь.

А что в жизни удивительнее полета?..

Помню так. Летное поле с жаворонками-колокольчиками. В ряд выстроились наши самолеты и мы — в синих новеньких комбинезонах, осоавиахимовских шлемах с очками. Каждая группа напротив своей машины.

Начальник аэроклуба принимает рапорт начлета. Все замерли. А ветерок в лицо, дышится легко, свободно. И так хорошо жить на белом свете, так радостно! И думаешь: никогда-то не будет конца ни твоей молодости, ни самой-то жизни…

— По самолетам! — летит команда начальника аэроклуба.

Наш инструктор — Георгий Мироевский садится в первую кабину, во вторую — учлет Тугуши. Мы все очень завидуем товарищу: ему первому посчастливилось подняться в воздух.

— За-апус-кай моторы! — подает команду начлет.

— Выключено! — глядя на техника, стоящего около винта самолета, произносит инструктор. — Зальем!

— Есть, зальем! — кричит техник, проворачивая винт.

— К запуску!

— Есть, к запуску!

— От винта!

— Есть, от винта! — И техник, сильно дергая лопасть — срывая компрессию, — отбегает в сторону.

Винт закрутился, мотор заработал, почихивая чуть заметным дымком. Инструктор выбросил в стороны руки, что означало — убрать из-под колес колодки. И вот самолет плавно порулил к старту.

С инструментальной сумкой, колодками, чехлами мы сидим в «квадрате» и наблюдаем за самолетом. «Квадрат» — это такое место, где находятся все свободные от полета учлеты аэроклуба и техники. Каждый не сводит глаз со своего самолета. Вот наш сделал несколько кругов над аэродромом и приземляется.

Все срываемся встретить его, но техник строго останавливает:

— Пусть-ка одна Егорова встретит.

Ухватившись рукой за дужку крыла, бегу широкими легкими шагами, стараясь не отстать от машины. Инструктор, не выключая мотора, приказывает садиться следующему, а мы окружаем Тугуши и засыпаем его вопросами.

— Ну как, хорошо?

— Хорошо! — отвечает, улыбаясь во весь рот.

— Как хорошо? — спрашиваю я. — И ничуть не страшно?

— Нет, не страшно. —

А что ты видел?

Тугуши задумывается:

— Голову инструктора, счетчик оборотов с зеркалом, в зеркале лицо инструктора.

— И больше ничего?

— Ничегошеньки, — серьезно отвечает Тугуши под наш общий смех.

Подошла моя очередь.

— Разрешите садиться? — обращаюсь к инструктору. Мироевский кивком головы разрешает, и я забираюсь в кабину, пристегиваюсь ремнями, соединяю шланг переговорного аппарата. Стараюсь делать все степенно, не спеша, чтобы не выдать волнения.

— Готова? — нетерпеливо спрашивает инструктор, наблюдая за мной в зеркало.

И, силясь перекричать гул мотора, я кричу:

— Готова!

Через переговорный аппарат получаю указания: в полете инструктор все будет делать сам, а я — только мягко держаться за управление и запоминать действия рулями.

— Старайтесь заметить направление взлета, ориентиры разворотов. Взлетаем!-слышу наконец команду. В воздухе говорит один инструктор:

— Старт юго-западный. Справа Голицыне, Большие Вяземы, слева — железнодорожная станция Малые Вяземы. Выполняем первый разворот.

Я вся — внимание. Стараюсь запомнить, что там, внизу, не упустить бы и работу с рулями самолета…

— Под нами станция Малые Вяземы. А вот здесь второй разворот, запоминайте, — настойчиво продолжает Мироевский.

Когда мы пролетали над пашней, самолет сильно качнуло. Я, бросив управление, ухватилась обеими руками за борта, а инструктор словно и не заметил моего движения.

— Высота триста метров, летим по прямой. Управляйте самолетом!

Вот этого я не ожидала. Но принимаюсь работать педалями, ручкой управления, сектором газа.

Спокойно летевший в горизонтальном полете самолет начал крениться то в одну сторону, то в другую, то задирать нос выше горизонта, то опускать его — как лошадь у плохого седока.

Помню, была у нас в деревне лошадка по кличке Лидочка.

Купили ее но дешевке, не зная ее характера. А характер у Лидочки оказался тяжелый. Очень она не любила работать. То не хочет везти воз — ляжет прямо в оглоблях и не встает, пока не проголодается. То задумает седока сбросить и сделает это именно тогда, когда от нее и не ждешь.

Попросили как-то меня отогнать Лидочку в луга. Села я на нее верхом и поехала. Все шло сначала хорошо, но стоило мне ослабить повод, как она сразу же с рыси перешла в галоп — и понесла, понесла… Пытаюсь остановить ее, , дергаю за повод, кричу: «Тпру, тпру!» — куда там! Она несет меня прямо на лес, а я подпрыгиваю на ее спине без седла, ухватившись руками за гриву, и ору что есть мочи:

«Помогите!..»

Но нее напрасно. Скоро лес, и надо прыгать. Прыгнула, но ногой зацепила за повод. Лидочка протащила меня по земле какую-то малость и остановилась…

Так было и в том полете. Машина в неумелых руках не желала подчиняться. И мне казалось, что прошла целая вечность, прежде чем инструктор взял управление. Самолет сразу успокоился, а меня охватило отчаяние: «Все, отлеталась! Неспособная, да к тому же трусиха…» Хотелось только одного — чтобы никто не знал о моем позоре: не справилась с самолетом даже на прямой! Рушилась моя надежда стать летчиком.

А Мироевский как ни в чем не бывало говорит о третьем развороте, просит следить за посадочным «Т» — параллельно ли знаку идем. Закончив третий, инструктор убирает газ, и со снижением мы подлетаем к последнему, четвертому, развороту. Я держусь за ручку управления, но так, чтобы не мешать инструктору.

Вот он переводит машину на планирование, затем выдерживает над землей и приземляет ее на три точки.

— Все,-слышу голос в наушниках.-Приехали! Теперь рулите ва стоянку.

А я перевожу по-своему: «Все, отлеталась. Отчислят, лак неспособную».

Сам зарулив машину на место, Мироевский выключил мотор и стал вылезать из кабины.

Я, отстегнув ремни, тоже неловко выбралась на крыло и спрыгнула на вемлю.

— Разрешите получить замечания? — спросила тихо, не поднимая головы.

— Что с тобой, Егорова? Не плакать ли собралась?

— Ничего у меня не вы-хо-ди-ит!

— А у кого сразу выходит? — засмеялся Мироевский. — И

Москва не сразу строилась…

…Москва. Город моей комсомольской юности. Именно здесь неожиданно круто повернулась моя судьба, накрепко связав деревенскую девчушку с небом.

Навсегда запомнилась первая встреча с огромной столицей.

Мой поезд прибыл в Москву, на Октябрьский вокзал, еще затемно. Прильнув лицом к вагонному стеклу, всматриваюсь в темноту и со страхом думаю: «А вдруг не встретят? Что тогда делать?..» И очень обрадовалась, когда на пустынной платформе увидела брата Василия.

Шагаем по Москве. Вася одной рукой тянет меня, в другой несет корзинку с моими пожитками. Я упираюсь, останавливаюсь, ошеломленная страшным шумом — стуком колес по булыжной мостовой от телег ломовых извозчиков, звонками трамваев, гудками паровозов — и удивленная великолепием трех вокзалов Каланчевской площади.

Особенно приглянулся мне Казанский вокзал — с высокой башней, удивительными часами на ней. Я никогда не видела таких высоких и красивых зданий — разве только во сне, да еще церкви в Торжке. В солнечный день, выйдя за деревню — а у нас там начинается Валдайская возвышенность, — мы любовались сиянием множества золоченых крестов торжокских соборов, которых насчитывалось более сорока. А вот трамваев, столько спешащих куда-то людей в свои двенадцать лет я никогда не видела.

— А куда это парод-то бежит? — спрашиваю у брата. Вася смотрит на меня, улыбается и говорит:

— По своим делам.

Я удивленно думаю: что это у них за дела такие? Я вот еду без дела, так. А может быть, и не без дела?..

Маме было очень трудно после смерти отца прокормить нас. Меня решили определить в Торжке. В школу золотошвеек. Привезли туда, но оказалось, что не подхожу по возрасту. Мама упросила начальницу принять меня условно и уехала. Прожила я в школе одну неделю и запросилась домой. Не потому, что заскучала или не нравилось мне шитье золотом. В школе было очень интересно. Учились одни девочки. Преподаватели — важные дамы-учительницы рассказывали нам о золотошвейном мастерстве — удивительном народном искусстве, которым Торжок славился с древних промен, а завезли его сюда не то из какой-то Ассирии или Вавилона, не то из Византии. Интересно было видеть красивые вещи, шитые золотом, за стеклами школьного шкафа.

Вечерами, помню, нас парами вводили в большой зал, где

стоял рояль. Старая дама в пенсне садилась за инструмент, играла, а мы хором тянули: «И мой всегда, и мой везде, и мой сурок со мною…» «И что это за зверюшка такая?»– засыпая, думала я. А через неделю запросилась домой, потому что поняла — не смогу сидеть целыми днями над шитьем, поняла своим детским умом, что к такому искусству надо иметь еще и призвание.

Словом, старший брат решил взять меня к себе в Москву, а сестренку Зину увезли н родственникам в Ленинград.

…В вагоне трамвая мне страшно, особенно когда с грохотом проносится мимо встречный вагон. Я даже глаза зажмуриваю, цепляясь обеими руками за брата.

— Сухаревский рынок, — объявляет кондуктор.

Брат подталкивает меня:

— Смотри, смотри вправо. Видишь, посреди улицы высокий дом с часами?

— Вижу.

— Это Сухаревская башня. В верхних этажах ее раньше помещались большие баки водопровода, снабжавшие Москву водой.

— А почему она Сухаревой называется? — спрашиваю робко.

— Тут уж история! — смеется Василий. — Ты слышала что-нибудь про царя Петра Первого и стрельцов?

— Нет. Зачем мне про царей знать да каких-то там стрельцов?

— Так вот. Отвечаю на твой вопрос. Сухаревой эта башня называется в честь стрелецкого полковника Сухарева. Он — единственный, кто со своим полком остался верен царю Петру во время стрелецкого бунта.

— А почему здесь базар устроили? — не унимаюсь я.

— А ты слышала о войне 1812 года?

— Это когда французы Москву сожгли?

— Ну, допустим… — Мой брат терпелив. Он готов отвечать на тысячи моих вопросов. — Так вот, после войны с французами, после пожара Москвы жители города стали возвращаться домой и разыскивать свое разграбленное имущество. Генерал-губернатор издал приказ, в котором объявил, что все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только раз в неделю, в воскресенье, на площади против Сухаревой башни.

Уже давно кондуктор трамвая прокричал: «Са-мо-те-ека», «Каретный ря-ад», еще какие-то интересные названия остановок. Мы уже два раза пересаживались с трамвая на трамвай, а Василий все рассказывал и рассказывал, и мне кажется, что все пассажиры

его слушают с вниманием, и я мысленно горжусь своим старшим братом.

— Кра-а-а-сная Пре-е-сня,-протяжно кричит кондуктор, и тут Василий говорит:

— Вот и приехали.

По дороге к Курбатовскому переулку, где брат живет с семьей, он рассказывает мне о событиях 1905 года, о том, как рабочие Пресни во главе с большевиками забаррикадировали улицы и героически сражались с царскими войсками и жандармами. Брат показывает улицу под названием «Шмитовский проезд», названную так в честь студента Московского университета, владельца мебельной фабрики Ни — \ копая Павловича Шмита. Его фабрика во время Декабрьского вооруженного восстания стала бастионом революции на Пресне, а он сам — активным участником событий. После подавления восстания Шмита заключили в Бутырскую тюрьму и там убили. Все свое состояние Шмит завещал большевикам.

Брат что-то еще рассказывал и показывал, но я уже плохо слушала, терев заплаканные глаза. Мне было жалко Шмита, жалко погибших рабочих. А тут еще вспомнила тихую нашу деревню Володово, затерянную в лесах между Осташковом и древним Торжком, маму, подружек, с которыми так весело было играть, и еще пуще заревела. Чтобы меня успокоить, Василий купил в одном из лотков Моссельпрома, которые попадались на каждом шагу, длиннющую конфету в красивой яркой витой обертке с кистями, но и это меня не утешило. Тогда он стал расспрашивать о доме, о матери, о братьях.

— Как папа умер, — всхлипывая и размазывая по лицу слезы, принялась рассказывать я, — мама стала часто болеть, плакать и молиться богу. Она и нас стала заставлять ходить в церковь, молиться, когда садились за стол. Зина с Костей хитрые — крестятся и на маму смотрят. А я так не могу, обязательно на икону взгляну.

— А почему тебе нельзя на икону смотреть?

— Да я ведь пионерка, крестный! Ты что, не видишь разве — на мне галстук пионерский?

Брат впервые внимательно оглядел меня.

У меня действительно был линялый-прелинялый галстук, выглядывавший из-под воротника пальтишка с заплатами. На ногах — яловые полусапожки с резинками, сшитые маминым братом дядей Мишей. На голове платок, а из-под него торчат две косички с бантиками из тряпочек.

— Галстук пионерский мне сшила из старой кофточки сестра Маня, моя крестная, — похвалилась я, и тут брат заметил:

— Ты меня, пожалуйста, крестным-то не зови, я ведь коммунист, депутат Моссовета…

Так, разговаривая, мы дошли до дому.

В семье брата мне было хорошо, особенно от теплых ручек годовалого Юрки. Он не отпускал меня ни днем ни ночью, а если случалось, что меня не оказывалось рядом, начинал так реветь, что будил всех в квартире.

В школу я не ходила, так как опоздала на два месяца. Гуляла с Юркой, с ребятами из нашего двора по Курбатовскому переулку. Помогала по дому, бегала в магазин за хлебом. Как-то послали нас с Томкой, подружкой, жившей этажом ниже, за керосином на Малую Грузинскую улицу. Но вместо керосиновой лавки нас занесло в парикмахерскую. Остригли мы там косы и попросили сделать самую модную в то время прическу-»чарльстон». Ну и получили — чуть ли не под первый номер, на лбу завитушка какая-то в сторону. Вышли из парикмахерской, посмотрели друг на друга и заплакали. Чтобы не напугать домашних, пришлось в аптеке купить по метру марли да завязать свои легкодумные головушки. На оставшиеся деньги мы купили по два фунта керосину в каждый бидон и отправились домой. Приближаясь к дому, мы шли все тише и тише, наконец наши шаги на лестнице совсем замедлились. Однако вот и Томкина дверь. Я позвонила — и через ступеньки вверх! Вскоре на весь подъезд раздались вопли моей подруги… Долго я поднималась к себе в квартиру, долго стояла у двери, но, решив — будь что будет! — позвонила. Открыла Катя, жена брата. Увидела меня с забинтованной головой и запричитала:

— Нюрочка, девочка, что с тобой? Да лучше бы я сама сходила за керосином! — И стала медленно, боясь сделать мне больно, разматывать с моей головы марлю. Сняла и обомлела.

— Нет, я тебя пороть не буду, дрянная девчонка! Пусть брат тебя проучит. Садись и реши десять задач и двадцать примеров из задачника, который я тебе купила! — Катя взяла Юрку, бидон с разлившимся керосином и ушла.

Я подтерла керосиновую лужу и села решать задачки. А тут зашла соседка по квартире спросить, почему так сильно пахнет керосином, увидела меня во всем великолепии цирюльного искусства и ахнула:

— Где же твои косы, Нюрочка?

— В парикмахерской остались, тетя… Соседка взяла ножницы, остригла мою завитушку на лбу, расчесала — получилась челочка.

— Вот так лучше, — сказала она и ушла, а я опять села за задачки.

Вечером, перед приходом брата, Катя выпроводила меня к Томке:

— Иди, посиди у Фроловых, а я Васю подготовлю И подготовила. Когда я заявилась домой, брат сердито

посмотрел на меня, ухватил за ухо, начал больно трепать

да приговаривать:

— Ах ты негодница! Самовольница! Надо было тебя бритвой побрить!

От наказания меня спас Юрка. Увидев такое надругательство над своей любимицей, услышав мой неистовый рев, он горько заплакал, скатился с дивана, поднялся па еще неокрепшие ножки и сделал первые шаги в его жизни — в мою сторону, защищать!

Мир в доме был восстановлен. За ужином Катя даже сказала:

— Вася, носмотри-ка на нее — а ей идет челочка.

Зимой в нашем дворе залили каток. Привязав веревками самодельные деревянные коньки к валенкам, мы выписывали на льду фигуры. Побывала я в цирке — выступал сам дедушка Дуров. Сводил меня брат и в Большой театр. Помню, шла опера Бородина «Князь Игорь». Я не понимала тогда ни музыки, ни пения, но половецкие пляски и арию князя Игоря запомнила на всю жизнь.

Забегая вперед, скажу, что однажды мне придется слушать эту арию в плену у гитлеровцев. Пленный итальянец Антонио будет ее петь для синьорины Анны, пока немцы не расстреляют его. Годы спустя, когда у меня родится второй сын, я назову его в честь русского князя — Игорем.

Так, со всякими разностями, открытиями, восторгами отроческого возраста, прошла моя московская зима. На лето нас с Юркой отвезли в деревню. Приехал и Василий. Когда отпуск у него кончился, в Москву он уехал без меня. Мама воспротивилась:

— Нечего там баклуши бить. Пусть здесь ходит в школу.

В тот год и деревне Новое, километрах в пяти от нашей, открылась семилетка ШКМ — школа крестьянской молодежи, и я поступила в пятый класс. Нас из деревни было семеро. И так каждый день — пять километров туда, пять обратно — ив стужу, и в дождь, и по занесенным снежным дорогам, и по непролазной грязи. В шестой класс нас уже ходило не семь человек, а только двое –я да Настя Рассказова.

Учились мы во вторую смену, домой возвращались поздно. Особенно плохо было ходить осенью — темень, грязь по колено. Полем идти было веселей, чем лесом, и мы пели песни, а приближаясь к лесу, замолкали. Лес пугал своей таинственностью — все казалось, что стоит только в него войти, как схватит кто-то страшный. Иной раз и волчьи глава светились в темноте…

Из школы мы с Пастей стали возвращаться все позже и позже. Учитель математики и физики Константин Евгеньевич Белавский оставлял нас порешать непрограммные, придуманные им самим задачи. Какая же была у него радость, если мы решали их «своим» способом! Он загорался, смотрел в наши тетрадки, искренне, как нам казалось, удивлялся нашим способностям и предлагал «раскусить орешек», который якобы и сам не сумел одолеть. Нередко мы «из ничего» делали приборы для физических и химических опытов, мастерили игрушки и разные поделки для украшения класса и школьного зала. А с учительницей русского языка и литературы репетировали, а потом ставили спектакли, и не только в нашей школе, но и в деревнях.

Однажды в наш класс пришел молодой человек, отрекомендовался секретарем Каменского райкома комсомола. Он рассказал нам о Программе и Уставе ВЛКСМ, а затем спросил:

— Кто желает быть комсомольцем? Прошу поднять руку.

Мы все подняли руки. Через неделю тот же паренек в присутствии учителей торжественно вручал многим из нас комсомольские билеты. Помню, выходили мы по одному к столу, покрытому кумачом, и произносили слова клятвы — быть всегда в первых рядах строителей и защитников своей Родины. Выступали мы впервые, говорили кто как мог, краснея и заикаясь, но «без бумажки» — от чистого сердца.

С великим наслаждением и гордостью комсомольцы стали носить защитного цвета гимнастерки, подпоясанные широким ремнем с портупеей. На портупее, узеньком желтом ремне, красным огоньком сиял Кимовский значок (КИМ — Коммунистический Интернационал Молодежи). Деньги на эти костюмы мы заработали, разгружая дрова на станции Кувшиново.

Теперь ко всем нашим делам прибавились комсомольские поручения. Так, меня и Настю Рассказову от нашей комсомольской ячейки включили в агитбригаду по созданию колхозов в Невском сельском Совете. В бригаду входили уполномоченный райисполкома, председатель сельского Совета, директор нашей школы и мы с Настей — представительницы комсомола.

Первый поход за колхоз — в деревню Жегини. И вот в большой избе, уставленной скамейками, собрались крестьяне. Под потолком две десятилинейные керосиновые лампы, от самосада сизой тучей дым над головами. Уже шестой раз держит речь уполномоченный райисполкома, доказывая преимущества коллективного хозяйства над единоличным. Он говорит о том, что трактором куда легче и быстрее можно вспахать землю, чем однолемешным плугом или сохой, что трактором-то десять

десятин за сутки отработаешь, а сохой или плугом работы на всю весну или осень.

— Хватит нам сказки рассказывать, — крикнул кто-то. — Где он, трактор-то твой?

— Вот вступите в колхоз и трактор получите. Когда стал выступать директор нашей школы Николай Николаевич Поляков, в задних рядах зашумели:

— А ты сам-то вступил в колхоз?

— Но я же учитель, учу ваших детей.

— Так вот ты на жалованьи, а мы чем будем кормиться, когда все отдадим в колхоз? — не унимались в избе. — А комсомолки твои вступили?

Я вспомнила, какой сегодня утром был тяжелый разговор с мамой. Она ни за что не хотела вступать в колхоз и мне сказала:

— Ты вступай, если хочешь, а меня не трожь! Последнюю коровенку на общий двор не поведу…

Собрание в Жегинях продолжалось. Председательствующий все просил приступить к записи желающих, но никто первым на этот шаг не решался. Наконец к столу вышел худой, в рваном полушубке и подшитых валенках крестьянин и заявил:

— Стало быть, делать нечего — пишите! К утру записалось в колхоз двадцать с лишним семей. А через две недели, когда скот и живность начали обобществлять, колхоз распался. Меня с Настей за невыполнение комсомольского поручения, долго не думая, из комсомола исключили. С какой же душевной болью положила я на стол перед Толькой Гурьяновым, нашим активистом, свой комсомольский билет! Ему многие возражали, отстаивая нас, но он уперся и долго читал какие-то цитаты. Я стояла поникнув, ничего не слыша, ничего не понимая. А дома всю ночь писала длинное-предлинное письмо в обком комсомола, в котором просила разобраться в моем деле, восстановить меня в комсомоле и строго наказать Тольку Гурьянова…

К окончанию школы в комсомоле меня восстановили. На выпускной вечер мы с Настей пришли, как говорили у пас в деревне, разнаряженные «в пух и прах». На нас были черные юбки из «чертовой кожи», белые кофточки из коленкора с матросскими воротниками, на ногах — прорезиненные тапочки и белые носочки. На вечере мы пели песни, читали стихи, танцевали. Нас с Настей, как «морячек», упросили исполнить «Яблочко», и мы с радостью выплясывали, как умели.

Вместе со свидетельствами об окончании школы всем нам дали рекомендации на дальнейшую учебу. Меня и Гурьянова рекомендовали в педагогическое училище, Настю Рассказову — в сельскохозяйственный техникум. Никитину, Милову, Ракову

рекомендовали закончить девятилетку и учиться дальше в институте. Но страницы газет звали нас на стройки первой пятилетки, и почти весь наш выпуск разъехался — кто куда. Все стремились, как тогда говорили, участвовать в индустриализации страны.

В то лето брат Василий с семьей отдыхал в деревне. Маме он помог накосить сена для коровы, заготовил дров на зиму. Много рассказывал о Москве, о стройках, о том, что в столице будет подземная железная дорога — метрополитен.

— Это зачем же? — спросила мама.

— Чтобы быстрее добираться до работы, — ответил Вася. — В Лондоне «подземка», как ее там зовут, была открыта в 1863 году с поездами паровой тяги. В Нью-Йорке — в 1868 году, в Париже — в 1900-м…

Мы все удивлялись осведомленности брата, а больше всего тому, что в Москве будет метрополитен. Неслыханное ранее слово! Про себя я уже твердо решила, что поеду с братом и постараюсь устроиться работать на этой загадочной стройке. Но когда объявила об этом маме, она запротестовала, запричитала: мол, вот растила, растила детей, а они все разлетаются из родного гнезда и остается она одна-одинешенька. Вася убедил маму, что в Москве я буду обязательно учиться дальше. С тем и уехали.

По приезде в столицу я первым делом отправилась искать райком комсомола. С робостью вошла в здание и начала гадать, в какую бы дверь постучаться.

— Что вы ищете, девушка? — спросил меня парень, одетый в спецовку.

— На Метрострое хочу работать!

— Комсомолка?

— Да!

— Пиши заявление, — предложил парень и спросил проходившую мимо девушку:

— Куда ее пошлем?

— А что она умеет делать?

— Пока ничего, — ответил он за меня

— Тогда давай в ФЗУ «Стройуч» Метростроя.

— Добро!

И парень тут же в коридоре у окна написал мне на клочке бумаги адрес училища: Старопетровско-Разумовскцй проезд, дом 2.

— Езжай на двадцать седьмом трамвае до конца, а там спросишь.

И я поехала.

В ФЗУ, в приемной комиссии, мне сказали, что Метрострою очень нужны арматурщики. Что такое арматура, для чего она — я не знала, но твердо ответила:

— Хорошо, буду арматурщицей!

Метрострой был стройкой комсомола — «Комсомолстроем», и профессию каждый выбирал себе не ту, что нравилась, а ту, какая требовалась.

Три с половиной тысячи коммунистов, тридцать тысяч комсомольцев в спецовках, касках, «метроходах» (так назывались резиновые сапоги) стояли в авангарде удивительного строительства века. Работа была тяжелой. Без привычки первое время болели руки, спина, но никто не унывал. Девчата ни в чем не хотели отставать от парней. Врачи не пропускали нас на работу под землю, но мы всячески добивались этого разрешения. А когда женщинам категорически запретили работать в кессоне, три делегатки отправились искать правду к самому Михаилу Ивановичу Калинину.

— Почему нам не разрешают работать в кессоне? — спросили комсомолки.

— Как мне известно, при кессонном способе проходки тоннеля, — сказал Калинин, — рабочие находятся в герметически закрытой камере, куда нагнетается сжатый воздух. Его нагнетают до тех пор, пока давление не остановит напор плывуна — водонасыщенного грунта. Сжатый воздух отжимает своим давлением грунтовые воды и осушает породу. Как же такое может выдержать хрупкий женский организм? Нет, нельзя девчатам в кессон, рожать не сможете.

— Родим, Михаил Иванович, обязательно родим и метро построим! — убеждали метростроевки Всесоюзного старосту и добились своего — стали работать в кессоне.

И вот я учусь в метростроевском ФЗУ «Стройуч». Ежедневно четыре часа практики, четыре часа теории. Гляжу, как играют в руках у инструктора Нефедова кусачки. А у нас, фабзайчат, они становятся тяжелыми, из рук падают, когда мы начинаем вязать проволоку или откусывать ее. С чертежами еще труднее разобраться.

Чтобы быть ближе к ФЗУ, я перебралась в общежитие, находившееся там же. Это был целый городок из бараков. В бараке четыре большие комнаты, в комнате в три ряда кровати с тумбочками, посередине — стол. За этим большим столом из досок, покрытым клеенкой, мы и уроки делали, и чай пили. Завтраков, обедов, ужинов как таковых у нас не было. Был хлеб, немножко сахара да кипяток из кубовой. На двадцать восемь рублей, которые получали, много-то не разгуляешься.

Вот и сейчас пишу, а сама смеюсь, вспоминая, как мы с подружкой Тосей Островской на Бутырском рынке продавали чай, полученный по карточкам. Нам дали по ордеру на ботинки, а денег выкупить их не хватало, вот мы и решили сделать «бизнес». Стоим на рынке, дрожим. Я держу в руках две пачки чая, Тося — в роли зазывалы. Подходит к нам какой-то мужик и с ходу начинает хулить сорт нашего чая, видимо сбивая цену. Я не стерпела такой напраслины и как выпалю ему:

— Понимаешь ты в чае, как свинья в апельсинах! Эх как он взвился:

— Милиционер! Милиционер!

Мы пустились бежать со всех ног куда глаза глядят. Пришли в себя в Тимирязевском парке. Одну пачку чая при вынужденном отступлении потеряли. Вторую тут же решили отвезти Тосиной бабушке на станцию Сходня. Бабушка пожурила нас, мы дали ей слово никогда в жизни не зарабатывать деньги таким путем и отправились в училище.

Запомнился мне с тех давних лет инструктор Нефедов. Замечательный был мастер своего дела и очень добрый к нам, его ученикам. Жил Нефедов с многочисленной семьей в семейном бараке, занимая совсем небольшую комнату. «В тесноте, да не в обиде»,-любил говорить он и приглашал нас к себе в гости. Мы, придя к Нефедовым гурьбой, человек семь-восемь, вначале стеснялись, долго не раздеваясь, топтались у порога. Но со временем осмелели, оттаяли от доброты учителя и его семьи и стали приходить и званые и незваные — в любой день.

Когда что-то в работе не получалось, Нефедов терпеливо, не повышая голоса, показывал, рассказывал, держа в своей умелой руке чью-нибудь худенькую руку с кусачками, и приговаривал:

— Ничего, ничего… Не боги горшки обжигают. Теорию у нас читали преподаватели с инженерным образованием, что в те времена было редкостью и большой роскошью. Мало-помалу и я научилась и чертежи читать, и держать правильно кусачки, научилась различать диаметр железных прутьев п обжигать тонкую проволоку для вязки их. Экзамены мы сдавали в шахте, где проходили практику. Здесь нас и оставили работать арматурщиками.

И вот во дворе шахты, что у Красных ворот, сделаны первые заготовки балок для железобетонной «рубашки» тоннеля. Все заготовки поднимаем на эстакаду, оттуда грузим в клеть и спускаем в шахту. Тогда, на первой очереди Ме-тростроя, спускали в шахту и поднимали из шахты подъемником только грузы, –шахтеры же поднимались и спускались по лестнице. Эта лестница запомнилась мне на всю жизнь — 'узкий колодец, или

ствол, в нем почти отвесная лестница с маленькими площадками. Если поднимается или спускается кто-то навстречу, то разминуться на лестнице очень трудно — такая она узкая, вся обледенелая, скользкая да полутемная. Рукавицы с рук приходилось снимать, так как в них не удержишься за скользкие ступеньки. Свет от малюсеньких лампочек в плотном тумане теряется, на руки, держащиеся за ступеньки, наступают сапоги спускающихся следом шахтеров. Страшно, очень страшно было первый раз спускаться в шахту!

Но чем дальше от поверхности земли, тем светлее и теплее, и вот мы уже на глубине 40–50 метров. Наша арматура лежит в стороне, а к стволу непрерывно подходят вагонетки с породой, которые стволовой вкатывает в клеть и отправляет на-гора.

Стволовой — шахтер, принимающий и отправляющий грузы вверх и вниз. Одет он в резиновую куртку, сапоги. широкополую резиновую шляпу, сразу не разберешь — мужчина это или женщина. Он кажется великаном не только по одежде, но по тому, как лихо расправляется с доверху нагруженными породой вагонетками. Однако клеть отправлена, и стволовой, сняв сначала свою шляпу, а потом и кепочку, повернутую козырьком к затылку, поправляет пышные белокурые волосы.

— Зина! В кино пойдем сегодня? — спрашивает парень, подкативший очередную вагонетку.

— Нет, — строго отвечает белокурый стволовой, — у меня сегодня учеба, — и вновь нахлобучивает шляпу, натягивает рукавицы и стаскивает груз, спустившийся в шахту.

Мы, бригада вчерашних фабзайчат, взваливаем арматуру па плечи и, согнувшись от тяжести, шагаем вперед — по штольне к тоннелю, туда, где должны собрать ее точно по чергежам, связать проволокой каждое перекрестье. Затем плотники сделают опалубку из досок, а бетонщики зальют все это сооружение бетоном. Движемся по штольне цепочкой. Идти трудно: груз очень тяжелый, и хочется его сбросить, распрямиться, отдохнуть. Но мы несем дальше, и кто-то тихонько начинает песню:

По долинам и по взгорьям…

Неожиданно резкий толчок, яркая, как молния, вспышка — и тьма. А во тьме отчаянные крики… Меня сильно ударило током. Очнулась на шахтном дворе. Несут куда-то. Вижу машину «скорой помощи». Испугалась, вырвалась из рук, несущих меня, и кинулась было в сторону кучи гравия…

В Боткинской больнице я пролежала две ведели. Когда вернулась на шахту, то узнала, что погиб Андрей Дикий, крючками арматуры зацепив за оголенный электропровод. Смерть Андрея потрясла нас всех, но еще более взволновало письмо его

отца, пришедшее уже после смерти сына. Он писал ему:

«Ридный сыну!

Гроши вид тебе мы с мамой одержалы и дуже вдячны за заботу про нас, старых людей.

Выбач нас: мы тоди противились твоему видизду и не дали тоби нашего благословения.

Сынку! Мы не знали твою адресу, а тепер на недели прииду до тебе. Е на дорогу гроши, кабаньчика закололы — привезу тоби домашней колбасы и сала. Мать хвора и поихать не зможе…»

Прочитав письмо, мы, девчонки, разревелись, а ребята, посовещавшись, решили созвать комсомольское собрание.

И вот протокол общего собрания комсомольцев первого участка смены инженера Алиева:

«Постановили: 1. Организовать комиссию в количестве пяти человек для встречи отца нашего товарища, комсомольца Дикого Андрея, погибшего на посту.

2. Силами и средствами комсомольцев привести в порядок могилу Андрея Дикого на кладбище. Сделать ограду и по договоренности с мраморным заводом Метростроя — плиту с высеченными на ней именем и фамилией погибшего».

В память о товарище мы сделали все, что могли, и это было единственным утешением для убитого горем отца.

Меня до работы не допустили, а в шахткоме предложили путевку в плавучий дом отдыха. Я отказалась: решила поехать в деревню. Как раз начинался сенокос, цвели травы.

Мама будила меня еще затемно, и полем мы шли к лесу, где должны были косить. Солнышко только-только поднималось, освещая землю. Просыпались птицы и начинали щебетать на все голоса. Дойдя до леса, мама укладывала под ель старый пиджак, узелок с пищей, точила свою и мою косы и со словами: «Ну, дочушка, становись за мной» — начинала косить.

Вначале коса у меня то залезала носком в землю, то за куст задевала, но потом дело шло на лад. Когда солнце начинало пригревать, мама отбирала у меня косу и заставляла отдыхать в тени под елочкой. Какое это было блаженство — растянуться на свежескошенной траве! Немного болели руки и ноги от непривычной работы, но эта усталость была приятной, настроение приподнятое, и я незаметно засыпала на теплой родной земле, которую сейчас именуют так административно сухо — «Нечерноземье»…

Проснусь, а рядом сидит мама, в руках у нее берестовый кулечек, в нем лесная земляника. На чистом полотенце разложены два больших ломтя хлеба, два яйца и бутылка молока. Все такое вкусное — кажется, в жизни своей я никогда ничего

вкуснее не ела.

Отпуск мой пролетел незаметно, и вот я опять в шахте. С сентября учусь на рабфаке Метростроя — то утром, то вечером — посменно. Работали мы по шесть часов с полной отдачей сил, не считаясь ни с чем. Порою не выходили из шахты по две смены. Однажды, отработав вечернюю смену, остались в ночь. Помнится, вязали арматуру под сводом в тоннеле. Ужасно устают руки, поднятые с кусачками вверх. А в тоннеле душно, жарко, хочется спать, особенно к утру. Кто-то из нас, свернувшись калачиком, заснул на ступенях лесов. Вдруг, как нарочно, под землю спустились начальник нашей шахты И. Д. Гоцеридзе и нарком путей сообщения. Увидели спящего, остановились.

— Почему дети в шахте? — грозно спросил нарком.

— Это комсомольцы, — ответил Гоцеридзе.

— Немедленно отправьте наверх!

И отправили бы. Но мы взбунтовались. Отстаивая свое право работать в шахте, правдами и неправдами прибавляли себе года. Труднее было тем, кто ростом не вышел. Через неделю все уладилось — мы вновь вязали арматуру, но на глаза начальству старались не попадаться.

Помню, когда Московский городской комитет партии и президиум Моссовета вынесли специальное постановление о качестве работ на Метрострое, мы, комсомольцы шахты «Красные ворота», предложили организовать на всех участках общественные инспекции по качеству. Наша «легкая кавалерия» буквально налетала на недостатки, готовая расшевелить какую угодно инертность. По требованию «кавалеристов» работа, выполненная с браком, переделывалась. Это весьма действенно помогало повысить качество сооружений метро.

Вот какие стихи написал тогда проходчик шахты поэт-комсомолец Г. Костров:

Проверяйте внимательней,
Все равно не найдете изъянов —
Это сделано крепко,
С учетом давленья веков.
Здесь работу вели
Молодой бригадир Емельянов,
И Маруся Агеева,
И заботливый Женя Синьков.

Большую роль в деле организации и пропаганды опыта соревнования играла газета «Ударник Метростроя». Ее «Техническая страница» регулярно рассказывала о методах и рациональной организации труда. Специальные выпуски освещали ход соревнования и конкурсы: на лучшее общежитие,

лучшую столовую, лучшую песню, красивое платье, сшитое самой, задорную пляску. Кроме «Ударника Метростроя» на шахтах и дистанциях выпускалось восемнадцать многотиражек. Названия их отражали дух времени, задачу дня: «За бетон», «За качество метро», «Арматурщик», «Метро в срок».

Много стихов о Метрострое написал Сергей Смирнов:

Метрострой —
любовь моя рабочая
И начало вахты трудовой.
Глубь забоя.
Капель многоточия.
Вечный гул Москвы
над головой.
Круг друзей — отличные ребята!
Тесных общежитии тарарам.
Собственная первая варплата,
Первые стихи по вечерам…
Метрострой!
Навек с тобою связана
Жизнь моя, с лопатой и
киркой, —
Для которой противопоказаны
Тишь да гладь,
Зазнайство и покой.
И, пускай не вырвался в герои,
Это поправимая беда:
Я горжусь, что был на
Метрострое
Рядовым
шахтерского труда!

Странное дело, сколько бы раз я ни проезжала станцию метро «Красные ворота», а теперь «Лермонтовская», она мне кажется самой красивой. Иногда выйду из голубого экспресса, подойду к пилонам из красного мрамора, оглянусь — не смотрит ли кто в мою сторону? — и легонько поглажу холодный камень: моя комсомольская юность…

Когда мне говорят, что «Красные ворота» не из самых красивых станций метро, что есть станции куда краше ее, я сержусь. В 1939 году на архитектурной выставке в Париже станции «Красные ворота» была присуждена высшая награда — гран-при! Не случайно же. Не случайно и теперь наша станция — архитектурный памятник, который находится под охраной государства.

Американский консультант, а на первой очереди были

иностранные специалисты и консультанты, категорически запрещал строить станцию такой, какой она была запроектирована и какой стала. Здания, мол, наверху не выдержат. Но мы мечтали и о красивых улицах Москвы, и о легком, свободном передвижении по городу — о быстром транспорте, Мы не могли отказаться от своей мечты и считали точнее. Работали лопатой да кайлом, мороженую землю разогревали и добились своего.

Удивительно боевой дух был у молодежи. Нас беспрестанно влекло что-то сделать, чему-то научиться. Я и Тося Островская сначала сдали нормы на значки ГТО — «Готов к труду и обороне!», ГСО — «Готов к санитарной обороне!», потом — на значок «Ворошиловский стрелок» — и все мало. Записались в хор, стали ездить в Сокольники кататься на роликовых коньках. Тося хорошо каталась, а я уже разбила себе и локти и колени, по упорно поднималась с асфальта, продолжая учиться, и наконец — ура! — научилась.

Ни шахте нашей была такая атмосфера, что в забой спешили все с какой-то радостью, удовольствием. Ведь это счастье — с радостью идти на работу и считать себя нужной, полезной людям, сознавать, что после тебя останется на родной земле что-то сделанное тобой, твоими руками.

Однажды в шахтном буфете я прочла объявление о приеме в планерную и летную группы аэроклуба Метростроя. Недавно прошедший IX съезд комсомола выдвинул призыв:

«Комсомолец-на самолет!» Об этом писали все газеты, в том числе и «Комсомольская правда», выездная редакция которой была у нас на Метрострое. Наша многотиражка — «Ударник Метростроя» — сообщала, что неподалеку от станции Малые Вяземы, метростроевский аэроклуб получал площадку под аэродром, четыре самолета У-2 и три планера Будущие планеристы, летчики, парашютисты приглашались для корчевания пней, строительства полевого аэродрома, ангаров для самолетов и планеров.

Что ж, корчевать так корчевать! По правде сказать, втайне я давно мечтала о полетах, как мечтают о далеких странах, манящих, но недосягаемых. И вот, прочтя объявление о приеме, набралась смелости и сделала первый шаг — отправилась по указанному адресу, на улицу Куйбышева, 3.

Нашла. А заходить боюсь. Уже прочитала все плакаты, стенгазету, объявления, развешанные по коридору, а к заветной двери с надписью «Приемная комиссия» подойти все не решаюсь.

— Вы кого ждете, девушка? — спрашивает меня военный в форме летчика.

Я не видела его лица: уставилась на нарукавный знак, вышитый золотом, — эмблему ВВС. Заикаясь, начала говорить, что очень хочу поступить в летную школу аэроклуба и вот даже заявление принесла.

— Заявления мало, — сказал он. — Нужны рекомендации с шахты, от комсомольской организации, медицинское заключение, свидетельство об образовании и метрика. Когда все документы соберете, приходите с ними на мандатную комиссию. Комиссия решит — принять вас или нет.

Поблагодарив летчика, окрыленная тем, что начало сделано, я выскочила на улицу и, не чувствуя под собой ног, помчалась в сторону Красных ворот, на шахту.

В комитете комсомола мое поступление в аэроклуб одобрили, а вот в бригаде…

— И куда тебя несет нелегкая, — мрачно прокомментировал Вася Григорьев. — Лучше бы тебе, Егорова, в институт пойти учиться, а летать — пусть парни летают.

— Да куда ей, дохлой такой, лезть в летчики! От удара током еще не оправилась, — высказалась Тося Островская.

Эх, Тося, Тося, а еще задушевная подружка… Спали, можно сказать, вместе — в общежитии рядом койки стояли, работали в одной бригаде, на рабфаке учились вместе. Даже платья и кофточки у нас были «взаимозаменяемые», вернее, одна вещь на двоих: сегодня она в юбке с кофтой, а я в платье, завтра — наоборот. Тося мечтала стать врачом, а я еще не решила, кем быть, и на этой почве у нас случались споры. Забегая вперед, скажу — Антонина Сергеевна Островская выучилась-таки на врача и всю войну была на фронте хирургом. А тогда она очень хотела, чтобы и я шла с ней вместе в медицинский институт.

Все сомнения, несогласия со мной остановил наш бригадир.

— Она жилистая, выдюжит. Пусть поступает! — заключил он и дал мне рекомендацию.

Теперь предстояло пройти медицинскую комиссию, да не одну, а две. Сомнений было много. Пугали какими-то лабиринтами, ямами, якобы придуманными врачами для тех, кто хотел летать. Но, к моему удовольствию, никаких лабиринтов и ям на комиссии не было. В обыкновенных кабинетах сидели обыкновенные врачи, которые прослушали, про-' стукали нас, повертели на специальном кресле, испытывая вестибулярный аппарат, и, если не находили никаких отклонений, писали: «Годен».

Правда, на вторую комиссию из двадцати человек пришли только двенадцать. Для меня все обошлось благополучно. Все врачи написали одно, самое чудесное из всего русского языка

слово — «здорова».

Отработав в шахте ночную смену, я помылась в душе, переоделась, позавтракала в шахтной столовой и направилась на приемную комиссию. Располагалась она в бывшей церкви в Яковлевском переулке, что у Курского вокзала. Теперь здесь были классы и кабинеты аэроклуба.

Меня долго не вызывали, и я — после ночной-то смены — заснула, сидя в углу на деревянном диване. Но стоило услышать свою фамилию — вскочила и, не оправившись ото сна, влетела в кабинет. Надо было предстать перед высокой комиссией по-военному, доложить по всем правилам, а я только и сказала:

— Это я, Аня Егорова, с двадцать первой шахты… Все сидящие за большим столом дружно засмеялись. Вопросов же ко мне было бесконечно много: спрашивали о родителях, о братьях, о сестрах, и о работе, и о комсомольских поручениях, и о международном положении, к о географии.

— Определите долготу и широту города Москвы, — помню, предложил кто-то из дотошной комиссии.

Я подошла к карте, висевшей на стене, долго водила пальцем вверх по меридиану и вправо по параллели, наконец объявила. Все снова засмеялись. Но почему? Оказывается, перепутала долготу с широтой. Тут же стали решать вопрос, куда меня принять — в летную или планерную группу. Решили — в планерную. Когда я спросила, почему не в летную, ответили:

— В планерной тоже будете летать, только без мотора. Научитесь хорошо летать па планере, понравится-переведем в летную.

Я немножко загрустила, но что поделаешь: в планерную так в планерную. Лишь бы научиться летать!..

Всю зиму мы занимались теорией. Трудно было совмещать работу и учебу на рабфаке, в аэроклубе. Но мы ухитрялись с Тосей и в кино сходить, и на танцы изредка. Театр оперетты шефствовал над нашей шахтой, и нам часто давали билеты на спектакли. Нашим кумиром был артист Михаил Качалов, я даже была влюблена в него. Старалась попасть на спектакли с его участием и тогда садилась поближе к сцене, слушая его бархатный голос, как завороженная.

Ранней весной стали мы ездить в село Коломенское на практику, туда, где когда-то холоп Никитка, соорудив себе крылья, прыгнул с высокой колокольни. Там с крутого берега Москвы-реки и парили на планерах. Конечно, по нынешним временам все делалось тогда весьма примитивно. Планер УС-4 устанавливался на крутом берегу, закреплялся штырем, в кабину садился курсант, а остальные спускались на склон, брались за

концы амортизаторов, прицепленных к планеру, и по команде инструктора: «Натя-ги-вай!»– растягивали их, чтобы «выстрелить» сидящего в кабине безмоторного аппарата, как из рогатки.

Чтобы побыть в воздухе две-три минуты, а остальное время так вот натягивать амортизаторы планера, я ездила в Коломенское, отработав смену в шахте, все лето, каждый день.

В октябре 1934 года в метро прошел первый поезд из двух красных вагонов. Какое же было тогда ликование! Мы кричали «ура», пели песни, обнимались, плясали, бежали вслед за вагонами. Работали мы теперь уже не арматурщиками. Шли отделочные работы. И нам приходилось устанавливать красные мраморные плиты, полировать пилоны, сгребать мусор, подметать, мыть.

В феврале 1935 года, когда проходил 2-й Всесоюзный съезд колхозников-ударников, метростроевцы промчали делегатов через все тринадцать станций. А 15 мая 1935 года Московский метрополитен был открыт для всеобщего пользования. За ударную работу на метро Московской комсомольской организации была вручена высшая правительственная награда — орден Ленина. Большой группе строителей метро тоже были вручены ордена и медали. Замечательной школой мужества стал для нас наш родной Метрострой.

… — Ну хватит землю копать, пора браться за ум. Поступай-ка в институт, а пока, я договорился, поработаешь в редакции газеты «Труд». Должность не ахти какая, но зато будешь среди умных и образованных людей, глядишь, повлияют на твой партизанский характер, — заявил брат и отвез меня во Дворец труда на Солянку, где размещалась редакция.

И стала я читать письма рабкоров, читать да определять — в какой отдел отнести. Работа интересная, но мне не хватало коллектива энтузиастов «Комсомолстроя». Так что, промучившись в «Труде» четыре месяца, я удрала на строительство второй очереди Метростроя, на шахту 84–85 — «Динамо». Только теперь стала работать слесарем по ремонту отбойных молотков и перфораторов, заодно и общественным библиотекарем при шахткоме, а вечерами занималась уже в летной группе. Рабфак и планерная школа были окончены — я получила среднее образование, являлась инструктором-планеристом.

В аэроклубе мы изучали аэродинамику, теорию полета, аэронавигацию, метеорологию, «Наставление по производству полетов» и материальную часть самолета У-2. К весне по воскресеньям стали ездить с инструктором на аэродром в Малые Вяземы для наземной подготовки. Садились на Белорусском вокзале на паровик — электричек тогда еще не было, — и

полтора часа до Вязем. Оттуда через лес — четырехкилометровый поход до аэродрома.

Наш аэродром!.. Он уже ждал нас — за деревней Малые Вяземы большое, обрамленное лесом, поле. Были построены ангары, служебные помещения, жилой дом — все руками курсантов-метростроевцев. Тех самых комсомольцев, которые по ВРЛРПИЮ сердца пришли в шахты Мотростроя, а теперь горели желанием взлететь из-под земли в просторное небо Родины.

Подготовке к полетам мы, курсанты, обучались по небольшой книжонке в голубом переплете. Называлась она «Курс учебно-летной подготовки школ ВВС РККА» или просто КУЛП. Нам строго внушали, что книга эта написана кровью летчиков. В ней были и указания курсанту-летчику по изучению и освоению курса летной подготовки, и общечеловеческие советы.

Возьмем, к примеру, пункт пятый:

«Постоянно воспитывать в себе: воинскую дисциплинированность как на земле, так и в полете; организованность, культурность в работе и в быту; постоянную внимательность даже к мелочам, аккуратность, точность, быстроту в действиях и особенно разумную инициативность при выполнении поставленной задачи». Очень дельные советы!

Тогда мы учили страницы этой замечательной во всех отношениях книги чуть ли не наизусть. Вот, пожалуйста, еще один из ее пунктов:

«Не падать духом при временных неудачах: наоборот, при неудачах проявлять еще больше настойчивости, упорства и воли, еще больше работать над преодолением трудностей, при успехе же не зазнаваться, не допускать ослабления внимания, расхлябанности, насмешек над товарищами. Помнить, что в летной работе серьезное, осмотрительное отношение к каждому полету и занятию, к каждой мелочи необходимо каждому летчику, независимо от его качеств, летного умения и стажа. Нарушение этого, правила обязательно кончается поломкой или аварией, соблюдение его обеспечивает постоянную безаварийную высококачественную работу».

Десятка раз мы перечитывали ее страницы перед полетом, перед выполнением очередного упражнения, при подготовке к экзаменам. Учили и «Наставление по производству полетов»-НПП. На аэродроме же первым делом держали экзамен перед механиком по знанию самолета и мотора. Затем, установив самолет на штырь, по очереди садились в заднюю кабину (в передней сидел инструктор) и, действуя рулями, учились взлетать, разворачиваться, приземляться на три точки. Инструктор терпеливо показывал, как проектируется горизонт на

различных режимах полета. Для этого мы на руках то поднимали хвост самолета, то опускали, то заносили его в стороны.

Наконец сданы все зачеты, окончена наземная подготовка, и в следующее воскресенье мы должны летать.

Как долго тянется время, когда ждешь… Я уже опять работаю в шахте, в бригаде Залоева, расчеканщиком. Чеканам швы тюбингов (это гидроизоляция тоннелей). Очень трудно чеканить свод тоннеля — устают поднятые вверх руки с чеканочным молотком. К тому же вода льется сверху прямо в рукава и по всему телу. Стоишь, как под ливнем. Когда чеканишь лоток тоннеля, трудности возникают другие. Нужно убрать много мусора, земли, все это унести на носилках и в ведрах к стволу в вагонетки. Затем очистить от гряяи болты, швы тюбингов и тряпками протереть их досуха. Затем пескоструйным аппаратом прочистить швы, продуть сжатым воздухом и уже только тогда начинать чеканочным пневматическим молотком закладывать в швы свинец и утрамбовывать раствор. Работа наша считалась вредной, то и дело буфетчица подвозила нам молоко прямо к рабочему месту и заставляла пить сколько сможем.

В бригаде каждому поручалось определенное заданно. Однажды мне пришлось делать раствор из цемента, жидкого стекла, песка и других компонентов. Согласно дозировке все это требовалось заложить в швы между тюбингами, но работать в рукавицах было очень неудобно, да и не споро. Тогда я сняла их и давай ладошками втискивать цемент между стенок тюбингов, а они чугунные, неровные.

После смены отмыла руки, гляжу, а кожи на них нет, и они страшно болят. «Как же полеты?» — мелькнула тревожная мысль. Прибежала в санчасть — доктор так и ахнула:

— Что же ты, глупая, наделала!

— А к воскресенью они у меня заживут? — спрашиваю. — Мне ведь на полеты нужно.

— Какие там еще полеты! — заворчала докторша, смазывая чем-то мои руки и забинтовывая их. Выдала бюллетень и запретила снимать повязки.

На второй день я все же вышла на работу, но забивать раствор в швы не смогла даже в рукавицах. Стала тогда носить ведрами цемент и песок. Чтобы не тревожить больные ладошки, ведро я брала как дамскую сумочку и несла на согнутой в локте руке.

Электроники да автоматики в те времена не было. В тоннеле у нас, однако, работал щит с рукой эректора. Щит делал проходку, рука эректора укладывала чугунные тюбинги по тонне каждый в кольцо. Здесь они закреплялись толстыми болтами.

Проходя с очередным ведром цемента, я вдруг услышала крики. Спорили парни из бригад проходчиков. Шуму и так было много — от отбойных молотков, чеканочных, работающих па сжатом воздухе, от шипения шлангов, от вагонеток. По парни перекричали весь этот производственный шум.

-Аня! Аня! — слышу, зовут меня. — Скажи, как правильно: опера или опера?

И вот передо мной два здоровых парня — красные or спора, сжимающие в руках огромные гаечные ключи. Я встала между ними, на всякий случай, и примирительно говорю:

— Давайте лучше поговорим об оперетте. Ведь театр оперетты наш шеф. Ну а об опере… Что вам сказать?.. — тяну, надеясь хоть что-то вспомнить. — Если по-французски, то будет опера, а по-русски — опера.

Парни поутихли, посочувствовали, что руки мои забинтованы, и один спрашивает:

— Почему тебя никогда на танцах не видно?

— Некогда, я же учусь в летной школе нашего аэроклуба.

— И уже летала? — спросили шахтеры в один голос.

— Конечно, — слукавила я, покраснела и, нацепив на руку ведро, пошагала к себе на участок.

— Что у вас, Егорова, с руками? Почему несете ведро с цементом на бедре, а не в руке? — спросил идущий навстречу начальник смены.

— Мне так удобно, — ответила я и прибавила шагу. В начале смены бригадир не допускал меня до работы, но я убедила его, что хоть немного, но буду помогать бригаде в выполнении плана, и осталась.

К концу второй пятидневки руки мои поджили, и я тут же отправилась в аэроклуб. На аэродром теперь надо было ездить каждый день. И вот, отработав смену в шахте, собираемся, как на праздник, — на свидание с небом!

В вагоне по дороге на Малые Вяземы шумно, весело. Поем песни. Запевает красивая белокурая девушка в синем вельветовом платье с красными пуговицами. На шее у нее шелковая косынка под цвет глаз — голубая.

— Кто это?-спрашиваю Аню Полеву, тоже учлета аэроклуба.

— Таня Федорова, разве не знаешь? Бригадир бетонщиц, а теперь чеканщиц. Она еще в прошлом году окончила аэроклуб — с парашютом прыгает. У нее уже больше тридцати прыжков!..

Незаметно пролетает полтора часа — вот уже и к аэродрому идем пешком. За неделю, что здесь но были, позеленели лужайки. Вдоль ручья и тропинки к аэродрому сплошные заросли орешника и ольхи с золотыми сережками. А кое-где уже и

черемуха расцвела. Виктор Кутов сбегает с тропинки и лезет в кусты — первые мне цветы. Я еще сержусь на него, но подарок, однако, принимаю.

А сержусь я на Виктора вот за что. Когда был призыв Хетагуровой к девушкам, чтобы ехать на Дальний Восток, я горячо откликнулась и принялась увольняться с работы. Перестала даже посещать занятия в аэроклубе. Отдел кадров увольнять никого не торопился и отослал меня в шахтком к председателю Шабовте — старому коммунисту, очень уважаемому па шахте человеку. Мы его не просто уважали, а любили и шли к нему со всеми радостями и горестями, как к отцу.

Когда я подала ему заявление об увольнении, он надел очки, прочитал, потом посидел молча, подумал, посмотрел на меня внимательно и долго и сказал:

— Я не видел твоего заявления, уходи… А вечером приехали «делегаты» из аэроклуба — Кутов в Тугуши.

— Почему не посещаешь занятия?

— Уезжаю на Дальний Восток, — сказала я.

— А почему? — спросил Тугуши. — Ведь и наша стройка комсомольская и не менее важная, чем Дальний Восток.

— Замуж, может, захотела выйти? Так зачем так далеко ехать? Выходи за меня, — горячился Виктор.

Я стала говорить, как на уроке политграмоты, что это патриотический призыв, что еду я по зову партии и по велению сердца.

— А почему только девушек призывают? Вам что, проще и легче осваивать тайгу, чем парням?

В душе я соглашалась с ребятами, но упрямо доказывала «делегатам» обратное.

Тем не менее на второй же день заявление об увольнении порвала и вечером пошла на занятия в аэроклуб.

И вот в руках черемуха от Виктора. Отламываю малюсенький лепесточек и начинаю гадать: вместо обычного «любит — не любит», шепчу про себя: «Полечу — не полечу…» Выходит «полечу», и, радуясь, я бегу легко и свободно навстречу своему будущему…

В первое воскресенье июня инструктор Мироевский выполнил со мной два полета по кругу и представил начлету Лебедеву на проверку.

«Неужели выпустят самостоятельно?» — мелькнула дерзкая, волнующая мысль. Впрочем, тут же я устыдилась ее:

«И как на ум пришло такое? Ведь еще ни один учлет не летает самостоятельно…»

А тем временем к самолету уже направляется сам начлет аэроклуба, на ходу застегивая шлем, натягивая кожаные перчатки.

«Что-то будет!..»-думаю, а Лебедев уже усаживается в первую кабину.

— Произведите полет по кругу. Высота триста метров, посадка у «Т» на три точки, в ограничители, — слышу его голос через переговорный аппарат.

Повторяю задание и запрашиваю разрешение выруливать.

— Выруливайте и взлетайте! — Начлет демонстративно положил руки на борта кабины, тем самым показывая, что все я должна теперь делать сама, а он здесь человек почти посторонний и в управление не вмешивается.

Ну что ж, сама так сама. Я ведь давно управляю машиной, просто присутствие инструктора как-то успокаивает:

все-таки знаешь: случись что — непременно поможет.

Плавно увеличиваю обороты мотора и взлетаю. Делаю все так, как учили. Вот уже и последняя прямая «коробочки»– самая ответственная. Планирую. Определяю высоту выравнивания. Чуть заметным движением беру ручку на себя, и самолет приземляется на три точки возле посадочного «Т».

— Заруливайте! — слышу команду начлета. Когда самолет остановился, Лебедев приказал мне оставаться в кабине, а сам направился к Мироевскому. Что-то сказал ему, и тогда инструктор криЕ(нул, чтобы во вторую кабину положили мешок с песком. Делалось это для сохранения центровки самолета, когда вылетал один человек — без пассажира. Так оно и оказалось. Инструктор, заглянув ко мне в кабину, сказал:

— Полетишь самостоятельно. Делай все так, как сейчас с начлетом.

Вот когда у меня пересохло во рту и вспотели ладошки! Мне хотелось поблагодарить инструктора за то, что научил летать, что выпускает в группе первой, хотелось найти много добрых и хороших слов, но, так ничего и не сказав, только шмыгнув носом, я стала натягивать па глаза летные очки раньше времени, уже но обращая внимания па то, как техник самолета пристраивал к сиденью мешок с песком.

Как сейчас, помню последние напутственные слова инструктора:

— Егорова, не волнуйся.

Он проводил меня до линии исполнительного старта, держась за дужку левого крыла. Взял у стартера флажки и, подняв белый флажок вверх, посмотрел на мепя.

Старт дан. Я взлетаю на выбранный заранее ориентир,

стараясь не отклониться в сторону и выдержать самолет над землей до положенной скорости. Набрав 300 метров высоты и убедившись, что все идет хорошо, заглядываю в первую кабину: никого! лечу одна!..

Нет предела моей радости! Я начинаю петь, потом что-то кричу, наконец, сняв ноги с педалей, пытаюсь выбросить какие-то коленца и не замечаю, как приблизилась уже к четвертому развороту.

Стараюсь, очень стараюсь посадить машину как можно точнее. Мне это удается: сажусь у самого «Т» на три точки. Встречает самолет наш старшина Хатунцев. Одной рукой он ухватился за крыло, а другую держит поднятой вверх с оттопыренным большим пальцем. Я в отместку за то, что часто заставляет мыть хвост самолета, показываю ему язык и прибавляю обороты мотора. Самолет рулит быстрее, Ваня бежит во весь дух, сопровождая меня. И так радостно мне в эти минуты, так ликует душа, что кажется, нет в мире человека счастливее меня…

Зарулив на стоянку, выключаю мотор. Ребята, облепив самолет, задают какие-то вопросы, поздравляют, но я спешу доложить руководству аэроклуба о выполнении задания.

— Молодец, Егорова. Летайте и дальше так, — сказал начлет и крепко пожал мне руку.

В тот день из нашей группы вылетели самостоятельно трое — Хатунцев, Петухов и я. Вечером на разборе инструктор объявил нам благодарность, а Тугуши отругал:

— Почему вы смотрите в полете только на приборную доску? Где ваш объем внимания? Так летать нельзя! Вы разобьетесь сами и меня убьете. На посадке только хочу дать вам управление, гляну в зеркало, а вы смотрите не на землю, а на приборную доску. У нас ведь не слепые полеты!..

И Мироевский вновь терпеливо рассказывает о полете по кругу, показывает маршрут на макете, рисует на доске, затем просит Тугуши повторить все.

Учлет повторяет толково. У него ведь инженерное образование. На словах получается даже лучше, чем у инструктора, а в следующем полете он опять смотрит на приборы. Инструктор снова заставляет его тренироваться на земле, в кабине самолета. И вот наконец лед тронулся. Тугушн догнал нас.

К концу июля, когда мы все вылетели уже самостоятельно, нам предложили взять на работе отпуск и выехать в лагеря, на аэродром.

На шахте мне никаких препятствий не чинили. Напротив, наш комсомольский «бог» Женя на всех собраниях ставил меня в

пример.

— Время сейчас грозное, суровое. С Запада надвигаются тучи войны. Империализм, опираясь на набравший силы фашизм, готовит нападение на страну социализма, — гневно говорил он и призывал ребят вступать в члены Осоавиахима, приобретать военные специальности.

На призыв секретаря комитета комсомола откликнулись многие юноши и девушки. В том числе Алеша Рязанов — слесарь механической мастерской нашей шахты.

Забегая вперед, скажу, что Алеша окончил аэроклуб, затем Борисоглебскую военную школу летчиков-истребителей и в первый же день войны начал боевой счет сбитым фашистским самолетам. Рязанов защищал небо Москвы, Сталинграда, Кубани, Прибалтики. За мужество и героизм, проявленные в боях с врагами, наш метростроевец Алексей Константинович Рязанов дважды был удостоен звания Героя Советского Союза…

Я быстро оформила отпуск. Получив деньги, почти все отослала маме в деревню и написала в письме, что еду в лагеря, а в какие — не объясняла.

В лагерях распорядок дня нам установили армейский. Подъем, физзарядка, уборка палаток, завтрак — если полеты сказал ему, и тогда инструктор крикнул, чтобы во вторую кабину положили мешок с песком. Делалось это для сохранения центровки самолета, когда вылетал один человек — без пассажира. Так оно и оказалось. Инструктор, заглянув ко мне в кабину, сказал:

— Полетишь самостоятельно. Делай все так, как сейчас с начлетом.

Вот когда у меня пересохло во рту и вспотели ладошки! Мне хотелось поблагодарить инструктора за то, что научил летать, что выпускает в группе первой, хотелось найти много добрых и хороших слов, но, так ничего и не сказав, только шмыгнув носом, я стала натягивать на глаза летные очки раньше времени, уже не обращая внимания на то, как техник самолета пристраивал к сиденью мешок с песком.

Как сейчас, помню последние напутственные слова инструктора:

— Егорова, не волнуйся.

Он проводил меня до линии исполнительного старта, держась за дужку левого крыла. Взял у стартера флажки и, подняв белый флажок вверх, посмотрел на меня.

Старт дан. Я взлетаю на выбранный заранее ориентир, стараясь не отклониться в сторону и выдержать самолет над землей до положенной скорости. Набрав 300 метров высоты и

убедившись, что все идет хорошо, заглядываю в первую кабину: никого! лечу одна!..

Нет предела моей радости! Я начинаю петь, потом что-то кричу, наконец, сняв ноги с педалей, пытаюсь выбросить какие-то коленца и не замечаю, как приблизилась уже к четвертому развороту.

Стараюсь, очень стараюсь посадить машину как можно точнее. Мне это удается: сажусь у самого «Т» на три точка. Встречает самолет наш старшина Хатунцев. Одной рукой он ухватился за крыло, а другую держит поднятой вверх с оттопыренным большим пальцем. Я в отместку за то, что часто заставляет мыть хвост самолета, показываю ему язык и прибавляю обороты мотора. Самолет рулит быстрее, Ваня бежит во весь дух, сопровождая меня. И так радостно мне в эти минуты, так ликует душа, что кажется, нет в мире человека счастливее меня…

Зарулив на стоянку, выключаю мотор. Ребята, облепив самолет, задают какие-то вопросы, поздравляют, но я спешу доложить руководству аэроклуба о выполнении задания.

— Молодец, Егорова. Летайте 'и дальше так, — сказал начлет и крепко пожал мне руку.

В тот день из нашей группы вылетели самостоятельно трое — Хатунцев, Петухов и я. Вечером на разборе инструктор объявил нам благодарность, а Тугуши отругал:

— Почему вы смотрите в полете только на приборную доску? Где ваш объем внимания? Так летать нельзя! Вы разобьетесь сами и меня убьете. На посадке только хочу дать вам управление, гляну в зеркало, а вы смотрите не на землю, а на приборную доску. У нас ведь не слепые полеты!..

И Мироевский вновь терпеливо рассказывает о полете по кругу, показывает маршрут на макете, рисует на доске, затем просит Тугуши повторить все.

Учлет повторяет толково. У него ведь инженерное образование. На словах получается даже лучше, чем у инструктора, а в следующем полете он опять смотрит на приборы. Инструктор снова заставляет его тренироваться на земле, в кабине самолета. И вот наконец лед тронулся. Тугуши догнал пас.

К концу июля, когда мы все вылетели уже самостоя гель-но, нам предложили взять на работе отпуск и выехать в лагеря, на аэродром.

На шахте мне никаких препятствий не чинили. Напротив, наш комсомольский «бог» Женя на всех собраниях ставил меня в пример.

— Время сейчас грозное, суровое. С Запада надвигаются тучи

войны. Империализм, опираясь на набравший силы фашизм, готовит нападение на страну социализма, — гневно говорил он и призывал ребят вступать в члены Осоавиахима, приобретать военные специальности.

На призыв секретаря комитета комсомола откликнулись многие юноши и девушки. В том числе Алеша Рязанов — слесарь механической мастерской нашей шахты.

Забегая вперед, скажу, что Алеша окончил аэроклуб, затем Борисоглебскую военную школу летчиков-истребителей и в первый же день войны начал боевой счет сбитым фашистским самолетам. Рязанов защищал небо Москвы, Сталинграда, Кубани, Прибалтики. За мужество и героизм, проявленные в боях с врагами, наш метростроевец Алексей Константинович Рязанов дважды был удостоен звания Героя Советского Союза…

Я быстро оформила отпуск. Получив деньги, почти все отослала маме в деревню и написала в письме, что еду в лагеря, а в какие — не объясняла.

В лагерях распорядок дня нам установили армейский. Подъем, физзарядка, уборка палаток, завтрак — если полеты во вторую смену. Когда в первую, то подъем еще затемно, а начало полетов — с зорькой. Вскоре мы все отработали полеты по кругу и приступили к самому интересному — пилотажу.

Опять штудируем «Наставление по производству полетов», где сказано, что цель фигурного пилотажа — научить пилота полностью использовать летные качества самолета. Это помогает в совершенстве овладеть маневром машины, необходимым летчику в боевой работе.

Летаем на пилотаж пока что па земле. Инструктор Мироевский держит в руках модель самолета и разбирает с нами все элементы полота: куда смотреть, что видеть, как действовать рулями не только по направлению, но и по темпу, размаху движений.

— Егорова, — спрашивает он, — что это за фигура — «мертвая петля»?

— Петля, — отвечаю я, — это замкнутый круг в вертикальной плоскости.

— Молодец. Садись, — подбадривает Мироевский и шутливо обращается к Петухову:

— А что же такое штопор-с чем его едят?

Иван встает степенно, сгоняет за спину сборки комбинезона, опускает руки по швам, серые глаза его загораются, и он начинает:

— Штопором называется быстрое вращение самолета по крутой спирали со снижением. Возникает при потере скорости

самолета Штопор как фигура не имеет самостоятельного значения. Но при тренировках обязателен для всего летного состава.

Ваня с детства привык делать все добротно, с чувством собственного достоинства. Родился он в крестьянской семье под Волоколамском. А приехал как-то в Москву к старшей сестре на каникулы, да так и остался у нее. Он окончил школу, затем ФЗУ. Ваня — мастер на все руки. Со своим закадычным дружком Костей Рябовым из автолома собрал автомобиль. Так что на аэродроме у нас бочки с бензином подвозят к самолетам не на подводе, а на автомашине.

— Штопор необходимо научиться делать для того, — продолжает Петухов, — чтобы выработать у каждого летчика уверенные навыки вывода самолета из непроизвольного штопора, которым может закончиться любой из элементов полета при неправильном его выполнении.

— Тугуши! А что вы знаете о бочке? — спрашивает Мироевский.

— Это двойной переворот через крыло в горизонтальной плоскости. Вывод в направлении ввода, — отчеканивает на одном вдохе учлет.

Тугуши, как научился летать, переменился. Когда у него не получалось с полетами, он ходил какой-то поникший, без улыбки. Даже черные его глаза тогда казались бурыми. А теперь Тугуши сияет. На аэродром приезжает в белой рубашке с галстуком. Серый коверкотовый осоавиахимовский костюм тщательно отутюжен, ботинки начищены до блеска — на них даже аэродромная пыль не садится. Побрит Тугуши до синевы, а глаза сверкают! Мы между собой начали называть его грузинским князем.

— А вот иммельман как выполняется? Кутов! — дотошно выспрашивает инструктор.

Виктор Кутов, кареглазый паренек с нежным, как у девушки, лицом, показывает порядок выполнения этой сложной фигуры. Виктор работает на мраморном заводе Метростроя и учится в вечернем техникуме. Он очень любит читать, пишет стихи и собирает книги. Покупает он их обычно в двух экземплярах. Один — себе, другой — мне. Мне-то негде хранить книги, и я отношу их в нашу шахтную библиотеку. Иногда в дарственной книге я обнаруживаю стихи, написанные от руки. Автор их — Виктор Кутов. Я бережно беру стихи из книжки, когда нет никого рядом, читаю, перечитываю, складываю в сумочку, а в общежитии прячу подальше, в свою заветную шкатулку…

Но вот и теория и наземная подготовка пройдены. Мы уже

работаем над иммельманами и «мертвыми петлями» в пилотажных зонах. Настроение у всех бодрое, приподнятое;

каждый день открывает что-то новое. То и дело слышишь:

— А знаешь, я на «мертвой петле» чуть не сорвался в штопор!

— Да не бочки у тебя получаются — «кадушки».

— Ну и пикирнул сегодня Витя!.. И вот однажды идем со старта, как всегда, строем и во всю силу легких поем свою любимую:

Все выше, и выше, и выше Стремил! мы полет наших птиц…

Вдруг кто-то из ребят перебивает:

— Смотрите-ка, братцы, что это в девчачьей палатке краснеет?

Песня оборвалась. Все еще издали начади рассматривать нашу палатку с поднятыми боками. А подойдя ближе, увидели, что моя армейская койка застелена сверху роскошным красным стеганым одеялом. Рядом на табуретке сидит женщина — моя мама,

— Братцы, вот это приданое… — все дружно захохотали. Старшина тогда разрешил мне выйти из строя. Я наспех поздоровалась с мамой и выпалила:

— Ну зачем ты привезла одеяло? На смех людям!..

— Дочушка, так ведь тебе холодно под солдатским-то. Как чуяло мое сердце!

— Мне, как и всем, нисколечко не холодно! И забери ты его, пожалуйста, обратно, а то меня совсем засмеют.

Но тут подошел мой инструктор, познакомился с мамой, полюбовался одеялом и сообщил, что я хорошо летаю, а скоро буду прыгать с парашютом.

— Как летает? — вскрикнула мама и встала с табуретки, бессильно опустив руки. Удивился и Мироевский:

— Почему же ты, Егорова, пе написала матери, что учишься летать?

Я промолчала, а мой инструктор стал объяснять маме, по возможности популярно, что же это такое — самолет У-2.

— Не волнуйтесь за дочку! Наш самолет совершенно безопасен — ну как телега. Только телегу везет лошадь, а у самолета мотор в несколько лошадиных сил. А вот что одеяло привезли — это хорошо, по ночам-то мерзнут все: лес близко, речка…

Мама успокоилась в доверительно обратилась к инструктору:

— Уж вы приглядите за ней, сынок, а то она у меня какая-то взбалмошная: то под землей выдумала работать, то в небо полезла…

— Хорошо, мамаша, хорошо. Будет полный порядок. Не

беспокойтесь за дочку.

В тот же день мама уехала в Москву. Одеяло осталось у меня, но, правда, довольно часто стало пропадать. Раз в дождливую погоду я решила его разыскать и нашла в палатке у ребят: завернувшись в него, как в спальный мешок, под ним крепко спал Лука Муравицкий.

Уже не за горами был тот день, когда всем нам предстояло испытать трудности потяжелей дождливых вечеров да туманов. Лука Муравицкий, окончив программу аэроклуба на самолете У-2, успеет еще поступить в Борисоглебскую военную школу летчиков-истребителей. Вместе с ним направление в летную школу получат мои одноклубники Петухов, Вильчик, Хатунцев, Рябов, Харитонепко, Тищенко, Кутов. После училища младший лейтенант Муравицкий будет служить на Дальнем Востоке. Война застанет его в Московском военном округе. Затем Лука попадет под Ленинград. И в какой-то из армейских газет я прочитаю о мужестве командира звена Муравицкого.

Однажды ему пришлось лететь на боевое задание одному — прикрывать железнодорожную станцию, где разгружали эшелон с боеприпасами. Истребители, как правило, летали парой, а тут один…

Поначалу все шло спокойно. Летчик зорко следил за воздушной обстановкой в районе станции и вот в разрыве между ярусами облаков заметил немецкий бомбардировщик. Лука ринулся наперерез «хейнкелю». Атака его была неожиданной — пулеметная очередь прошила гитлеровский самолет, и тот, круто снижаясь, стал удирать. Муравицкий догнал фашиста и вновь открыл по нему огонь, но вдруг пулемет замолчал. Очевидно, кончились боеприпасы. Тогда Муравицкий решил таранить врага. Пристроившись почти вплотную, винтом своего самолета он ударил по хвосту «хейнкеля». Гитлеровец врезался в землю.

22 октября 1941 года старший лейтенант Муравицкий Лука Захарович за мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевых заданий, был удостоен звания Героя Советского Союза. А спустя месяц, 30 ноября, он погиб, защищая небо Ленинграда…

Но это еще все впереди. Пока же мы отрабатываем пилотажные фигуры в зонах, неподалеку от аэродрома, изучаем устройство парашюта, его укладку и правила прыжка. Предстоит постичь и это — возможно, пригодится…

Осенью, когда учебная программа на самолете У-2 была закончена, к нам на аэродром приехала государственная комиссия НКО (Наркомата обороны). Вначале экзаменовали по всем теоретическим предметам, затем стали проверять технику пилотирования. Все мы выполнили пилотаж в зоне на отлично.

Комиссия осталась вполне довольна.

Настало время расставаться и нам с лагерем, аэродромом, инструктором, товарищами. Было радостно и чуточку грустно. Радостно, что обрели крылья, а грустно — расставаться ведь всегда грустно…

Я по-прежнему работаю в шахте, после работы открываю библиотеку, расположенную в углу шахтной столовой. Вместо стеллажей для книг — буфеты, и я сижу за ними как буфетчица и выдаю книги.

Через месяц выпускной вечер аэроклубовцев. В театре на Малой Бронной мы вновь собрались вместе. Все принаряженные. Ребята даже галстуки надели. Доклад делал начальник нашего аэроклуба. Он сообщил, что большинство ребят, окончивших аэроклуб, направляются в Борисоглебскую военную школу летчиков-истребителей, и вдруг несколько торжественно, повысив голос, а может быть, мне просто показалось, объявил:

— Есть и одна «женская» путевка. В Ульяновскую школу летчиков Осоавиахима. Ее мы решили предоставить… Анне Егоровой.

От неожиданности и радости у меня перехватило дыхание. Неужели мечта, которую вынашивала, осуществится?..

В перерыве меня все поздравляли, а я все еще не верила, боялась верить, что так будет. Поверила только тогда, когда получил направление в школу и проездные документы до Ульяновска.

И вот уже пройдена врачебно-летная комиссия. После мандатной комиссии ждем списков о зачислении. О радость! Я принята!

Выдали нам обмундирование — брюки, гимнастерки с голубыми петлицами, ботинки с крагами. Кажется, лучшего наряда в своей жизни я не носила, хотя и размер его был заметно великоват. Все мне нравилось в школе, начиная с подъема и физзарядки до прогулки с песней перед отбоем ко сну. Занимались много. По учебе у меня все шло хорошо.

Новый, 1938 год встречали весело. И вдруг однажды прямо с занятий вызывают:

— Егорова! К начальнику.

Когда я вошла к нему в кабинет и доложила, все сидящие за столом встретили меня молча, только очень хмуро посмотрели в мою сторону.

Я стою по стойке «смирно» и жду.

— У вас есть брат? — слышу голос.

— У меня пять братьев, — отвечаю. о

— Егоров Василий Александрович!

— Да, это мой старший брат.

— Так почему же вы скрыли, что ваш брат враг народа?!

— Он не враг народа, он коммунист, — гневно выговорила я, хотела еще что-то сказать, но от волнения у меня сразу пересохло во рту и получился какой-то шепот.

Я уже и лиц сидевших не видела, и слышала плохо, только в груди все сильнее и сильнее стучало сердце. Оказывается, брат-то в беде. А я и не знала…

— Мы исключаем вас из школы!

Не помню, как я вышла из кабинета, как переоделась в каптерке в свое гражданское платье, как за мной закрылись двери школы…

Опомнилась на крутом берегу Волги за городом. Порылась в карманах — нашла комсомольский билет, красную книжечку с эмблемой метро — благодарность от правительства за первую очередь Метростроя. И все. Ни одной копейки. В мучительных терзаниях, тревоге я направилась к горкому комсомола..

Секретарь горкома выслушал меня внимательно. Долго молчал. Потом потер руки и горячо заявил:

— Придумал, Егорова! Пойдешь работать в трудколонию НКВД для малолетних правонарушителей. Будешь там до очередного набора в школу. За это время все утрясется, и ты поступишь опять. Начальником колонии старый коммунист Молнин — он поймет. А впрочем, идем к нему…

Так я поселилась при колонии в маленькой комнатке деревянного дома. С душевной теплотой вспоминаю сейчас работу с неугомонной ратью «трудных» ребят. Работать с ними было удивительно интересно. Но как только я узнала о дополнительном наборе в училище, тут же отнесла заявление в приемную комиссию. На предварительной беседе в приеме мне было отказано.

— У вас нет направления из аэроклуба, — объяснили мне.

— Но ведь оно было из аэроклуба Метростроя.

— Никаких ваших документов у нас нет! — отрезали мне и пригласили следующего.

Через неделю я ехала в поезде через Москву к брату Алексею в город Себеж. В Себеже брата не оказалось: его перевели на новое место службы. Денег у меня оставалось всего лишь двенадцать рублей — это как раз до Смоленска, как выяснила на вокзале. А то, что в Смоленске был аэроклуб, я знала раньше.

И вот рано утром поезд пришел в Смоленск. Город незнакомый. Стою и думаю: куда же идти?.. Как-то само собой получилось, что оказалась у секретаря обкома комсомола.

— Мне нужна работа и жилье, — проговорила на ходу от

двери до стола.

— Откуда вы, девушка? — спросил секретарь.

— С вокзала!

— Садитесь и рассказывайте.

— Нечего мне рассказывать, мне нужна работа и жилье, — повторила я упрямо.

— Ну, тогда покажите, какие есть у вас документы?

— Пожалуйста! — И я выложила на стол все, что имела: паспорт, комсомольский билет, красную книжечку с благодарностью за первую очередь метро, удостоверение инструктора-планериста, характеристики и заявление в Ульяновскую Школу летчиков.

Читая документы, секретарь задавал мне вопросы, как бы невзначай сам отвечал, сочувствовал, куда-то звонил, а я сидела на диване и… плакала.

— Ну, рева, пойдем обедать, — слышу его насмешливый, обращенный ко мне голос.

— Не хочу, спасибо!

— Пойдем, пойдем, — он потянул меня за руку. После обеда, увидев мой пустой кошелек, одолжил двадцать пять рублей до первой получки и дал направление на

Смоленский льнокомбинат.

— Езжай прямо в отдел кадров. Я обо всем договорился. А как устроишься, иди в аэроклуб к комиссару. Там есть тренировочный отряд для тех, кто уже закончил пилотскую подготовку.

В тот же день меня приняли счетоводом по расчету прядильщиц, к вечеру поселили в общежитие, в комнату, где жила лучшая стахановка комбината Антонина Леонидовна Сокольская. А вскоре зачислили и в аэроклуб. Я снова стала летать!

Надежды поступить в летную школу почти не было. Кроме меня в тренировочном отряде аэроклуба летали пять потомственных смолянок, а я-то была приезжая. Но вот однажды вызывает меня комиссар аэроклуба и говорит:

— Мы решили единственную «женскую» путевку в Херсонскую авиационную школу отдать тебе. Завтра же бери направление и быстрее езжай в Херсон. Учти, там кроме специальных предметов придется держать экзамены и по общеобразовательным. Конкурс большой, готовься!

В Херсоне действительно был большой наплыв воспитанников аэроклубов страны. Приехали из Москвы и Ленинграда, Архангельска и Баку, Комсомольска-на-Амуре и Минска. На штурманское отделение в школе принимали только

девушек, на инструкторское — в основном парней.

И снова комиссии — медицинская, мандатная. Наконец вывешены списки принятых — меня зачислили на штурманское отделение. Бегу на почту телеграфировать маме…

Пишу вот это сейчас и вспоминаю, как мне не хотелось, чтобы мой сын Петя поступал в военное летное училище. Я его всячески отговаривала, и он, кажется, согласился со мной. Но спустя недели две подошел и говорит:

— Мама! Любовь к авиации мне привита с твоим молоком. С раннего детства я слышу разговоры о самолетах. Знаю, как трудно было стать тебе летчиком, но ты добилась своего. Отпусти и меня…

И я сдалась. Втайне надеялась, что не примут сына, так как поехал он в училище поздно, без направления райвоенкомата.

И вот получаю телеграмму: «Рад, счастлив: принят. Целую. Петр».

Но рада ли была я? Материнское чувство брало верх над разумом. Мне очень хотелось, чтобы сын жил в родном гнезде, учился или работал где-то рядом, чтобы я могла, когда нужно, опекать, подсказывать ему, подставить в трудную минуту плечо.

А что думала в те давние годы моя мама, получив телеграмму из Херсона?

Вот то письмо:

«Родная моя, здравствуй!

Я получила твою телеграмму. Рада за тебя. Но еще больше бы я радовалась тому, если бы ты не стремилась в небо. Неужели мало хороших профессий на земле? Вот твоя подружка Настя Рассказова окончила ветеринарный техникум, живет дома, лечит домашний скот в колхозе, и никаких нет тревог у ее матери. А вы у меня все какие-то неспокойные, чего-то все добиваетесь и куда-то стремитесь.

Восемь человек вас, детей, у меня, и за всех я в тревоге. Все разлетелись, мои птенцы. Вот и последнего, Костю, проводила в армию. Дала ему наказ служить верно и честно, но когда поезд с ним стал скрываться за поворотом — упала на платформе без сознания. И что это уж со мной такое приключилось — ума не приложу…»

Нас у родителей было шестнадцать человек детей — восемь умерло, восемь осталось в живых. Хлеба хватало, как тогда говорили, только до рождества. Страшная нужда заставляла отца приниматься за отхожий промысел. То он работал возчиком: возил рыбу из Осташкова, с Селигера. То ездил в Торжок за огурцами. А были годы, когда и в Петрограде работал на красильной фабрике. Мерз отец в окопах империалистической

войны, с винтовкой защищал Советскую власть в гражданскую. Вернулся больной, и в 1925 году умер — сорока девяти лет от роду.

Васе, самому старшему из братьев, очень хотелось учиться. Но, окончив четыре класса Сидоровской школы, по решению семейного совета, пошел в «мальчики» к портному. Отец тогда сказал так:

— Давай, мать, продадим овцу, и я отвезу Ваську в Питер. Попрошу там Егора Антоновича замолвить словечко у хозяина. Глядишь, мастеровым будет. А тут что?.. Учиться негде, да и возможности у нас нет никакой обувать, одевать, кормить. — И дальше он обратился к сыну; — Может быть, ты, сынок, не хочешь учиться на портного, тогда давай иди в сапожники к дяде Мише. Дядька родной, материн брат, худому не научит. Выбирай.

И Вася выбрал — портного.

До самой Октябрьской революции учился мой брат, да так и не научился портняжному делу, потому что больше-то приходилось бегать в лавку, нянчить хозяйских детей, мыть полы, посуду, топить печи. В революцию шестнадцатилетний паренек раздобыл винтовку и пошел с ней против кадетов вместе с отрядом красногвардейцев. Был Вася ранен и кое-как добрался до тетки Аграфены, дальней родственницы отца. Тетка перепугалась, немедля послала в деревню письмо, написав, что выживет Вася или нет — одному богу известно.

Мама, получив такую весть, бросила все и помчалась спасать сына. Она выходила его, привезла домой, длинного, худого, наголо постриженного.

В деревне Вася прожил недолго. Поступил работать на железную дорогу. А спустя какое-то время рабочие выдвинули его продавцом в свой магазин. В стране разруха, голод — продавцами выбирали самых надежных, тех, кому верили. А потом Васю перевели во Ржев, затем в Москву. Обычная биография рабочих парней тех лет: работал, учился на рабфаке, стал коммунистом. Затем уже окончил Плановую академию, Комвуз. Рабочие фабрики «Москво-швей М 5» избрали Василия своим депутатом в Моссовет.

«И ты учись, дочушка, старайся, — писала мне мама в Херсон. — Что же теперь делать, раз уж полюбила свою авиацию и она тебе дается. Вы, мои дети, счастливы — счастлива и я. Вы в горе — горюю и я, ваша мать…»

Война с Финляндией ускорила наш выпуск. Программу обучения в школе резко сократили, закруглили и подвели к экзаменам. Их мы сдавали тоже в спешке. Нам даже обмундирование не сумели пошить — так и выпустили в старых

гимнастерках и юбках, в каких курсантами были.

Мне дали направление в аэроклуб города Калинина — штурманом аэроклуба. На месте оказалось, что штурман там уже есть, а недоставало летчика-инструктора. Я согласилась с радостью, потому что очень хотела летать, и после проверки техники пилотирования была допущена к обучению учлетов.

Выделили мне группу в двенадцать человек. Ребята все разные и по общей подготовке, и по физическому развитию, и по характерам. Одно объединяло — любовь к авиации. Всем не терпелось поскорее закончить наземную подготовку и начать летать. Я их понимала.

Часто к нам на занятия приходил командир звена старший лейтенант Черниговец. В армии он был истребителем, в Осоавиахим его послали на укрепление инструкторских кадров. Черниговец действительно мастерски летал, хорошо знал математику, физику, легко объяснял громоздкие формулы по аэродинамике. Курсанты любили его за уважительное к ним отношение. Очень помог и мне Петр Черниговец в подготовке моего первого аэроклубовского выпуска.

Для инструктора самостоятельный вылет его ученика — такое же событие, как собственный вылет. Помню, первым я выпускала в своей группе учлета Чернова. Уже получено «добро» от командира отряда, но я волнуюсь и прошу еще слетать с ним командира эскадрильи. Комэск сделал с Черновым полет по кругу да как закричит:

— Чего зря самолетный ресурс вырабатывать — выпускай!

С волнением взяла в руки флажки, как когда-то брал их инструктор Мироевский, и разрешила взлет своему первому ученику…

Всю группу я выпустила успешно. Ребята уверенно окончили программу полетов. А ко Дню Воздушного Флота принялись готовиться мы, инструкторы-летчики. Летали строем, выполняли пилотаж — в одиночку, парами, шестерками.

…В день праздника с раннего утра аэродром наш был готов к приему гостей. Толстым канатом отделены места для зрителей. Играет оркестр. Мы еще раз проверяем самолеты — все ли исправно, уточняем программу, и праздник начинается.

Наконец диктор объявляет о моем вылете. Я, помню, выполнила комплекс фигур высшего пилотажа над аэродромом, приземлилась и не успела зарулить, как мне говорят: «Твоя мама здесь».

Оказывается, узнав из областной газеты, что будет праздник, она приехала в Калинин и прямо с поезда — на аэродром. Мама, конечно, и корзиночку с гостинцами прихватила с собой.

Устроилась за барьером на травке и стала смотреть, что же это делается в воздухе. Сидела спокойно до тех пор, пока не объявили мою фамилию. Тут она заволновалась, а когда я взлетела и принялась крутиться над аэродромом, с криком: «Дочушка, упадешь!» — бросилась на посадочное поле.

Дежурные привели маму в штаб. Выяснилось, о ком она так беспокоилась, и тогда начальник аэроклуба предложил ей покататься на аэроплане. Мама от полета категорически отказалась.

После выпуска курсантов нас, инструкторов, премировали поездкой на пароходе из Калинина в Москву — на сельскохозяйственную выставку.

…Плывем по матушке-Волге, любуемся красотами ее берегов, а затем — по каналу. Я впервые вижу шлюзы, удивляюсь и восхищаюсь этим сооружением.

Ну, вот и Москва. Идем дружно на выставку. Побывала я у своих на Арбате. Поговорили обо всем. Катя работает вязальщицей на трикотажной фабрике, Юрка учится в школе. Брат строит Норильск. В Москве уже действует метро второй очереди, и меня потянуло посмотреть «свою» станцию — «Динамо». Колонны ее облицованы самоцветным ониксом. Между колонн скамья, над нею в проеме барельеф физкультурника. Красиво!.. Метростроевцы возводят новые дворцы-на линии «Курская» — «Измайловская».

Пять дней мы гостили в Москве, а вернулись домой — принялись работать, да так напряженно, что не стало у нас даже и выходных дней.

Всю предвоенную зиму мы готовили летчиков по спецнабору из допризывников. Они были полностью освобождены и от работы на предприятиях, и от учебы в учебных заведениях. Аэроклуб выплачивал им стипендию. Мы же их к весне подготовили и почти всех рекомендовали на ускоренный выпуск в летные училища. Фактически у нас тогда было два набора — с отрывом от производства и без отрыва. Курсанты, занимавшиеся теорией без отрыва от производства, к полетам приступили летом — после выпуска спецнабора.

И вот тот памятный для моего поколения день: 22 июня 1941 года. Как правило, по воскресеньям в аэроклубе проводилась командирская учеба, а тогда нам дали выходной, и мы, целая компания инструкторов, отправились вдоль Волги за ландышами. Два авиатехника, две Марии — Никонова и Пискунова. Два инструктора-общественника — Тамара Константинова и Маша Смирнова.

Идем, любуемся светлыми нашими просторами, устав,

присели на берегу. Мимо проплывают пароходы. Обычно с них летит музыка, а тут что-то тихо, непривычно как-то.

И вдруг слышим отчетливый голос диктора — над Волгой, эхом отдающийся в лесу: «Война!..»

Мы повернули назад, в город. Возбужденные, встревоженные — прямо к военкомату, но к военкому и не пробиться. Только в конце недели добились у него приема. Военком, устало прикрыв глаза, слушал нас молча, а мы, перебивая друг друга, старались передать ему наше непреклонное желание немедленно охать на фронт — защищать Родину.

— Я понимаю вас. Сам прошусь на фронт. Вчера был у меня ваш начальник аэроклуба — четыре рапорта подал. А кто, скажите, будет готовить летчиков для фронта? Вы подумали об этом? Так что идите и занимайтесь своим делом, а будет возможность приблизить вас к фронту — сообщу, в первую очередь.

Такая возможность вскоре представилась. Меня направили и Донбасс в распоряжение Сталинского аэроклуба. Документы мои оформляли в Москве, в Центральном аэроклубе, где новое направление объяснили просто: всех инструкторов взяли на фронт и летчиков там готовить некому.

Я охотно согласилась.

Провожала меня Муся Никонова, наш авиатехник. Пока я ездила в Москву, Калининский аэроклуб эвакуировался в тыл, а Муся осталась. Муж ее, танкист, был тяжело ранен и умирал в одном из госпиталей города. Муся не плакала, только красивое ее лицо с карими миндалевидными глазами и длинными ресницами осунулось, потускнело. А в другой палате тоже лежал танкист — без одной руки. Это был муж Татьяны Никулиной, с которой мы вместе учились в аэроклубе Метростроя. Она приехала к нему из Москвы, оставив маленькую дочку на попечение соседей. Война уже давала о себе знать — очень жестоко, порой непоправимо…

На вокзале Муся Никонова поцеловала меня и, положив в левый нагрудный карман моей гимнастерки серебряный рубль, тихо сказала:

— Это талисман. Вернешь после разгрома фашистов.

Талисман, талисман… Он был со мной всю войну. Каким-то чудом я его сберегла, но вернуть Мусе смогла только спустя много лет. Она считала меня погибшей, а я — ее. И вот по одной газетной публикации Муся Никонова узнала мой приблизительный адрес и разыскала меня.

Помню, стою у калитки дома, а ко мне от автобусной остановки идет женщина. Лицо знакомое-знакомое. Подошла и стала расспрашивать, не знаю ли я, где живет… и тут заплакала

— замолчала, узнала меня!..

Однако это еще когда-то будет. А тогда с предписанием Центрального аэроклуба я отправилась ближе к фронту. В Москве по пути зашла на квартиру брата. Жена его Катя была где-то на оборонительных работах. Сын Юрка, придя из школы, обрадовался, засуетился, желая чем-либо угостить меня, но в буфете, кроме хлеба да куска сахару, ничего не осталось.

Ночью в городе была воздушная тревога, но мы в бомбоубежище решили не ходить — так до утра и проговорили.

Юрий встретился с отцом только в 1948 году, когда вместе с матерью приехал в далекий Норильск…

Через десять лет брата Василия перевели в Москву. Работал он здесь заместителем начальника конторы Норильского горно-металлургического комбината имени Завенягина, которая находилась в столице. А в Норильске много лет работал на ТЭЦ энергетиком его сын — Юрий Васильевич, а теперь трудится уже третье поколение Егоровых — внук Виктор.

Воздушный почтальон

Мчится поезд из Москвы на юго-запад. В вагоне попутчики, что из военных, читают мое предписание и удивляются:

— Кто же тебя послал? Ведь Донбасс эвакуируется… Я молчу, думаю: «Вот и хорошо, на фронт попаду». Действительно, в аэроклубе никого не оказалось: все эвакуировались, и я сижу одиноко в опустевшем кабинете начальника. Неожиданно ворвался лейтенант в авиационной форме — и ко мне:

— Вот досада! Приехал с фронта за пилотами, а тут ни души!

Он посмотрел на меня:

— А вы не летчица случайно?

— Летчица, — с достоинством ответила я.

— Поедете со мной?

— Это куда?

— На фронт!

Сердце мое застучало, заколотилось от радости.

— С превеликим удовольствием, — тут же согласилась я. — Только вот у меня предписание сюда. Кого бы поставить в известность о моем прибытии?..

— Едем в военкомат, — взяв мой чемоданчик, командует лейтенант.

И вот мы несемся на «пикапе» в какую-то 130-ю отдельную авиаэскадрилью связи (оаэс) Южного фронта. По пути лейтенант заезжает в госпиталь, прихватывает еще двух летчиков, поправившихся после ранения, — и дальше.

Наконец аэродром, вернее, площадка неподалеку от станции Чаплино, в хуторке Тихом. Встретил нас здесь сам командир 130 оаэс майор Булкин.

Начальник штаба доложил командиру эскадрильи о прибытии, о том, что задание выполнил — привез вот трех летчиков.

— Что-то не вижу, — глядя на меня, одетую в осоавиахимовскую форму, буркнул майор и отвернулся. Затем, правда, взял у меня документы, внимательно прочитал их и приказал готовиться к проверке техники пилотирования:

— Принимать будет мой заместитель — лейтенант Петр Грищенко.

Позже, когда я уже прижилась в эскадрилье связи, узнала, что комэск наш, Сергей Георгиевич Булкин, воевал в жарком небе Испании, был там награжден орденом Красного Знамени. А его заместитель, Петр Игнатьевич Грищенко, в прошлом летчик-истребитель, после аварии был списан с летной работы, но

началась война, и он добился назначения летчиком в 130 оаэс. Летал замкомэск смело, ему поручались самые ответственные задания. Как-то в 1942 году под Лисичанском самолет Грищенко перехватили четыре «мессершмитта». Петр так умело и отчаянно маневрировал на своем беззащитном «кукурузнике», что фашисты ничего не могли с ним сделать и убрались восвояси. Правда, лейтенант на изрешеченном самолете не долетел до аэродрома — сел на болото и скапотировал. Наши бойцы помогли вытащить машину, летчик сам ее отремонтировал, выполнил задание и вернулся в эскадрилью. Докладывая о случившемся, бывший летчик-истребитель признал: «Оказывается, и У-2 самолет! Правда, стрелять не из чего, однако на таран идет запросто…»

Спустя два дня после прибытия в эскадрилью я получила такую машину и первое задание — доставить представителя Днепровской флотилии в 18-ю армию. С этого и началась моя работа на фронте.

Казалось бы, не хлопотно было летать на У-2 с приказами на розыски частей, разведку дорог, с фельдъегерями да офицерами связи. Но какие неожиданности и опасности таила в себе эта будничная работа! Пишу вот «будничная», а сама думаю: какая же она будничная, если все полеты к фронту на оперативную связь, с секретной почтой, полеты в тыл врага по справедливости считались боевыми вылетами. Нашу эскадрилью не случайно дважды представляли к званию «гвардейская», но слишком уж мало было подразделение. Только в 1944 году 130 оаэс было присвоено почетное наименование Севастопольской.

Однако вернемся к сорок первому. 21 августа я получила задание лететь в штаб 18-й армии. Мне назвали примерный населенный пункт, где должен был находиться этот штаб, а там уже предстояло уточнить его месторасположение. По маршруту полета было много гитлеровских истребителей. Зазеваешься — тут же срежут. Командир эскадрильи предупредил об этом.

И вот лечу на бреющем. Часто поглядываю на компас, часы, карту, слежу за землей — она совсем рядом, под крылом. Радуюсь, что опознаю мелькаемые внизу хутора — время их пролета точно совпадает с расчетным. Хорошая, конечно, штука компас, но я не очень-то с ним дружу, мне больше нравится сличать пролетаемую местность с картой. Когда под крылом перестали, мелькать хутора, балочки и потянулась обнаженная степь, в голову полезли тревожные мысли: а вдруг этот компас врет?.. Может быть, девиация на нем не устранена? Вот уже, кажется, меня сносит с курса вправо, нет, похоже, влево. «Верь компасу, верь… Он приведет, куда нужно…» — твержу себе. И компас не подвел.

Только на обратном пути я ослабила внимание, за что тотчас же была наказана: все перепуталось, перемешалось в голове. Начала я беспорядочно метаться в разные стороны в поисках какого-либо заметного ориентира, по внизу молчаливо лежала только безлюдная степь… Немного успокоившись, взяла курс на восток и полетела по компасу. Вяжу — железнодорожная станция. Хочу прочитать название, но мне это не удается. Тогда принимаю решение приземлиться и уточнить. Был такой метод восстановления ориентировки — опросом местного населения. Оказалось, станция Покровка. Хутор Тихий от нее находился совсем недалеко, и я благополучно вернулась на аэродром, благо самолет мой заправили горючим в звене связи 18-й армии, а летчики там еще и два больших арбуза в фюзеляж положили.

На аэродроме комэск Булкин, хмуря брови, спросил:

— Почему так долго летали?

— Задержали с вылетом в армии, — слукавила я и покраснела.

— Отдыхайте! — буркнул Булкин.-Завтра полетите туда опять.

Но на следующий день лететь пришлось в Каларовку, под Мелитополь. Там стоял штаб 9-й армии, куда и предстояло мне доставить офицера связи с оперативным приказом.

Белые домики в вишневых садах Каларовки прилепились к склонам широкого оврага. Внизу речка. С северо-восточной стороны, выше села, большое поле с ветряной мельницей. Посадила я самолет, подрулила к мельнице и выключила мотор. Офицер связи приказал ждать его и бегом пустился к селу. Я стала искать, чем бы замаскировать самолет, и, ничего не найдя, уселась под крыло, стала ждать. Жду час, два, а его все нет и нет. Какая-то тревога овладела мной.

В селе суета: ревет скот, шумят машины, бегут люди. И вдруг стрельба. В пыли и огне несутся танки. Смотрю и глазам не верю — танки с крестами! Гитлеровцы!..

Вот один снаряд разорвался у самой мельницы, второй шлепнулся возле моего самолета. Я быстро в кабину, пытаюсь запустить мотор, но ничего не получается: надо, чтобы кто-то прокрутил винт. Вижу, по дороге на большой скорости мчится полуторка. Сбежав вниз, пытаюсь остановить ее. Шофер хочет объехать меня, тогда я стреляю по машине из ракетницы. Остановился. Матерясь, вытаскивает винтовку…

— Брось-ка эту штуку, — киваю на оружие. — Помоги лучше запустить мотор.

Шофер опешил, услышав женский голос.

— Где самолет? — крикнул наконец. Показала наверх, в

сторону мельницы.

— Да ты с ума сошла!.. Не видишь, что ли, как стреляют? Твоя птаха вот-вот вспыхнет. Давай ко мне в кабину!

Я возразила. Тогда он быстро огляделся, схватил меня за руку и потащил наверх. Где ползком, где перебежками добрались до мельницы. Мельница была уже наполовину разворочена снарядами, подбитые крылья ее повисли. Плоскости моего самолета тоже продырявило, во многих местах торчала перкаль.

— Поверни-ка винт несколько раз и дерни за лопасть, — прошу шофера и предупреждаю:

— А сам отбегай, чтобы не стукнуло!

— Вот чертова баба… — ворчит шофер, но винт крутит.

Быстро сев в кабину, я включила зажигание. Мотор чихнул раз-другой и заработал. Хотела попросить шофера помочь развернуть самолет, но его уже и след простыл. Тогда, подхватив хвост руками, я развернула самолет сама. Откуда только и сила взялась!..

Взлетаю. Однако где приборы? Приборная доска разбита, войлочная спинка переднего сиденья оторвана, и ею закрыт козырек задней кабины. Но мотор тянет и я жива.

Лечу на восток. Солнце уже скрылось, и сумерки затянули землю. Как же садиться в темноте? Кружусь, ищу свой аэродром, а внизу терриконы, провода, железные дороги к каждой шахте. Наконец вдали вижу маленький огонек. Уж не для меня ли костер разожгли? Так оно и было.

Когда все сроки моего возвращения прошли, в эскадрилье решили, что я уже не вернусь. Да еще летчики из звена связи 6-й армии, отступая, сели на нашей площадке и доложили майору Булкину, что якобы видели мои самолет летящим в сторону села, занятого врагами. Словом, в эскадрилье меня перестали ждать. Один только механик моего самолета упорно ждал и верил, что я прилечу. Он-то и разжег маленький костер на посадочной полосе.

После посадки, осмотрев самолет, Дронов заметил:

— На самолюбии прилетели, товарищ командир. Ну ничего, исправим…

Утром механик доложил о готовности машины к полетам. Мой «кукурузник» стоял как новенький.

— Спасибо, Костя! — впервые назвала я Дронова по имени.

Он покраснел, что-то пробормотал и стал зачем-то перекладывать с места на место самолетные чехлы…

Нередко нам приходилось летать в штаб Юго-Западного фронта, который располагался в то время в Харькове. На Харьковском аэродроме была полная неразбериха. Одни самолеты садились, другие взлетали. По стоянке бродило много

«безлошадных» летчиков, потерявших свои машины в боях, а то и без боев — мало ли побили наших машин прямо на аэродромах!..

В ходе отступления мы часто перебазировались, меняли площадки около какого-нибудь леска или деревушки. Наши стоянки то и дело обстреливали, бомбили. Но, несмотря на трудности и лишения, связанные с отступлением, моральный дух эскадрильи майора Булкина оставался высоким.

— Полетите и посмотрите, чьи войска движутся по дорогам в этом районе, — как-то приказал мне комэск и сделал отметку на карте.

Лететь днем на самолете из перкали да фанеры, когда и из простой винтовки могут сбить, не очень-то приятно. Однако приказ…

Войска на марше оказались нашими. Догадываюсь — выходят из окружения. Истощенные и измотанные, они несут на себе раненых, оружие. Увидев краснозвездный самолет, машут руками, пилотками, касками. Но что это? На колонну пикируют четыре «мессершмитта»! Впервые вижу я трассирующую нить огня. Бойцы попадали. Кое-кто побежал в сторону от дороги. Сделав несколько атак по колонне, фашисты набросились на мой самолет. Выручили меня тогда лесок и речка, петлявшая среди деревьев. Едва не касаясь колесами воды, я выписывала все ее изгибы, повороты. Маневр удался — немцы отстали.

На аэродром я вернулась невредимой, и майор Булкин поздравил меня с боевым крещением.

К концу октября 1941 года после захвата Мариуполя и Таганрога фашисты на нашем Южном фронте перешли в наступление. Мы летали тогда по нескольку раз в день в штабы армий, в дивизии. Гитлеровцы нацелились выйти в район Шахты, а оттуда к Новочеркасску, Ростову. И им удалось потеснить наши войска до Новочеркасска. Но с 8 ноября войска армии Харитонова не давали врагу продвинуться ни на метр — стояли насмерть.

В партийной и комсомольской организациях нашей эскадрильи в эти дни прошли собрания. Обсуждались задачи авиаторов, вытекающие из доклада И. В. Сталина на торжественном собрании в Москве. Доклад его посвящался 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а задача наша была, как и у всего народа, одна — напрячь все силы во имя победы над врагом…

17 ноября наши войска начали наступление. 29 ноября окончательно был очищен от немецко-фашистских захватчиков Ростов.

Попытка противника закрепиться на заранее подготовленных рубежах была сорвана, и войска Красной Армии продолжали

теснить гитлеровцев на запад, к Миусу. Только к 5 декабря остаткам разбитой танковой армии Клейста удалось избежать угрозы полного окружения и удержаться на подступах к Таганрогу. На фронте наступило затишье.

В декабре наша эскадрилья перебазировалась в хутор Филиппенко, а штаб фронта — в городок Каменск на Северском Донце. Здесь я получила письмо от мамы — первое с начала войны. Очень обрадовалась ему: все эти месяцы с боязнью думала, что мои родные могли оказаться в оккупации. Но мама писала, что фашисты были только очень близко от нашего Кувшиновского района. Город Калинин Красная Армия освободила 16 декабря. Торжок не был под немцами, но они его весь порушили. Сколько было церквей, соборов древних — все с землей сровняли антихристы.

Далее мама сообщала, что недалеко от нашей деревни был штаб Конева и у нее квартировали его комиссары. Уж очень славные, добрые. Согрею, пишет, самовар, заварю из разных трав чаю, они сахарку раздобудут, и вот все вместе пьем этот чай, а они мне и рассказывают о всяких новостях на разных фронтах. Я-то все о тебе расспрашивала, показывала им твое письмо с полевой почты. А они: «Жива ваша дочь, Степанида Васильевна, жива. На том участке фронта, где она сейчас, затишье». Может быть, они мне и неправду говорили, но уж очень убедительно и вежливо так.

В письме мама молила бога о том, чтобы мы, ее дети, остались живы, а Красная Армия набрала бы побольше силы да очистила землю русскую от супостатов…

Об освобождении Калинина, Клина, Истры, Наро-Фоминска, Волоколамска я знала из сводок Совинформбюро. Несказанно были рады все в нашей эскадрилье разгрому немцев под Москвой. Да и как же было не радоваться первой большой победе Красной Армии! Восторженное письмо по поводу этой победы я получила с Метростроя. Писала мне Соня Киеня. В конце письма была горестная приписка: «Ты помнишь, Аня, Колю Феноменова — проходчика с тринадцатой шахты? Ну, того, который, помнишь, на метростроевском вечере в Колонном зале Дома Союзов покорил всех акробатическим этюдом? Его тогда вызывали на «бис» раз пять. Да помнишь ты его наверняка. Он еще ездил с нами прыгать с парашютом. Так вот на него, как на проходчика, была броня — он в начале войны работал в тоннеле под Москвой-рекой. Но пришел Феноменов в райвоенкомат, положил па стол военкома военный билет и броню, освобождавшую его от призыва, как очень нужного для Метростроя работника, и по ушел до тех пор, пока не добился направления в действующую армию

— защищать Москву…»

С письмом Соня прислала мне и вырезку из газеты о нашем Николае, в которого мы все, девчонки-метростроевки, были немного влюблены. Листок этот у меня сохранился. Вот он:

«В ночь на 7 ноября 1941 года сержант Феноменов с небольшой группой бойцов перешел линию фронта в районе Наро-Фоминска и уничтожил мост. За успешно выполненное задание Феноменов был награжден орденом Красной Звезды. Во многих боях участвовал метростроевец, защищая Москву от фашистского нашествия. И вот, преследуя под Москвой гитлеровцев, дивизия, в которой сражался Феноменов, вышла на реку Угру. Командование поручило уже командиру взвода гвардии старшему сержанту Феноменову пересечь линию фронта и блокировать дзоты, которые мешали продвижению наших войск. Шел снег, бушевала пурга, и под ее прикрытием бойцы во главе с отважным старшим сержантом добрались благополучно до дзотов и забросали их гранатами и минировали пути подвоза боеприпасов. Фашисты открыли по смельчакам ураганный огонь.

Яркая вспышка ослепила сержанта. Руки точно обожгло, чем-то горячим ударило в лицо, и он упал. Наступил полный мрак. Николай попытался опереться на руки. Но ни пальцев, ни ладоней у него не было. Собрав все силы, пополз. Кружилась голова, в глазах темнело, но он полз и полз, почему-то твердя про себя услышанное от кого-то или прочитанное где-то: «В движении-жизнь!»

Он полз до тех пор, пока ясно не услышал русскую речь: «Кто ползет?..»

…Много-много лет спустя я узнала о дальнейшей судьбе Николая Алексеевича Феноменова. Академик Филатов семь месяцев боролся за сохранение зрения старшему сержанту. Николай помогал ему своим оптимизмом, верой в выздоровление. И они победили. Глаз был сохранен.

Затем Феноменов еще полтора года находился в ортопедическом госпитале. Расчленив локтевую и лучевую кости, использовав остатки мышц, профессор Берлинер создал двухпалые культи. Короткие, с двумя пальцами вместо пяти, без суставов, без сгибов. Профессор считал, что со временем больной сможет этими двумя пальцами удерживать предметы домашнего обихода, обслуживать себя: ведь ему пожизненно дали первую группу инвалидности. Но Феноменов решил работать на родном Метрострое.

На станции Луговая, в тридцати километрах от Москвы, Николай расчистил участок и посадил сад. В сарае он установил верстак, тиски и стал овладевать слесарными инструментами.

Овладел и в 1950 году поступил слесарем в механический цех одной из шахт Метростроя. Более двух лет проработал Феноменов слесарем, а затем решил учиться — поступил в техникум Метростроя. Окончил он его с отличием и вернулся в родной коллектив уже на должность механика участка. В строительстве многих подземных дворцов участвует бывший сержант. За ударный труд его награждают орденом Трудового Красного Знамени. Коммунисты неоднократно избирают своего механика партгрупоргом. Он член партийного бюро. Теперь, когда я пишу эти строки, Николай Алексеевич Феноменов — наставник метростроевской молодежи, Герой Социалистического Труда.

…Но пока что шла суровая, тревожная зима первого военного года. В один из февральских дней, когда метелица намела сугробы снега на улицах хутора Филиппенко, меня вызвали в штаб эскадрильи. Там рассказали об обстановке на нашем участке фронта, дали задание лететь в район Барвенково, где предстояло разыскать кавалерийские корпуса Пархоменко и Гречко и передать пакет с грифом «Совершенно секретно». До Барвенково со мной должен был лететь начальник связи Южного фронта, а дальше — действовать самостоятельно.

В Барвенково я высадила генерала недалеко от железнодорожной станции и полетела дальше. Спустилась очень низко, разглядывая каждую балочку, каждый овраг. В одном из хуторов заметила танки, но не успела рассмотреть, чьи же они, как по мне открыли стрельбу. Однако обошлось — спасла метель. Наконец сквозь снежную завесу я увидела притаившихся в овражке коней, затем цепочки серых шинелей. Это были кавалеристы. Они вели бой в окружении, и я приняла решение садиться прямо перед собой, по курсу, не выбирая площадки.

Приземлилась, выскочила из кабины и побежала, пригибаясь, в сторону солдат. Навстречу мне — командир в маскировочном халате. Он назвался начальником разведки 1-го кавкорпуса и рассказал сложившуюся обстановку. Еле заметными штрихами я отметила на своей карте все пункты, которые занимали кавалеристы 1-го и 54:0 корпусов, и тогда начальник разведки предложил:

— Давайте пакет, я передам комкору.

— Нет. Я должна лично вручить.

— Ну, повнимательнее, — предупредил он. — Придется ползти метров сто. Вон, видите, до того сарая. В обход по оврагу далеко, да и небезопасно: на немцев можно нарваться.

…Наконец пакет передан в руки смертельно уставшему генералу. Он глянул на приказ и крепко выругался, не

подозревая, что перед ним в летном комбинезоне, унтах и шлеме женщина. Где-то совсем рядом разорвался снаряд, за ним другой. Сотрясая землю, разрывы подняли столбы снежной пыли. Над головами со свистом полетели осколки, а генерал продолжал стоять в глубоком раздумье. Затем, обращаясь ко мне, решительно сказал:

— Давай так. Махни к Гречко, в пятый корпус, отвези ему мое письмо и лети в штаб фронта.

— Не успею засветло, товарищ генерал, а самолет для ночных полетов не приспособлен.

Тут последовала очередная ругань в адрес тыловиков, которые отстали от корпуса: людям и коням есть нечего. А еще рация не работает, а вчера послал в Барвенково подводу — и она пропала.

Генерал в отчаянии махнул рукой и вдруг спросил:

— А ты что, простудился что ли, голос-то у тебя какой-то слабый?

— Да нет, — ответила я, взяла конверт из его рук и спросила:

— А что передать в штаб фронта?

— Що передати? — не разжимая зубов, проговорил генерал. — Насмехаешься, желторотик? Бачь, який огонь накликал своим «кукурузником»! Останешься туточки с нами…

— Но вы приказали передать письмо в пятый корпус. Разрешите выполнить приказание?

— Улетай!..

Отыскать 5-й корпус Гречко не составляло труда, так как мне уже было известно его расположение от начальника разведки 1-го корпуса. Посадила я самолет почти посреди хутора, передала конверт и тут же улетела. На аэродром вернулась ночью.

Кружу, знаю, что точно прилетела, но садиться остерегаюсь — как бы самолет не поломать. А темень на земле непроглядная. Хоть бы кто догадался спичку зажечь или закурить. Наконец увидела огонек и пошла на посадку. Приземлилась благополучно, а тут и механик подоспел, помог мне самолетную стоянку разыскать. Дронов, как всегда, ждал меня, не уходил с аэродрома. Это он, едва заслышав рокот мотора, поспешил на поле с паяльной лампой. Ее-то огонек я и увидела с воздуха.

Я за день так наволневалась и намерзлась, что после доклада командиру эскадрильи о выполнении задания, миновав столовую, побрела к своей хозяйке, радушной украинке, угощавшей меня каждый день борщом и вкуснейшими солеными помидорами. Бывало, поставит все на стол, усадит рядом с собой и начнет угощать и рассказывать, уже и который ра», о трех своих красавцах сынах, воевавших где-то далеко на Севере. Она

вспоминала, как трудно ей было растить их после смерти мужа, жалела, что не успели сыновья жениться — началась вояна. При этом хозяйка горько вздыхала, утирала концом фартука слезы, бегущие по щекам, и все потчевала меня:

— Ешь, дочка, ешь. Вот и моих сыночков, может, кормит чья-то мать, а может, и твоя!

Хозяйка ну точь-в-точь как моя мама. Видимо, все мамы чем-то похожи друг на друга. Встретив меня, замерзшую, как сосулька, она помогла стащить намокшие унты и комбинезон, подала теплые валенки, налила борща, но я отказалась — залезла на печь. Когда уже почти заснула, она все-таки сунула мне большую кружку горячего молока и заставила выпить.

Ночью забарабанили в окно. Слышу, хозяйка спрашивает:

— Кто там?

— Егорову в штаб!

— Не пущу, — запричитала моя благодетельница. — Виданиое ли дело, чтобы девчонку так мытарили! Не успела обсохнуть, отогреться, а ее опять будят. Нет парня поднять ночью — все ее да ее…

Я спрыгнула с печи, быстро оделась, взяла наган, засунула в голенище унта карту и только вышла на крыльцо, как подъехала машина.

Начальник штаба эскадрильи старший лейтенант Листаревич выскочил из «пикапа» и виновато сказал:

— Извини, Аннушка, что не дали тебе отдохнуть. Срочно вызывают в штаб фронта для доклада о кавалерийских корпусах, которые ты сегодня разыскала.

Листаревич по натуре очень жизнерадостный, веселый, любит пошутить, посмеяться, но в последние дни его как подменили. Он узнал о новых зверствах фашистов в его родной Белоруссии, на Гомельщине, а там ведь отчий дом, старенькие мать-учительница, отец-связист. Тяжко на душе у Константина Семеновича, но он и виду не подает. Стал, кажется, еще более энергичен, работает с удесятеренной силой. Эскадрилья наша хотя и предназначалась для связи, но выполняла кроме связи разведку в прифронтовой полосе, розыск частей, соединений, о которых но было сведений в штабе фронта.

Начальнику штаба приходится часто оставаться за командира эскадрильи. Он с удовольствием сам бы полетел на задание, ему полеты больше по душе, чем штабная работа, — ведь он в прошлом летчик-истребитель, летал на И-16. Но подвело зрение…

В Каменск, где располагался штаб Южного фронта, мы с Листаревичем приехали за полночь, и тут же дежурный ввел меня

в ярко освещенную комнату. Я увидела группу генералов вокруг большого стола с картой и растерянно остановилась, не зная, кому докладывать.

— Вы летали на поиски кавалерийских корпусов? — наконец спросил кто-то меня.

— Да, я летала.

— Покажите па карте, где находятся конники Пархоменко и Гречко.

Я волновалась, долго водила пальцем по испещренной цветными карандашами оперативной карте, а найти нужный район не могла.

— Может, я лучше по своей? — попросила я тогда генералов и вытащила иэ-за голенища унта старенькую, с проложенными вдоль и поперек курсами, но понятную мне полетную карту. Все рассмеялись раскатисто и дружелюбно, в мне стало как-то легко, напряженность исчезла.

Докладывая обстановку, сама не знаю почему, я обращалась не к командующему, а к какому-то представительному усатому человеку. Он, улыбаясь, показывал мне из-за спины командующего пальцем: дескать, к нему обращайся, он здесь старший. Но меня как магнитом уводило, и я, докладывая, опять обращалась не к командующему, а к усатому с добрым лицом.

Когда все показала и рассказала, меня отпустили. Выйдя, я поинтересовалась у сопровождающего меня командира:

— Кто этот с усами? —

Член Военного совета фронта Корниец…

Из Каменска мы вернулись под утро. Не успела я как следует согреться и заснуть, как опять:

— Звонили из штаба фронта. Приказали тебе лететь к Пархоменко — отвезти рацию и офицера связи. Полетишь по известному тебе вчерашнему маршруту.

На прежнем месте корпуса не оказалось — скрылся где-то. Я, потеряв надежду на успешный поиск, решила посадить самолет и поспрашивать у местных жителей. Развернувшись над заснеженным хутором, приземлилась у крайнего домика и, не выключая мотора, побежала к мазанке. Метелица намела сугробы снега, ветер валил с ног, бежать было очень тяжело. Постучала в окошко. Выглянул старик. Спрашиваю:

— Дедушка, здесь наши не проходили?

— Немцы тут, сынок, немцы!..-крикнул старик и, будто испугавшись своих слов, замахал руками.

Я заторопилась к самолету. Но, пробежав самую малость, остановилась. Случилось непонятное — ноги отказали…

— Ой, лиха беда, сынок! Тикай швыдче! — послышался

знакомый голос.

Я оглянулась и увидела возле хаты старика. Он стоял раздетый — в одной рубахе и валенках. Вытянутой рукой показывал на двух немцев, бегущих с другого конца улицы, но тут же упал под выстрелами автоматов.

Едва держась на ногах, кое-как я доковыляла до самолета и под градом пуль взлетела…

А конников Пархоменко я все-таки нашла. Вся местность и хутор сильно обстреливались. Села, быстро подрулила к какой-то хате. При помощи офицера связи подтащила самолет ближе к сараю. Обстрел усилился. Мы взяли из кабины рацию и потащили в дом.

— Опять прилетел? — недовольно спросил Пархоменко, увидев меня. — Демаскируешь ты нас своим «кукурузником», давай немедленно улетай отсюда.

— Вот обстрел кончится — и улечу.

— Обстрел не кончится, — сказал генерал, — Мы будем отходить. Танки против нас идут. Улетай!

Я побежала к самолету, стала запускать мотор, но он неожиданно отказал. Замерз.

— Давай жги «кукурузник», мы отступаем! — крикнул Пархоменко.

— Товарищ генерал, — взмолилась я, — пожалуйста, дайте лошадь отбуксировать самолет.

— Нет у меня лишних коней, сам видишь, в каком положении!

Но лошадь все-таки дал. Нашлась и веревка. Привязала я ее к оси шасси двумя концами, у коня на шее сделала подобие хомута, присоединила все, взяла лошадь под уздцы и тронулась вместе с обозом в путь. К счастью, пошел сильный снег, а там и ночь наступила и скрыла нас от вражеских снарядов.

Остановились мы в каком-то селе. Попросила я хозяйку нагреть воды, слила в чугун масло и тоже поставила в печь. Потом помощники из конников помогли мне залить в бачок уже горячее масло, облили карбюратор мотора горячей водой и стали запускать. К всеобщей радости, мотор чихнул раз-другой и заработал.

— Разрешите улетать, товарищ генерал? — спросила я Пархоменко.

— Улетай! Возьми вот пакет и раненого, а на меня, старика, не сердись. На войне все бывает. Я ведь тебя за парня принял, а ты…

В эскадрилье уже знали о всех моих бедах — им сообщили радисты кавалерийского корпуса, наладившие связь.

Прилетев на свой аэродром, я села, зарулила самолет на стоянку, но рядом не обнаружила машины лейтенанта Алексеева. Вокруг все было разбросано в каком-то беспорядке.

— Что случилось? — спросила я механика Дронова.

— Погиб лейтенант Алексеев.

— С кем летал?

— Со штурманом лейтенантом Грачевым. Грачев жив, только сильно покалечен…

Больно защемило сердце, на глаза навернулись слезы, и я, едва передвигая ноги, пошла со стоянки.

— Что вы, Егорова, не идете, а плететесь? — слышу сердитый голос майора Булкина. — Где пакет от командира кавалерийского корпуса? Вас давно ждут. Поторапливайтесь!..

Я достала из планшета пакет, передала майору, а сама пошла искать комиссара Рябова и парторга Иркутского. «Как же так? — думалось мне.-Погиб наш товарищ, летчик… Надо созвать людей, помянуть добрым словом. Как же так?..»

Ни Рябова, ни Иркутского на месте не оказалось. Они улетели еще утром в кавалерийский корпус. Откровенно говоря, мы немножко недолюбливали Булкина за его высокомерие, сухость, грубоватость. Алексей Васильевич Рябов был полной его противоположностью. Зачастую комиссар сам летал как рядовой летчик, но находил время и по душам поговорить, и поругать, если заслужил. Однако если и поругает, то на него не обидишься.

Парторг Иван Иосифович Иркутский был под стать нашему комиссару — чуткий, добрый, внимательный и штурман отличный. Особенно он отличался в розыске частей, попавших в окружение. В эскадрилье шутили, что парторг даже под землей отыщет. Как-то в поиске отряда конников Иркутский с летчиком Касаткиным наскочили на немецкие танки. Те незамедлительно их обстреляли. А вскоре Иркутский заметил в одном населенном пункте людей с охапками сена, суетившихся вблизи домов. Иван Иосифович предложил Касаткину посадить машину. Когда приземлились, выяснили, что в селе был именно тот отряд, который они искали. В целях маскировки кавалеристы укрыли коней в сараи, хлевы, даже в коридоры жилых домов. Задание экипаж выполнил.

В эскадрилье считали парторга Иркутского везучим. С летчиком Касаткиным он садился на минное поле — все обошлось удачно, оба остались живы и невредимы. С летчиком Сборщиковым парторг полетел как-то на разведку дорог в район Николаева. В пути им повстречались десять Ю-87 под прикрытием истребителей Ме-109. Истребители набросились на беззащитный У-2. Тогда Сборщиков посадил машину прямо по

курсу, и они с Иркутским побежали от самолета в разные стороны. Гитлеровцы сделали несколько заходов по самолету, обстреляли и бегущих летчиков, но безуспешно. Весь У-2 был в пробоинах, однако не загорелся, а летчики, как говорится, отделались легким испугом. Возвратились они домой после разведки, а аэродром только что разбомбили, все поле опять усеяно минами, словно тюльпанами, как садиться?.. На земле им выложили крест, запрещающий посадку. Но Сборщиков все-таки посадил машину, маневрируя на пробеге между воронками и минами, как заправский циркач. За разведданные экипаж получил тогда благодарность от штаба фронта. А за посадку при запрещающем знаке — взыскание от комэска.

Иркутский хорошо знал весь личный состав эскадрильи, каждому находил какие-то особые, только ему необходимые слова.

— Егорова! А мы с вами земляки, я ведь родом тоже из-под Торжка,-обратился он однажды ко мне и спросил:– От матери письма получаете?

— Нет, Иван Иосифович, давно не получаю. Боюсь, что в наших краях фашисты бесчинствуют. Очень мне страшно за маму.

— Я от своей матери тоже давно не имею весточки, — наклонив голову, тихо сказал парторг и продолжил:

— Мне наш комсорг сказал, что тебя комсомол рекомендует в партию. Так вот и я готов за тебя поручиться. Я ведь, Егорова, в партию вступил в тридцать девятом году, а в комсомоле с двадцать восьмого года. Видишь, какой уже старый.

— Да что вы! Всего-то тридцать один год, — заметила я и, осмелев, спросила:

— А кем вы перед войной работали?

— Заворготделом ЦК профсоюза госторговли РСФСР! — на одном дыхании выговорил Иркутский и засмеялся как-то по-домашнему просто. — Да, Егорова, вторую рекомендацию вам даст комиссар Рябов — он мне сам об этом сказал.

— Спасибо, Иван Иосифович. Постараюсь ваше доверие оправдать, — поблагодарила я и побежала к самолету.

Кандидатом в члены ВКП (б) меня принимали на партийном собрании эскадрильи. Было это в апреле 1942 года. Мы стояли тогда в населенном пункте Воеводовка, около Лисичанска, а кандидатскую карточку мне вручил в штабе Южного фронта заместитель начальника политуправления Л. И. Брежнев. Вместе со мной кандидатами стали летчики Спирин, Сорокин, Касаткин, членами партии — Листаревич, Грищенко, Сборщиков. Леонид Ильич тепло поздравил нас с этим памятным для каждого событием.

Со штабом Южного фронта чаще-то у меня были связаны дела более прозаические. Как-то приказали лететь в 6-ю армию за командующим артиллерией фронта. Вечерело. Лететь было приятно. От снега все кругом бело, чисто, и небо ясное — будто хозяйка перед праздником окна помыла, будто и войны нет. Однако, как говорится, береженого бог бережет! И я, на всякий случай, летела на бреющем, маскируясь в балочках, перелесках, как бы сливаясь с местностью.

Сразу после посадки к моему самолету подкатила эмка. Из машины вышел генерал, и я по всем правилам доложила ему.

— Что же, для командующего артиллерией фронта у вас там мужика не нашлось? — недовольно спросил он. Я ответила вопросом на вопрос:

— Разрешите узнать, куда полетим?

Полковник, сопровождающий генерала, назвал пункт.

Вынув из планшета карту, тут же на крыле самолета озябшими руками я провела курс и села в первую кабину. Генерал, в папахе, закутанный почти до самых глаз шарфом, устроился за мной, и мы полетели. В зеркале, что крепилось слева на стойке центроплана, мне хорошо было видно усталое лицо моего пассажира. Взгляды наши то и дело встречались, я откровенно улыбалась, показывала рукой то на принарядившуюся в серебристый зимний наряд землю, то на заходящее солнце. Генерал продолжал хмуриться.

Но вот неожиданно на самолет упала тень. Оглянулась — и предательский холодок пробежал по спине. Два «мессершмитта» нагло и самоуверенно пикировали прямо на нас…

Над самой землей, едва не касаясь ее консолями, я начала бросать машину то вправо, то влево, уклоняясь от пулеметных очередей. А немцы еще и еще заходят для атаки. Вдруг заглох мотор!.. Этакое невезение! Пришлось садиться прямо по курсу на снежное поле.

Приземлившись, выскочила из кабины, чтобы помочь генералу, который был так одет, что сам выбраться никак не мог. «Мессеры» не унимались. Холодящие сердце огненные струи впивались в землю совсем рядом с нашим самолетом. Наконец мы оставили машину и побежали к лесу. Спотыкаемся, падаем, поднимаемся и опять бежим. Мой генерал уже совсем задохнулся от глубоких сугробов — возраст не для кросса. Вдруг все стихло. Тогда я попросила генерала обождать меня под деревьями, а сама вернулась к самолету. Осмотрела. Все-таки искалечили У-2. Много пробоин было в плоскостях, фюзеляже, отбита лопасть винта, пробиты масляный и бензиновый баки, в сторону отлетел цилиндр мотора. Как еще не загорелся!..

Наступила ночь. Оставить самолет в открытом поле я не могла, и вместе с генералом мы подтащили его к лесу, замаскировали ветками, закрепили, привязав к стволам деревьев. И пошли на восток. Ох и тяжкий это был путь! Ноги проваливались глубоко в снег, временами казалось, что уже не сделать ни одного шага. Тогда я садилась в сугроб, и невольно срывалось:

— Дальше не пойду. Идите один…

Генерал тормошил меня:

— Вставай, вставай. Стоит присесть — заснешь и замерзнешь.

И я поднималась.

К утру, с обмороженными лицами, мы наткнулись на наших бойцов. Ими оказались артиллеристы той части, в которую мы летели с командующим артиллерией фронта. Связисты сообщили в эскадрилью о моем местонахождении, о том, что самолет сильно поврежден. И вскоре к нам прилетел летчик Спирин, привез механика Дронова, а вторым рейсом — все необходимое для ремонта моего У-2.

Целый день потребовался, чтобы отыскать самолет в неизвестном лесу и прибуксировать его лошадью ж населенному пункту. К счастью, помогло большое пятно на снегу от вытекшего масла.

Константин Александрович долго ругался, осматривая израненную машину. Посылал тысячу чертей в адрес немецких летчиков, самого Гитлера, обещал фюреру осиновый кол в могилу. Но дело делал: быстро соорудил подобие палатки над мотором — защитил себя от ветра — и снял для удобства в работе перчатки.

Я стала ему помогать.

— Ну куда вы, товарищ командир, с таким обмороженным лицом к мотору? Испугается — не заведется, — шутил мой механик.

Да, лицо у меня было действительно страшное. Почернело все. Я смазала его жиром, надела сверху кротовью маску. Такие маски выдавали всем летчикам, но мы не любили их носить-меховая шкурка на подкладке с прорезями для глаз и рта, — как на карнавале.

Чтобы отослать меня погреться, Дронов выдумывал равные уловки, но потом смирился, и дело у нас пошло быстрее.

Удивительный народ авиационные механики! Как правило, это большие мастера своего дела, или, как сейчас говорят, мастера — золотые руки. Они могут ни спать, ни есть, пока самолет не будет в полной готовности, а потом, сдав его летчику для полета, не уйдут с аэродрома и терпеливо будут ждать его

возвращения.

Вот он начинает прибирать на стоянке — свернет чехлы, перенесет с места на место тормозные колодки, потом просто закурит, чтобы не так долго тянулось время ожидания. А сам то и дело поглядывает в небо: не летит ли?.. Приближение своего самолета механик узнает издалека — по гулу мотора, только ему одному известному. И тогда он побежит его встречать! Счастлив, очень счастлив этот скромный трудяга аэродромов, когда летчик вернется на землю жив и невредим.

Нет, я бы, пожалуй, не смогла быть механиком самолета. Не хватило бы сил ждать. Особенно в войну, когда проходят все сроки возвращения, когда надежда остается разве на чудо, а механик все ждет, все всматривается в небо, прислушивается, надеется…

В тот раз мы вернулись с Дроновым в эскадрилью, и он показал своим товарищам пробоины, которые ему пришлось заклеить на морозе.

— Восемьдесят семь пробоин насчитал, а у Аннушки и генерала ни царапины! Вот что значит хвостовой помер «чертова дюжина», — посмеивался Дронов. Но я-то уж знала: кроме всяких цифр, кроме везения в тех полетах меня надежно охраняли руки механика самолета.

А вот еще говорят — судьба. Лично я верю в судьбу. Если ею еще и управлять. Как-то в один из дней зимы сорок второго получаю задание на розыск «катюш», которые только что появились на нашем фронте. Дали мне примерный район, сказали, что большие грузовые автомашины с установкой для реактивных снарядов зачехлены сверху, и велели передать генералу Пушкину, командиру корпуса, совершенно секретный пакет.

Помню, стояла оттепель. В районе нашего аэродрома лил дождь, видимость меньше некуда — метров сто. Когда отлетела от аэродрома, повалил мокрый снег, затем туман закрыл все вокруг — ни зги не видно. Решила я тогда набрать высоту, — может, там посветлее, чем у земли. Высотомер показывает уже 900 метров. Здесь туман стал пореже. Но что такое?.. Самолет начало лихорадить. Он затрясся всеми расчалками, задрожал. Глянула я за борт, а плоскости, фюзеляж машины, даже винт ее покрылись ровной ледяной коркой. Мотор-то работает, все рули исправны, а самолет не слушается их, проваливается вниз. Отдала я ручку управления полностью от себя, чтобы быстрее потерять высоту, и вот какое-то чутье подсказало, что земля уже близко, где-то совсем рядом. Но что там подо мной? Дома, лес, река, овраг или еще что?.. Выключила мотор, потихоньку тяну

ручку на себя… Удар! Самолет коснулся земли, и понесло, понесло куда-то. Всячески стараюсь притормозить, остановить движение, хотя на У-2 и нет тормозов — действую рулем поворота. Наконец остановился. Тихо так стало. И в двух шагах ничего не видно — туман. Отойти от самолета боюсь — потеряешься. Пришлось ждать, пока туман не рассеялся. За это время очистила самолет ото льда, определила по времени и скорости полета местонахождение. И вот, когда просветлело, перед самым носом самолета вижу большой стог соломы. Как не врезалась в него?..

Корпус генерала Пушкина с «катюшами» в тот раз я все-таки нашла. Но, возвращаясь обратно, опять попала в сильный снегопад. Машину посадила в кромешной мгле — не видно было даже стоянки самолетов, так что после приземления порулила на авось. Хорошо, механик Дронов услышал «голос» своего самолета и побежал навстречу.

Командир эскадрильи долго меня отчитывал тогда: «Жить надоело!..» А летчики хмуро молчали: оказывается, все они вернулись с полпути, не выполнив задания.

За этот полет начальник связи Южного фронта генерал Королев объявил мне благодарность. Там же, в штабе, связисты нарисовали на меня в стенгазете дружеский шарж и подписали: «Женщина летает — мужчинам выходной!»

А на следующий день я получила из политотдела подарок — посылку. И чего только в ней не было! Но самое интересное, что сверху в посылке лежал кисет для табака. «Дорогому бойцу от Маруси Кудрявцевой — на память» было вышито на кисете, а внутри его лежало письмо и фотография миловидной девушки. В письме Маруся просила, чтобы дорогой боец крепче бил фашистов и скорее с победой возвращался домой. Под кисетом аккуратно разложены табак в пачках, бутылка водки, вдетая в шерстяные носки и обернултая полотенцем с красивой вышивкой, мешочек с сухофруктами. На самом дне ящика лежала ученическая тетрадь в косую линеечку и десяток конвертов. Половина из них была с адресом: город Мары Туркменской ССР, Марии Кудрявцевой. Кисет, табак и водку я отдала механику своего самолета, полотенце — хозяйке дома, где жила, шерстяные носки и сухофрукты взяла себе.

Фотографию, тетрадь и конверты я решила отдать Виктору Кравцову — статному кубанскому казаку, от роду двадцати двух лет. Помню, в каком бы селении мы ни стояли, все местные девчата не сводили с него глаз, а казак никого не замечал, а может, так — только вид делал, что все ему безразличны.

— Виктор, — обратилось я к Кравцову,-посмотри-ка на фото,

какая славная девушка. Напиши ей, пожалуйста, письмо вместо меня. Порадуй, что посылка попала по назначению — молодому бойцу, да еще летчику.

— Вот еще выдумала, — буркнул он, но конверты и тетрадь взял…

Наступил день Красной Армии. Наша эскадрилья собралась на праздничное собрание, и начальник штаба Листаревич торжественно зачитал от имени Президиума Верховного Совета СССР Указ: лейтенант Спирин награжден орденом Красной Звезды, младший лейтенант Егорова — орденом Красного Знамени…

Я только что прилетела с задания и, немного опоздав, сидела позади всех. В ушах еще шумело от работавшего мотора, и я толком не расслышала, кого наградили. Но вот меня обступили все, поздравляют с орденом, а я стою и не верю: за что же меня-то?

На фронт я, можно сказать, попала благодаря воле случая. Задания все, какие поручали, выполняла, как и положено солдату, — от души, хотя зачастую, признаться, мне было трудно. Но я старалась. Почему-то вспомнился приказ па разведку дорог — узнать, чьи там войска на марше: наши или гитлеровские? Лететь днем, на беззащитном самолете, единственное оружие которого — наган у пилота!.. Все знали, что фашистские асы гонялись за нашими самолетами. «Мессершмитту» сбить У-2 не составляло большого труда, а вот награду они получали такую же, как и за сбитый боевой самолет.

— Товарищ командир, что с вами? Вам плохо? — слышу голос механика Дронова. — На вас лица нет…

— Все хорошо, а что?

— Вас в президиум приглашают.

Орден мне вручил член Военного совета фронта Леонид Романович Корниец, тот самый, который помогал мне мимикой и жестами докладывать о расположении кавалерийских корпусов Пархоменко и Гречко не ему, а командующему фронтом.

В мае 1942 года началось наступление войск Юго-Западного фронта на харьковском направлении. Мы, летчики эскадрильи связи штаба Южного фронта, всегда были в курсе боевых событий. Перед вылетом нам сообщалась обстановка на фронтах, а мы, летая в ту или другую армию, корпус, дивизию, уточняли ее. Войскам Юго-Западного фронта в мае сорок второго предстояло уничтожить группировку противника и освободить Харьков.

Две армии нашего фронта — 9-я и 57-я должны были взаимодействовать с Юго-Западным фронтом.

20 мая утром мне приказали лететь в 9-ю армию с совершенно секретным пакетом. Почему я должна была лететь одна, не помню. Обычно-то мы летали со штурманами, офицерами связи, фельдъегерями или там еще с кем. А тут я полетела одна. И вот, подлетая к городу Изюму, увидела на дорогах и просто по полю движение наших войск. В долине Северского Донца, у Святогорска и в Изюме, виднелось много пожаров.

Пожары с детства вызывали у меня неосознанную тревогу и волнение. «Вор хоть стены оставит, а пожар — ничего!» — говорили у нас в деревне.

На всю жизнь врезалось, как горел хлеб. Сжатый хлеб пород обмолотом обычно сушили в ригах. Снопы складывали ли колосники в закрытом помещении, а внизу под ними топили большую, сложенную из камней печь — теплинку. Тепло шло вверх и сушило снопы для обмолота. От недосмотра за теплинкой и загорелась наша рига с хлебом.

Посреди ночи раздался душераздирающий крик: «Пожар! Горим!» Все повскакали с постелей, в темноте заметались по избе. Братья, полураздетые, выскочили из дома, а мама от испуга не могла никак до двери дойти, держа в руках первую попавшуюся ей в руки вещь — самовар. Так бы она и стояла, если бы не голос братишки Кости:

— Мама, да успокойся! Пожар потушен, и хлеб цел. Это Колька послал сказать тебе, чтобы ты не волновалась…

Шла война. Горели целые города, горела вся наша земля, но не могла я привыкнуть к пожарам. И сейчас тревожно стучало кое сердце при виде пылающей долины.

А в небе шел воздушный бой. Паша пара И-16 дралась с шестеркой Ме-109. Бой был неравный. Но «ишачки» искусно увертывались от огня «мессершмиттов», заходили в лобовую атаку, и фашисты, опасливо уклоняясь, ничего не могли поделать. Преимущество было явно за нашими ребятами.

Я, признаться, засмотрелась и не заметила, как немецкий истребитель коршуном набросился на мой самолет. Резанула перед глазами огненной струёй очередь. Нырнуть бы мне тут в овражек или лощину, только впереди раскинулось чуть ли не до самого горизонта ровное поле с зыбкими кучками прошлогодней кукурузы. Справа — сплошной стеной лес, слева — город.

Загорелась машина. Сразу стало жарко и душно в кабине. Едва приземлившись, выскочила я из самолета и, срывая с себя тлеющие лохмотья комбинезона, побежала к лесу.

Немец, видно, пришел в ярость. Снизился до бреющего полета и весь огонь пушек перенес на меня. В сорок первом, да

еще и в сорок втором, гитлеровцы могли позволить себе такую роскошь — погоняться по полям за одиноким русским солдатом на танке, построчить из всех пулеметов и пушек, свалившись с неба. А я все бежала и бежала. Временами падала, притворяясь убитой, и поспешно прятала голову под стебли кукурузы.

Когда «месс» уходил на разворот, я вскакивала, прижимала к груди секретный пакет и снова бежала… Израсходовав весь боекомплект, фашист улетел.

…Лес. Тихо. Вблизи ни души. И вдруг так захотелось мне лечь на лужайку, как в детстве, закрыть глаза и забыться. На деревьях уже пробилась молодая листва. Весна вступала в свои права. Никогда-то не боялась я смерти, а тут вдруг так захотелось жить. Плохо умирать весной. Весной жизнь во много раз дороже…

А самолет мой сгорел дотла. Сгорели мешок почты и кожанка, лежавшие в фюзеляже. Что было делать? Как найти штаб 9-й армии? Осмотрелась я. Вижу, на ветвях деревьев висит телефонный провод. Пошла по нему, надеясь, что приведет на какой-нибудь командный пункт. Но не прошла и тридцати шагов, повстречала двух бойцов — сматывали провод на катушку.

— Где КП? — спросила.

— Какой тебе КП, там немцы! — крикнули они, не останавливаясь.

Выйдя из леса, через поле побежала к дороге — она была пуста. Отдельные бойцы и небольшие отряды конников шли кто как, не придерживаясь дороги.

Но вот проскочила грузовая машина, объехала меня, стоявшую на ее пути с вытянутыми в стороны руками. Показалась эмка. Опять голосую, но тщетно. Не замедляя хода, эмка несется мимо. Тогда, не задумываясь, вытащила я наган из кобуры и выстрелила вверх. Шофер дал задний ход, остановился недалеко от меня. Затем открылась передняя дверца машины, и из нее легко выскочил бравый капитан. Он ловко выхватил у меня оружие, выкрутил руки за спину, а сам полез в нагрудный левый карман моей гимнастерки за документами. Такого обращения с собой я не могла допустить! Не менее ловко наклонила голову да зубами как хвачу капитана за руку — кровь брызнула!

Гляжу, из машины выбрался полный генерал, стал расспрашивать, кто я и по какому праву безобразничаю на дороге.

— А вы кто такой? — выпалила, но свое удостоверение достала. А удостоверение было весьма внушительное — выданное на мое имя, оно предлагало всем воинским частям и гражданским организациям оказывать предъявителю документа всяческое содействие в выполнении заданий.

— Вам куда ехать? — уже вежливо спрашивает генерал.

— В штаб девятой армии,

— Садитесь в машину, — предлагает и любезно так интересуется:

— Где это вас опалило?

Рассказала я, что со мной произошло, и вдруг как расплачусь. От обиды или от боли? Очень уж болели обожженные руки, а тут еще этот капитан, выкручивая их, содрал кожу — они кровоточили.

— Не плачь, девушка, — стал успокаивать меня генерал, — а то и лицо начнет саднить от слез. Мы тебя сейчас мигом доставим в штаб девятой армии.

Однако на войне и «сейчас», и «мигом» — понятия растяжимые. Только через три часа мы нашли штаб армии, где я и вручила пакет начальнику оперативного отдела.

В санитарной части мне смазали лицо, забинтовали руки. В столовой накормили, а к вечеру на грузовой машине отправили на аэродром.

В эскадрилье меня встретили как с того света. Начхоз Народецкий даже принес конфет вместо ста граммов водки, которую нам выдавали за вылеты. Он знал, что я свою норму не пила, а отдавала механику или пилотам, и старался при случае побаловать меня конфетами или чем-то вкусным.

Когда мы базировались под Ворошиловградом и жили в лесу, в палатках, летали мало. На фронте было затишье. Однажды Народецкий пригласил меня поехать с ним в Ворошиловград на экскурсию. Осмотрев город, мы зашли в универмаг, и там я увидела широкополую соломенную шляпу с роскошным букетом искусственных цветов. Долго я стояла да любовалась ею. Тогда начхоз, уловив мой взгляд, обращенный к соломенному чуду, о чем-то пошептался с продавщицей, и та вручила ее мне. Шляпу пристроили в моей палатке на гвозде. Но раз возвращаюсь с задания и — что же — вижу нашего любимца Дружка, собаку, кочевавшую с эскадрильей еще с хутора Тихого, в этой самой шляпе. Братцы-пилоты прорезали в ней отверстия для ушей, привязали накрепко бечевкой, и пес с лаем носился в таком шикарном украшении. Пилоты, конечно, попрятались от меня в палатки, смеются, а Кравцов выговаривает:

— Это тебе за то, что подарки принимаешь от начхоза!.. Сегодня, когда я вернулась живая, правда, с ожогами на лице и руках, в обгоревших сапогах, все радуются.

— Не печалься, Егорова, о самолете. Главное, что сама осталась жива, приказ в войска доставила… — успокаивает инженер эскадрильи Маликов. — А самолет — дело наживное…

Весь конец мая мы летали в 6-ю и 57-ю армии, окруженные

гитлеровскими войсками. Там не хватало боеприпасов, продовольствия, горючего, было много раненых. Попытки прорвать окружение ни к чему не приводили. Армии несли большие потери в живой силе, технике. Фашистские летчики охотились и за нами, часто доставалось нашим У-2 и с земли.

Вернулись в эскадрилью без самолетов Сережа Спирин, Виктор Кравцов. Тяжело раненного Ваню Сорокина отправили в госпиталь. Вот уже пять дней прошло с тех пор, как улетели на задание Сборщиков со штурманом Черкасовым. Наум Сборщиков-летчик милостью божьей! Перед войной он работал инструктором, научил летать более сорока курсантов. Я его знала еще по Ульяновскому авиационному училищу, где мы занимались с ним в одном классном отделении. Потом наши пути разошлись. И вот когда я приехала на фронт, в эскадрилью, Наум встретил меня, как родного человека. По натуре он был замкнутый, тихий, но меня оберегал, как мог, помогал во всем. Когда Сборщиков не вернулся, я долго не верила в его гибель. Ждала. Но вот уже и пять дней минуло, все уже перестали ждать, даже механик его самолета. И у меня оставалось мало надежды на возвращение Наума, и невольно слезы наворачивались, когда никто не видел. Черкасова тоже было жаль. Вечно улыбающийся, блондин, небольшого роста, в выцветшей гимнастерке и брезентовых, модных тогда, сапогах. Даже не верилось, глядя на Лешу Черкасова, что столько испытаний выпало на его долю.

Добровольцем Черкасов пошел защищать республиканскую Испанию. Летал штурманом на бомбардировщике. В одном из боевых вылетов самолет был сбит. Летчик и штурман попали в плен к фашистам. После долгих допросов и пыток оба были приговорены к смертной казни.

Советское правительство сумело защитить своих сынов. Перед самой войной они вернулись на Родину.

— А я в рубашке родился, — смеясь, любил повторять Черкасов.

Как же хотелось верить, что «рожденный в рубашке» вот-вот появится среди нас с очередной, придуманной им самим шуткой, от которой даже хмурый Сборщиков засмеется.

И они вернулись! Вернулись совершенно неожиданно, когда их уже никто не ждал. У Наума голова была забинтована так, что одни глаза в щелочки просматривались, правая нога без сапога — чем-то замотана. Вся гимнастерка в пятнах крови. У Черкасова же одна рука забинтованная на ремне висела, второй он опирался на большую палку…

Однако шел июль еще только сорок второго года. Нависла угроза окружения войск Южного фронта. Противник занял

Донбасс, вышел в большую излучину Дона и тем самым создал угрозу Сталинграду и Северному Кавказу.

Около переправ через Дон скопилось множество наших войск, техники. К переправам гнали скот, тракторы. Повозки, нагруженные домашним скарбом, с сидящими наверху детьми, тоже ждали здесь своей очереди. Это ночью. А на рассвете начинались беспрестанные налеты фашистской авиации. Наши зенитки стреляли у переправ, но мало. Самолетов наших почти не было. Гитлеровцы же сначала бомбили, потом с немецкой педантичностью расстреливали с малых высот скопления людей. Что же тогда на этих переправах творилось! Кричали женщины, плакали дети, ревел скот… Ад кромешный!

Вместе с войсками отступали и мы. Отходя к Дону, одну за другой меняли полевые площадки. Очень уставали, буквально валились с ног: заданий поступало много. Отдохнуть было некогда, поесть негде, да порой просто и нечего. Обед, приготовленный на старом аэродроме, попадал на новый, а то и совсем не попадал. Спали где придется: в кабине, на чехле под крылом самолета. Только задремлешь, кричат: «По самолетам!»

Потанину раз приказали лететь на разведку, узнать обстановку: определить, куда продвинулись мотоколонны противника и каков их состав; где находятся железнодорожные эшелоны с войсками, техникой и в каком направлении движутся; сосредоточение гитлеровских войск и их примерную численность. Штурманом с Потаниным на задание отправился вчерашний студент архитектурного института Белов.

Летчик и штурман вскоре увидели, как гитлеровские танковые и моторизованные колонны, мотоциклисты движутся на юго-восток, в сторону Дона, в направлении его большой излучины. Наши войска отступали, и немецкая авиация неистовствовала — бомбила дороги, забитые беженцами.

Все разведали Потанин с Беловым, все узнали, определили и повернули домой. Летели они маскируясь, вдали от дорог и населенных пунктов. Но фашисты двигались и стороной — большими и совсем маленькими отрядами и группами. Один такой отряд в лесочке привлек внимание экипажа своей необычностью — человек сорок — пятьдесят в маскировочных халатах. Потанин подумал, что это свои, что они не знают, в какую сторону им двигаться, и решил показать направление. Сделал над ними один вираж с выводом на юго-восток, потом еще, и вдруг вся группа, как по команде, подняла вверх автоматы и застрочила по самолету трассирующими пулями. На фронте всякое бывает, решил Потанин, по ошибке могли обстрелять свои же бойцы. Но, как оказалось, стреляли по У-2 фашистские

десантники. После чего штурман замолчал. В беспокойстве летчик оглянулся — Белов сидел бледный, безжизненно уронив голову на борт кабины.

Тревога за жизнь товарища подсказала Потанину поскорей приземлиться и оказать ему помощь. И он посадил машину тут же в поле. Но помощь уже не понадобилась. Белов был мертв…

В те тяжелые дни нашего отступления недалеко от Новочеркасска к нам пристал лет трех малыш. В одной рубашонке, грязный, изголодавшийся, весь в ссадинах, он ничего не мог сказать, кроме слова «мама», которую звал беспрестанно, да своего имени — Илюша. Плакать Илюша уже не мог, а только надсадно всхлипывал. Подошедшие бойцы рассказали нам, что недавно немецкими самолетами был разбит обоз с беженцами и что они видели этого мальчика около убитой матери. А потом, когда фашистские стервятники налетели еще раз, все бросились в разные стороны, побежал, видимо, и малыш — и так спасся.

Мы не знали, что же с ним делать, куда пристроить. Надо было улетать, а Илюша ухватился ручонками за мою шею, и, кажется, никакая сила уже не могла оторвать его от меня. Я решила взять малыша с собой.

— Ты что, с ума сошла?

— Ребенку нужен уход. Что ты можешь дать ему?

— Где мы теперь остановимся, знаешь? — налетели пилоты.

Тогда я еще крепче прижала к себе Илюшу в побежала к станице. Навстречу попалась старая женщина с палочкой. Прикрыв ладонью глаза, она долго всматривалась в ребенка, а потом заплакала, запричитала:

— Илюшенька, внучок мой!..

Я передала малыша старухе и в слезах бросилась к своему самолету. И стало мне тогда вдруг так невыносимо больно, так обидно за все: и за этого сиротливого Илюшку — сколько их было на дорогах войны! — и за уходящие годы, за себя… Я так любила детей, так хотелось иметь свою большую семью — много маленьких озорных мальчишек, вихрастых девчонок…

Война перечеркнула, разрушила все мечты. Мне часто вспоминался Виктор Кутов. Вот уже пять месяцев от него не было никаких вестей. Он воевал где-то на Северо-Западном фронте. В минуты, когда я оставалась со своими мыслями наедине, тяжелым камнем давило: да жив ли?.. Письма не идут — это полевая почта виновата. Но я потерплю, я непременно дождусь… В такие минуты сквозь слезы я ругала себя, что до войны была такой дурой: ведь давно, еще с Метростроя, до самозабвения люблю Виктора, а ни разу ему об этом не сказала. Почему?..

«Ты любишь меня?»-спрашивал он на свиданиях, а я только

смеялась: «Еще чего! Конечно нет!» — «Поцелуй на прощание». — «Выдумал. Целуй сам, если надо…»– «Любит! Любит!»-звонко кричал Виктор и кружил, кружил меня вихрем, крепко держа за руки…

В эскадрилье связи ко мне все — и пилоты, и механики — относились хорошо. Находились и «женихи», но я как-то ухитрялась разговаривать с ними не наедине, а среди людей — так было легче отбить «атаку», дать понять, что любви не получится. Трудновато, конечно, женщине одной среди мужского коллектива. Порой так хотелось с кем-то просто поболтать по-бабьи. Но все-то сдерживало, все усмиряло одно суровое слово — «война»…

Под Черкасск мы прилетели на заранее обусловленную площадку — а ни штаба, ни столовой, ни горючего. Наш наземный эшелон, в связи с тем что прямой путь на Грозный был захвачен противником, двигался какой-то долгой дорогой — через Майкоп, Туапсе, Кутаиси, Тбилиси, Орджоникидзе… Командиром наземного эшелона был назначен старший лейтенант Листаревич, комиссаром — лейтенант Иркутский. Выехали они 18 августа 1942 года — как раз в День Воздушного Флота, но нам в то тяжкое время отступления было не до праздника. А догнала эскадрилью наша «база» только 30 октября, когда штаб фронта стоял уже в Грозном.

Так что приземлились мы, выключили моторы, собрались около самолета заместителя командира эскадрильи Пенькова и стали думать, как же быть дальше.

Глядим, из селения, неподалеку от которого сели, идет пожилая женщина. Поздоровалась, посмотрела на нас и говорит:

— А кушать-то у вас есть что, может, вы голодные?

Не услышав ответа, прямо и предложила:

— Я сегодня борща наварила ведерный чугун. Как знала, что прилетите. У меня ведь сынок летчик, только вот давно нет от него писем… — И она зашмыгала носом, утираясь подолом широкой кофты.

После вкусного обеда мы решили слить со всех машин оставшийся бензин и лететь на поиск наших тылов. Полетела я с Черкасовым. И снова под крылом земля, окутанная дымом, горящие дома, горящие неубранные хлеб, кукуруза, подсолнечник. На повозках и пешие — с узлами, коровами на поводках, — движутся люди. Больно смотреть. А еще больнее то, что ничем-то не можешь помочь им.

Только через несколько дней где-то под Пятигорском мы наконец нашли свой штаб. Здесь нам зачитали приказ НКО № 227, жесткий приказ войскам, смысл которого сводился к одному:

«Ни шагу назад!..»

Как правило, номера приказов помнили только штабисты. А вот этот — 227-й — спроси и сейчас любого фронтовика! — назовет каждый. В нем говорилось, что нам надо до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр нашей земли. Осуждались те, кто считал, что территория Советского Союза большая и что можно и дальше отступать в глубь страны, до выгодных для обороны рубежей. Приказ призывал объявить решительную борьбу трусам, паникерам, нарушителям дисциплины.

Нам приходилось летать по всему Северному Кавказу. Танковые соединения врага уже форсировали Кубань в районе Армавира, овладели Майкопом, Краснодаром. Немцы заняли почти все горные перевалы, захватили Моздок, небольшие плацдармы на правом берегу Терека.

Нам, рядовым пилотам, трудно было разобраться в обстановке отступления, которая сложилась осенью 1942 года на Северном Кавказе.

Помню, получив задание отыскать штаб 58-й армии, я снова со штурманом Черкасовым пролетела от Нальчика до Грозного. Армию мы нашли и передали почту штаба фронта, но сколько же пережили за тот полет!..

Вернулась я с задания усталая, удрученная всем виденным, злая. Сдала самолет Дронову, а сама поспешила к штабу эскадрильи. И вот уже вслед слышу горькие слова механика, обращенные к инженеру:

— Опять как решето! Как, чем ремонтировать — ума не приложу. Мастерских нет…

Захожу на командный пункт доложить командиру о выполнении задания, а там уже докладывают вернувшиеся Коля Потанин и Виктор Кравцов. Спокойный, рассудительный, Потанин сам на себя не похож. Всегда причесанный 11 опрятный, сейчас он был в обгорелой форме, с измазанным маслом и кровью лицом, с опаленными волосами. Он докладывал командиру эскадрильи майору Булкину и капитану Рябову о случившемся и просил перевести его в боевую авиацию. А случилось с Потаниным вот что.

Его послали в район Ардона с важным грузом в окруженные противником части 37-й. Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин, бывший командующий нашей воздушной армией, в своей книге «Четвертая воздушная» написал об этих полетах: «Многие храбрецы летали в район окружения и днем». Яснее, кажется, и не скажешь. Ну а разве не храбрецы? Днем на беззащитном самолете, в район окружения… Летчики доставляли

войскам продовольствие, боеприпасы, медикаменты, другие грузы.

В тот день Потанин, выполнив задание, вывозил из окружения тяжелораненого. На обратном пути он попал под сильный обстрел с земли, затем — под огонь фашистских истребителей. Как ни маневрировал Николай, как ни старался уйти от летящих в него снарядов, самолет все-таки был подбит, вспыхнул и упал в заросли. Потанин успел выскочить из-под горящих обломков, катаясь по земле, сбил с себя огонь, бросился спасать раненого, но тот уже был мертв…

— Я хочу их, гадов, бить… — сверкая чистыми и ясными, как небо, глазами, доказывал Николай комэску. — Больше так не могу. Они нас бьют, а мы — в кусты!..

Кубанец Кравцов молчал. Вместо доклада он протянул комэску какую-то бумагу, и тот, также молча, прочитал и, долго не раздумывая, что-то размашисто написал на ней, передал начальнику штаба.

Позднее мы узнали, что Виктор Кравцов отказывался летать на У-2 и просил перевести его в штурмовую авиацию. Резолюция комэска — уже в который раз! — была одна и та же: «Отказать»…

Наши войска в чрезвычайно сложных условиях с тяжелыми боями отошли к предгорьям Главного Кавказского хребта. Враг захватил обширную территорию: Ростовскую область, Калмыцкую АССР, Краснодарский и Ставропольский края. Враг уже проник в Кабардино-Балкарию, в Северную Осетию, Чечено-Ингушетию.

25 октября 1942 года гитлеровцы бросили в бой до 200 танков и, прорвав оборону 37-й армии, 28 октября захватили Нальчик. Развивая успех, через неделю они вышли на подступы к Орджоникидзе. Однако 6 ноября подошедшие резервы нашей армии нанесли контрудар по фашистской группировке и в шестидневных боях разгромили ее. Немцы перешли к обороне и на грозненском направлении. План захвата Закавказья, Грозненского и Бакинского нефтяных районов был сорван — врага остановили.

…И вот мой последний вылет в эскадрилье связи — в район Алагира. В пути меня атаковали истребители. Я пытаюсь от них спрятаться — маневрирую буквально между деревьями, кронами их. «Мессеры» бьют неприцельно, во длинными злыми очередями. Кидаю свой самолет влево, вправо… »Когда же наконец отвяжутся!..» И вдруг… Правым крылом моя машина врезалась в дерево. Сильный удар… Треск… Еще удар!.. Очнулась — и никак не пойму, где нахожусь. Болят ноги, руки, сдавило грудь, дышать трудно. Потихоньку пошевелилась — переломов вроде нет. Но где самолет? Посмотрела кругом, а он туг, рядом, лежит — весь

изломанный. Мотор уткнулся в землю, винт, вернее, обломки его в стороне валяются, на кустах висят элероны, еще какие-то детали. Словом, самолета нет. В душе боль, досада, горечь. «Что же делать? Что же делать?..» — твержу потерянно п ковыляю в сторону аэродрома.

Никаких доказательств, что меня атаковали фашисты, нот. Думаю, скажу-ка, что сама разбила самолет. Вот случай перейти в боевую авиацию!

Только па второй день к вечеру отыскала я аул Шали в ущелье за Грозным и предстала перед командиром эскадрильи.

— Я разбила самолет и готова отвечать за это по законам военного времени, — отчеканила скороговоркой, стоя со стойке «смирно».

Майор Булкин, как мне показалось, был не в духе. Сердито посмотрев на меня, он принялся кричать:

— В штрафную роту захотела? Вот там узнаете, почем фунт лиха! А то, видите ли, они стали хулиганить… чтобы удрать в боевую авиацию!

Кого имел в виду Булкин, я не знала, но слушать брань его мне было обидно. Заступился за меня Алексей Рябов.

— Давай-ка, командир, отправим ее в УТАП вместе с Потаниным. Пусть переучивается. Ведь на Егорову уже пять запросов откомандировать в женский полк…

Об этом я услышала впервые, но не успела ничего сказать — откуда ни возьмись Дронов:

— Разрешите обратиться? Самолет Егоровой я отремонтирую. Обещаю!

Много лет спустя я узнала, что Дронов самолет мой действительно восстановил, сдал его инженеру эскадрильи, а сам добился перевода в другую часть и до конца войны был механиком на истребителе Ла-5.

А я с Потаниным тогда все-таки укатила в УТАП (учебно-тренировочный авиационный полк). И вот первое препятствие на пути к боевой машине.

— Значит, штурмовиком? — Это командир полка. — А знаете ли вы, что за адская работа — штурмовать? Ни одна женщина еще не воевала на штурмовике. Две пушки, два пулемета, две батареи реактивных снарядов, бомбы различных назначений — вот вооружение «ила». Поверьте моему опыту, не каждому даже хорошему летчику подвластна такая машина! Не всякий способен, управляя «летающим танком», одновременно ориентироваться в боевой обстановке на бреющем полете, бомбить, стрелять из пушек и пулеметов, выпускать реактивные снаряды по быстро мелькающим целям, вести групповой воздушный бой, принимать

и передавать по радио команды. Подумайте! — урезонивал он.

— Думала уже. Все понимаю, — отвечала я кратко, но решительно.

— Не приведи бог, какая упрямая! Тогда делайте, как разумеете! — И командир учебного полка отступился.

Самолетов в УТАПе было много, но все устаревшие. Мы летали на УТ-2, УТИ-4, И-16, СУ-2. Штурмовика Ил-2, о неподвластности которого говорил командир полка, не было и в помине. А мне и моим новым товарищам хотелось освоить именно штурмовик.

Как-то, уже летая на И-16, я прослышала, что к вам приехал начальник политотдела 230-й штурмовой авиадивизии полковник Тупанов — для отбора летчиков в боевые полки. Ну, думаю, двум смертям не бывать, одной не миновать — и бегом к штабу. У первого встречного спрашиваю:

— Где тут полковник Тупанов?

— А вы по какому вопросу к нему?

— По очень важному и срочному.

— Я Тупанов, — ответил незнакомец небольшого роста с голубыми глазами и приветливой улыбкой.

— Вы?.. — удивилась я.

— Да, я. Так какое у вас дело ко мне, столь важное и срочное?

— Товарищ полковник, возьмите меня на фронт! Летчиком-штурмовиком. Обещаю — не пожалеете.

— Как же ваша фамилия?

— Е-го-ро-ва, — протянула я, заикаясь.

— Хорошо, Егорова. Приходите завтра на собеседование. Утром около штаба полка собралось человек тридцать. Среди взволнованной толпы пилотов были и приглашенные и добровольцы. Тупанов побеседовал с каждым — расспрашивал о полетах, доме, семье.

А меня начальник политотдела сначала спросил о том, где я работала и кем.

Я подробно рассказала, что работала на шахте Метростроя у Красных ворот. Была арматурщицей. А потом на шахте 84–85 — «Динамо» — чеканщицей, машинистом подъема, слесарем по ремонту отбойных молотков, перфораторов…

— Хорошо, хорошо, — остановил меня начальник политотдела. — А какое вы училище окончили?

— Херсонское. После училища работала, инструктором-летчиком в Калининском аэроклубе.

— И сколько человек обучили летать?

— Сорок два…

Тупанов помолчал, а потом пошли вопросы о матери, о

братьях. И я отвечала и отвечала, все ниже опуская голову, готовая вот-вот расплакаться — теряя надежду на то, что буду воевать на штурмовике. Подумала даже, что Тупанов специально отвлекает меня от основной темы и, конечно, в конце беседы сделает вывод: не подходите, женщины на штурмовиках не летают…

Но произошло совершенно неожиданное. Начальник политотдела авиадивизии улыбнулся мне, словно извиняясь, спросил:

— Утомил я вас своими расспросами? — и заключил:

— Мы берем вас. Считайте, что вы уже летчик 805-го штурмового авиационного полка нашей 230-й штурмовой авиадивизии. Через три дня выезжаем. Будьте готовы.

До чего же я была счастлива! Выскочила на улицу и бросилась колесом на руках под дружный хохот товарищей (хорошо, что в брюках была…).

Перед отъездом сходила попрощаться с командиром учебно-тренировочного авиаполка. Он искренне поздравил меня с переходом в штурмовики, но, как бы между прочим, предложил:

— А ведь и к нам «илы» поступили. Оставайтесь-ка инструктором по переучиванию летчиков. Получите комнату — все удобнее будет… К тому же и зенитки не стреляют. Оставайтесь.

«Черная смерть»

На аэродроме «Огни», куда наша группа прибыла из учебно-тренировочного полка, я впервые увидела красавец-штурмовик. Это был моноплан с низко расположенным крылом, с убирающимися в гондолы колесами. Сразу бросились в глаза удлиненная обтекаемая форма фюзеляжа, остекленная кабина, лобовое пуленепробиваемое стекло фонаря и далеко вперед выступавший острый капот мотора с конусообразным обтекателем винта. Все это придавало самолету хищный вид. Из-под передней кромки плоскостей его угрожающе смотрели две 23-миллиметровые пушки, два пулемета, восемь металлических реек — направляющие для реактивных снарядов. В центроплане четыре бомбоотсека. В них да еще на двух замках под фюзеляжем можно было подвесить шесть 100-килограммовых бомб.

Ил-2 отличался еще одним заметным преимуществом. Мотор, бензобаки, кабина летчика, другие уязвимые части штурмовика были одеты в броню. Так что ни ружейный, ни пулеметный огонь, ни осколки зенитных снарядов не были страшны ему. По существу, это был «летающий танк», который развивал скорость у земли свыше 400 километров в час!

— Вот это да-а… — протянул восхищенно кто-то из нашей группы. А я подумала: «Какая красотища, какая мощь…» — и погладила рукой крыло «ильюшина».

На изучение материальной части штурмовика и подготовку к экзамену у старшего инженера полка нам дали только двое суток. Сразу же и распределили всех вновь прибывших по эскадрильям. Меня и летчика Вахрамова — в третью.

Щупленький, небольшого росточка, Валя Вахрамов выглядел мальчиком. А когда мы узнали, что и лет-то ему всего лишь около девятнадцати, — удивились: умудрился же паренек при таком-то росте еще и прибавить себе возраст, чтобы поступить в летное училище.

Когда мы добирались до аэродрома «Огни», Вахрамов по дороге отстал от поезда. Пассажирских поездов тогда было очень мало, и пришлось ему догонять нас на цистерне с мазутом. Измазался, конечно, изрядно, да еще и документы потерял. Короче, когда явился Валентин в полк, его никто не хотел принимать за летчика и потребовалось мое подтверждение «кто есть кто». Вахрамова выслушал сам командир полка и произнес только одно слово: «Отмыть!..»

Батальонный комиссар Игнашов, заместитель командира полка по политической части, вызывал нас, вновь прибывших

летчиков, на собеседование поочередно. Не знаю, о чем он говорил с моими товарищами, но меня удивил первым же своим вопросом:

— И зачем вам подвергать себя смертельной опасности?

— Сразу уж и смертельной? — недовольно буркнула я, а Игнашов продолжал:

— Штурмовик — это слишком тяжело для женщины. Да и, учтите, потери наши великоваты. Скажу по секрету, в последних боях над поселком Гизель мы потеряли почти всех летчиков. Хотя самолет наш и бронированный, но пилотов на нем гибнет больше, чем на любом другом самолете. Подумайте хорошенько да возвращайтесь-ка обратно в учебно-тренировочный авиаполк. Там, я слышал, вас оставляли летчиком-инструктором. Штурмовик не подходит женщине.

— А что же подходит женщине на войне, товарищ комиссар? — с вызовом спросила я. — Санинструктором? Сверх сил напрягаясь, тащить с поля боя под огнем противника раненого. Или снайпером? Часами в любую погоду выслеживать из укрытия врагов, убивать их, самой гибнуть. Или, может, легче врачом? Принимать раненых, оперировать под бомбежкой и, видя страдания и смерть людей, страдать самой.

Игнашов хотел что-то сказать, но остановить меня было уже трудно.

— Видимо, легче быть заброшенной в тыл врага с рацией? А может быть, для женщин сейчас легче в тылу? Плавить металл, выращивать хлеб, а заодно растить детей, получать похоронки на мужа, отца, брата, сына, дочь?.. Мне кажется, товарищ батальонный комиссар, — уже тише заговорила я, — сейчас не время делать разницу между мужчиной и женщиной, пока не очистим нашу Родину от гитлеровцев…

Свое неожиданное выступление я закончила, и тогда Игнатов улыбнулся:

— Вот-вот, и у меня такая же сумасбродная дочь. Работала в тыловом госпитале врачом, так нет, ей обязательно нужно на фронт, на передовую. Сейчас где-то под Сталинградом… Писем давно нет — ни жене, ни мне. Особенно жена страдает. Одна осталась… А вы-то домой пишете? — спросил Игнашов, доставая из кармана какие-то таблетки.

Я только сейчас разглядела, какой он больной. Под главами мешки, губы синие, лицо бледное, опухшее.

— Я пишу письма. Но сама из дому не получаю давно. Бывает порой очень грустно. Тогда я внушаю себе, что виновата полевая почта.

— В твои-то годы можно еще внушить себе и что-то приятное,

— сказал Игнашов, впервые обращаясь ко мне на «ты». — Замужем? —

Нет, — односложно ответила, и вдруг у меня вырвалось, словно я, наконец, нашла, кому выговориться, кому поведать свое самое сокровенное:

— Но я очень люблю одного человека, летчика. Он истребитель. Воюет где-то под Ленинградом. Перед войной мы хотели пожениться, только я все откладывала. То, говорила, надо закончить летное училище, то выпустить еще одну группу курсантов, а потом война.

Беседа с Игнашовым явно затягивалась, но расстались мы, как старые друзья.

— Приходи ко мне со всеми своими вопросами, радостью и горем. Будем все вместе решать, — как-то просто сказал он на прощание и протянул мне руку.

А потом начальник штаба полка капитан Белов рассказал нам о боевом пути полка, о летчиках, отличившихся в боях с врагом. Мы узнали, что наш 805-й штурмовой авиаполк был сформирован из 138-го скоростного бомбардировочного. С первого дня войны он начал боевую работу. Летчики наносили бомбовые удары по колоннам немецко-фашистских войск, двигавшимся от западной границы в направлении Киева, и потери полка были очень большие. На боевые задания, как правило, летали девятками, без сопровождения наших истребителей, а «мессеров» над войсками противника было видимо-невидимо, да и плотным зенитным огнем они были хорошо прикрыты. Так что, сильно подверженные огню, самолеты СБ часто горели.

В этот тяжелый период начала войны полк потерял большую часть личного состава и самолетов. Когда же не осталось почти ни одной боевой машины, полк по железной дороге прибыл в Махачкалу, а потом морем в Астрахань, где летчики собирались изучить новый самолет Пе-2 — пикирующий бомбардировщик конструкции Петлякова.

Не успели разместиться, как новый приказ — начать изучение самолета-штурмовика Ил-2. И опять в путь. Теперь уже за боевыми самолетами. Здесь полк и получил наименование: 805-й штурмовой авиационный. Личный состав переучился на новую технику, и все перелетели на фронт в состав 230-й штурмовой авиационной дивизии.

Так началась боевая жизнь полка на прославленных ильюшинских штурмовиках.

Начальник штаба особенно расхваливал нам Петра Карева-штурмана полка. И летчик-то он отменный, и страха-то не ведает, и молодых вводит в строй, как никто другой, и веселый, и

общительный. Любое задание Петр Карев выполняет с честью. Вот, к примеру, переправу на Дону в районе Цимлянской разбил с первого захода и без потерь ведомых.

— А летчик Тарабанов? — спрашивал Белов. — Слыхали о нем?

— Листовка была о Тарабанове, — отвечали мы нестройным хором.

— Летчик Тарабанов свой горящий самолет направил на большую колонну гитлеровцев, врезался в нее и погиб, — подал голос сержант Вахрамов.

— Да нет же, в тот раз он не погиб, — уточнял начальник штаба. — Через два дня летчик вернулся в полк. Оказалось, он действительно направил свой пылающий самолет на фашистскую колонну, но сам сумел выпрыгнуть с парашютом и тем спасся. А о Герое Советского Союза Мкртумове что знаете?

— Расскажите, — попросили мы.

И вот узнаем о судьбе еще одного нашего славного однополчанина. Родился Самсон Мовсесович в 1910 году. Четырнадцатилетним вступил в комсомол и стал одним из активистов села. В 1928 году приехал к брату в Баку и устроился работать на нефтепромыслах, одновременно учился в педагогическом техникуме, сам обучил сотни неграмотных рабочих. Затем его избрали вожаком промысловой комсомольской организации, через год — секретарем райкома комсомола. А в 1933 году по путевке партийной организации Мкртумов тал на учебу в Сталинградское авиационное училище.

Боевое крещение летчик Мкртумов получил на войне с белофиннами. Когда напали гитлеровцы, Самсон был одним из тех, кто с первых же дней войны вступил в смертельную схватку с врагом. На скоростном бомбардировщике он совершает налеты па вражеские колонны, громит танки, мотопехоту, наносит удары по тылам противника.

Будучи ведущим звена, Самсон Мкртумов однажды произвел штурмовку опорного пункта противника северо-восточнее Верхнего Акбаша и уничтожил в том боевом вылете скопление вражеской техники.

Что и говорить, примеры из боевой жизни полка начальник штаба приводил убедительные.

Однако нам самим вскоре предстояло вылетать в бой, и традиционные в авиации зачеты по знанию самолета, мотора, аэродинамики начал инженер полка. Мотор на «иле» конструктора А. Микулина — двенадцатицилиндровый, один из мощнейших моторов того времени, спроектированный специально для штурмовика, — я знала хорошо.

Знание оружия штурмовика у нас проверял инженер по вооружению старший техник-лейтенант Б. Д. Шейко.

— Так как все же прицеливаться при пуске эрэсов? — спрашивали мы чуть ли не в один голос.

— Да наводи перекрестие на бронестекле на цель — и жарь!

— А как установить электросбрасыватель на бомбометание?

— Смотря что бомбить. Можно одиночно, серией или золпом, — отвечал нам инженер по вооружению, совсем еще молодой парень, видимо только-только, как и мы, попавший в штурмовой полк.

— Скажите, а какая траектория полета эрэса с пикирования?

— А как установить сбрасыватель эрэсов?.. Вопросы сыпались как из рога изобилия, и молодой инженер вскипел.

— Кто кого экзаменует? Вы меня или я вас? — спросил оп, крутя рукоятку электросбрасывателя то вправо то влево, и, не найдя правильного положения, чертыхнулся, вылез из кабины и направился в сторону от аэродрома.

На самолетной стоянке нас ждали новые экзаменаторы: штурман полка и начальник воздушно-стрелковой службы.

Штурман капитан Карев предстал перед нами удивительно элегантным. Кажется, та же была на нем армейская ферма, во тщательно отутюженная гимнастерка с белоснежным подворотничком, брюки галифе с необъятными пузырями, хромовые сапоги, начищенные до блеска и собранные в гармошку, фуражка со звездочкой па околыше — все это сидело на Кареве как-то по-особенному изящно и не нарушая устава. С первого знакомства еще запомнились почему-то озорные смеющиеся глаза, нос с горбинкой.

Начальник же воздушно-стрелковой службы, а в дальнейшем заместитель командира полка по летной подготовке, капитан Кошкин был полной противоположностью штурману. Далеко не спортивного вида, в форме, с довоенной поры не помнящей чистки и утюга, флегматичный, с грустными серо-зелеными глазами, со скорбно опущенными вниз уголками губ, капитан, казалось, таил в себе неразгаданную тоску.

Но надо было видеть Алексея Кошкина в боевой работе! Рассказывали о его поединке с каким-то диковинным фашистским изобретением. Придумали немцы чертовскую машину, которая за один час работы крушила 12–15 километров железнодорожного полотна. А сколько надо было времени, материалов, труда сотен бойцов, чтобы все это восстановить!..

И вот наземное командование попросило летчиков помочь расправиться с той вражеской затеей. Оказалось, что замаскированный паровоз волок за собой что-то вроде огромного

плуга-крюка, который выворачивал на своем пути все — и шпалы, и рельсы. Уничтожить паровоз командование полка приказало Кошкину. Но как его обнаружить? Только вчера видели стальные нити рельсов, а сегодня их уже нет. Кошкин летал много раз, извелся весь — паровоз найти не удавалось.

Но однажды в лучах заходящего солнца Алексей заметил тень. Она была большой, неправдоподобной, уродливой — тень паровоза. «Но где же дым? Где и сам паровоз?..» — передавал потом Кошкин свои недоумения. Снизившись до бреющего полета, он наконец увидел то, что так долго искал. Немцы прямо на паровозе, сверху, смонтировали площадку, разделанную под лес и кустарник. Маскировка была мастерской. Ну и пошел Алексей в атаку на весь этот «театр». Зашел он сбоку, взял паровоз в прицел, открыл огонь. Впустую. Машинист резко дал ход, и снаряды, посланные Кошкиным, проскочили мимо. Атакует вновь — и вновь безрезультатно.

Поединок самолета с паровозом длился долго. Когда снаряд повал ж котел, облако нара взметнулось вверх в паровоз остановился. Кошкин, однако, бил по нему еще я еще — из пушек, пулеметов, в упор выпустил реактивные снаряды: уж очень досадила Алексею эта немецкая чертовщина. Паровоз превратился в груду металла. Засняв для контроля свою работу, капитан прилетел домой без единой пробоинки, а ведь с земли да и с этого паровоза били немцы по нашему штурмовику нещадно из чего только могли.

Такие вот оказались в полку люди. Нельзя было удивляться им, но, признаюсь, чуточку вкрадывались в сомнения: да справлюсь ли так, как они, смогу ли?..

После сдачи зачетов всю нашу группу представили для полетов на учебно-тренировочном самолете с двойным управлением — спарке Уил-2. Вывозить нас на ней стал капитан Карев.

Запомнилось, как я выполнила два полета по кругу. После посадки штурман полка по переговорному аппарату попросил меня зарулить самолет на стоянку и выключить мотор. Ну, думаю, сейчас начнется разгон: чем-то капитану не угодила, хотя в полете он лишь насвистывал мелодии из оперетт, не проронил ни слова.

— Разрешите получить замечания, — стараясь казаться бодрой, произнесла я.

— А замечаний нет, — ответил Карев. — Идите на боевой самолет — хвостовой номер «шесть» — и сделайте самостоятельно один полет по кругу.

Я никак не ожидала такой решительности в переходе на

боевую машину. Мне Уил-2 показался слепым, тесным, и я попросила Карева:

— Товарищ капитан, слетайте со мной еще разик на спарке.

— Нечего зря утюжить воздух! Сейчас каждый килограмм бензина на счету, — отрезал штурман.

— Но, товарищ капитан, — взмолилась я, — вы ведь всем ребятам из нашей группы дали по нескольку вывозных полетов: Кулушникову вон все двадцать пять. Почему же мне-то не хотите дать еще хотя бы один полет на спарке?

— Бегом к самолету! — скомандовал капитан.

И я побежала.

Механик самолета Василий Алексеевич Римский доложил мне о готовности машины. Надев парашют, я забралась в кабину, пристегнулась ремнями, настроила рацию на прием, все проверила, как учили, и запустила мотор.

Удивительно чувство взлета — ухода от твердой опоры под ногами. Самолет еще бежит по неровному травянистому полю, набирая скорость, еще мгновение — он оторвался от земли, и пилота уже несут вперед два стальных крыла. В первом полете по кругу я заметила, насколько быстрее завершился этот традиционный маршрут с четырьмя раз» воротами — мотор «ила» не ровня тому, с У-2. Посадку рассчитала точно и села у «Т», как говорят летчики, на три точки. Значит, лучшего и желать не надо.

Зарулила. Вдруг вижу, капитан показывает руками: сделай, мол, еще один полет. Пошла снова на взлет. Аэродром наш был расположен почти на берегу Каспийского моря, и, летая по кругу, мы большую часть маршрута проходили над водой. И вот, выполняя разворот над морем, вдруг раздался хлопок, другой — и мотор самолета заглох, винт остановился. Наступила жуткая тишина. Автоматически я дала ручку от себя, переведя машину на планирование — это чтобы не потерять скорости и не упасть вместе со штурмовиком в море. Затем все по инструкции: убрала газ, выключила зажигание, перекрыла пожарный кран бензиновой магистрали. Словом, распорядилась в кабине по-хозяйски. И аэродром уже совсем рядом, и все бы ничего, но скорость и высота падают катастрофически быстро. Я вижу, до него не дотяну — придется садиться прямо перед собой. Но что это? Вся земля изрыта глубокими оврагами! Если садиться на них — это конец! А тут по радио слышу взволнованный голос командира полка Козина: «Что случилось? Что случилось? Отвечайте!..»

Ответить я не могу: у меня нет передатчика. Да и не до ответов сейчас — все мое внимание приковано к земле. Замечаю узенькую полоску между оврагами. Решаю приземляться на нее и для лучшего обзора открываю колпак кабины.

Стоит ли говорить, как мучительно долго тянулось время. Вот машина коснулась земли, бежит по ней, я всеми силами стараюсь ее удержать, не дать свалиться в овраг и усиленно торможу. Самолет понемногу замедляет бег, останавливается. И когда, выскочив из кабины на крыло, я смотрю на землю, то с ужасом вижу, что шасси моей машины остановилось на самом краю оврага…

Осмотрела самолет — невредим. Все вроде бы на месте, все цело, только очень много заплат на крыльях, фюзеляже — весь изрешечен. Досталось бедному в боях под Орджоникидзе. Досталось, должно быть, и мотору — вот теперь и сдал. Я знаю, что мотор самолета в бою испытывает большие перегрузки, перенапряжения и к концу своего ресурса начинает капризничать. Но все-таки что с ним? Почему заглох? Бензин есть, масло тоже…

Замечаю, что по полю в мою сторону мчится санитарная машина, бегут летчики.

Первым, оставив машину, запыхавшись, с санитарной сумкой на боку показался доктор Козловский. Добрая душа наш доктор! В полку, пожалуй, не было более заботливого и внимательного к нам человека. Козловский следил буквально за каждым летчиком: как и что он ест, как спит, как настроение. Всегда вовремя и баню со сменой белья организует. Облюбует, бывало, сарайчик какой или развалюху на берегу реки, сложат умельцы-мотористы печку из камней, на нее бочку из-под бензина пристроят, нагреют воды побольше — и баня готова. Для меня доктор Козловский всегда просил приготовить «ванну», то есть отдельную бочку с теплой водой, и настоятельно требовал, чтобы я просидела в ней не менее десяти минут.

Мы, летчики, звали нашего доктора «Только для вас». И вот почему. Раздавая шоколад или витамины, он поочередно отзывал каждого в сторонку, оглядывался и таинственно произносил: «Только для вас». Пилоты-насмешники, завидев Козловского, не сговариваясь, вытаскивали из планшетов шоколад и хором кричали: «Только для вас!» Доктор не обижался.

Сейчас, найдя меня целой и невредимой, Козловский запричитал, вытирая пот и слезы на своем морщинистом лице:

— Голубушка ты моя, целехонька! Как же я счастлив!.. К вечеру мотор штурмовика был осмотрен, отремонтирован и опробован. Самолет развернули от оврага в сторону моря, и капитан Карев, как самый опытный летчик полка, взлетел и благополучно приземлился на аэродроме.

На второй день был выстроен весь личный состав нашей части. По какому случаю — никто не знал, но вот слышу:

— Младший лейтенант Егорова, выйти из строя!

Посторонились мои товарищи, пропустили меня вперед из задних рядов. Я шагнула из строя неуверенно и застыла: «Что-то будет? Припишут сейчас вынужденную посадку по моей вине».

И вдруг командир полка торжественно и строго произносит:

— За отличный вылет на самолете Ил-2 и за спасение вверенной вам боевой техники объявляю благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — ответила я после большой паузы срывающимся голосом.

И пошли полеты, с каждым разом все сложнее, ответственнее — в зону, на бомбометание, на стрельбы. В горах, в пустынной местности, у нас был свой полигон. Там стояли макеты танков, пушек, железнодорожных вагонов, самолетов с белыми крестами — они служили мишенями для учебных атак. И вот, набрав заданную высоту, я ввожу штурмовик Ил-2 в крутое пикирование и, нажимая на все гашетки, яростно атакую «цели». Затем наша группа приступила к полетам строем в составе пары, звена, эскадрильи.

Меня вместе с Валентином Вахрамовым определили в третью эскадрилью. Командир ее, лейтенант Андрианов, выслушав наш рапорт о прибытии в его распоряжение, долго молчал, посасывая трубочку на длинном чубуке. Запомнился с первой встречи: высокий, черноглазый, с обветренным лицом, в черном кожаном реглане. Реглан его был подпоясан широким командирским ремнем, на котором висела кобура с пистолетом, а на другом, тоненьком, ремешке, перекинутом через плечо, висел планшет с картой, да не просто висел, а с шиком — почти касаясь земли.

— Так вот, — наконец произнес комэск, не вынимая трубки изо рта, — кто из вас быстрее и лучше освоит штурмовик, научится метко бомбить и стрелять, хорошо держаться в строю, того беру к себе ведомым в первый же боевой вылет…

Попасть ведомым к опытному ведущему — о чем другом можно было мечтать? Хороший ведущий может быстро собрать группу взлетевших за ним самолетов, точно провести по намеченному маршруту и вывести на цель, которую порой не так легко отыскать на искромсанной бомбами и снарядами земле, он умеет хитро обойти зенитки, истребительные заслоны противника и, сообразуясь с обстановкой, нанести удар. Не случайно гитлеровцы и с воздуха и с земли прежде всего старались сбить самолет ведущего. Собьют — строй рассеется, и не будет ни точного бомбометания, ни прицельных стрельб.

А ведомый? В первых боевых вылетах ведомый повторяет действия ведущего. Ему нужно удержаться в строю, и времени взглянуть на приборную доску, обнаружить «мессеров», заметить разрывы зенитных снарядов никак не хватает. Ему некогда вести

даже ориентировку, и частенько он не знает, где летит.

Валентин Вахрамов легко и быстро осваивал штурмовик. Мы с ним упорно соревновались: кто же из нас все-таки будет у комэска ведомым? Но вот однажды…

Вахрамов прилетел с полигона, уверенно посадил машину и уже на пробеге, нечаянно перепутав рычаги, убрал шасси. Колеса «ила» тут же сложились калачиком, самолет прополз на брюхе… Когда мы подбежали к нему, Валентин уже вылезал из кабины, тоскливо глядя на согнутые в бараний рог лопасти винта. В глазах летчика стояли слезы.

По натуре Валентин Вахрамов был замкнутый, внешне грубоватый. Но эта наносная грубость исходила от желания казаться взрослее — ему ведь не было еще и девятнадцати. Я угадала в Вале внутреннее благородство, душевную доброту, которую скрыть было невозможно. Ои очень любил музыку, поэзию, да и сам писал стихи, никому не решаясь их показывать. Знала я и то, что в Сибири у него живут мама — работница военного завода и сестренка, которую он нежно любит. Получая от них письма, Валентин уходил куда-нибудь в сторонку подальше, чтобы никто не мешал, и перечитывал их по нескольку раз. Как-то он показал мне фотографии родных. С них смотрели на меня все те же вахрамовские глаза с грустинкой.

— Красивая у тебя сестра, — заметила я.

— Красивая, — согласился Валентин, — но очень тяжело больна. Вряд ли я ее когда увижу. Да и маму тоже — туберкулез…

Я поняла, откуда у Вахрамова эта неизбывная грусть.

Приказ на командировку за новыми самолетами мы получили неожиданно. И вот из Баку в трюме какого-то парохода плывем через Каспийское море в Красноводск, откуда предстоит добираться в Поволжье поездом — через Ашхабад, Мары, Ташкент.

Каспий так разбушевался, что укачал почти всех летчиков.

И сошли мы в Красноводске на землю бледные, помятые, пошатываясь из стороны в сторону. А дальше — поездом по казахским степям в тыл.

Поезд движется так, что идти с ним можно рядом — и не отстанешь. От морского путешествия уже отдохнули, чувствуем себя куда увереннее и покойнее, чем на море. Кто читает, кто играет в домино, а вокруг воздушного стрелка Жени Бердникова собрались любители песни. Женя хорошо играет на гитаре.

На остановках мы выбегаем покупать молоко. Вахрамову показалась очень грязной пол-литровая банка, которой женщина черпала молоко из ведра. Он возмутился.

— Как можно грязной банкой лезть в общее ведро? Хозяйка

молча подняла юбку, подолом протерла банку и, мило улыбаясь, отмерила Валентину в котелок трижды по пол-литра. Валя заплатил за молоко и тут же, чертыхаясь, отдал его кому-то из очереди.

На третий день пути начались занятия. В вагон к нам первым пришел начальник воздушно-стрелковой службы капитан Кошкин.

— Поговорим сегодня о прицельной стрельбе и бомбометании со штурмовика, — предложил он и вынул из планшета инструкцию. — Вот ее мы должны проработать и сдать зачет.

— Зачем зачет? — спросил Ржевский. — Давайте лучше мы распишемся на брошюре, что читали, — и достаточно будет для такого «труда».

Специальная инструкция о правилах пользования заводскими метками и штырями-визирами для определения ввода самолета в пикирование при бомбометании действительно заслуживала внимания. Для выполнения стрельбы на штурмовике устанавливался прицел-перекрестие; подвел самолет к земле поближе — и дави на гашетки. Трассы от пушек, пулеметов, эрэсов можно подправить небольшим движением рулей — и цель накрыта. Но вот для бомбометания прицела не было. Каждый летчик вырабатывал свой метод бомбометания. Бомбили как бы на глазок — «по лаптю» или «по сапогу», и шутники предлагали идеи: прицел Л-43 — лапоть сорок третьего размера, С-43 — сапог сорок третьего.

— А у Егоровой будет персональный прицел для бомбометания — ХС-38 — хромовый сапог тридцать восьмого размера! — смеялись пилоты.

«Шутки шутками, но как быть на деле?» — невольно задумывалась я. Ну, по метке на крыле ввод в пикирование, дальше на глазок нужно определить угол и начать отсчет секунд: двадцать один, двадцать два, двадцать три… Одновременно с отсчетом не прозевать высоту — смотреть за высотомером, а тут по тебе уже бьют зенитки. А еще как бы не оторваться от строя — тогда будешь легкой добычей истребителей. В общем, инструкция для нас была морока, но мы все же проработали ее и сдали зачет капитану. Надо сказать, впоследствии наша эскадрилья бомбила довольно метко. Не то эта инструкция помогла, не то сапоги у всех оказались одинакового размера…

В Марах мы простояли трое суток. Здесь узнали, что под Сталинградом наши войска перешли в наступление. Враг не выдержал их натиска. Целые части и даже соединения гитлеровцев сдаются в плен. Армии генералов Чистякова,

Чуйкова, ломая сопротивление противника, соединились в районе Мамаева кургана и расчленили окруженную группировку на две части.

Парторг Разин принес нам в вагон кипу газет, и мы с восторгом читаем, что окруженные немецко-фашистские войска оказались в исключительно тяжелом положении. Их систематически бомбит наша авиация, атакует пехота, обстреливает артиллерия. Германское командование при помощи транспортной авиации пыталось наладить снабжение своих войск, эвакуировать их. Но воздушная блокада сорвала их планы. Сопротивление врага становится все более безрассудным. Представители советского командования предложили Паулюсу, всем окруженным войскам капитулировать. Паулюс, скрыв ультиматум от младших офицеров и солдат, отказался принять это гуманное предложение. И советские войска приступили к ликвидации противника.

У нас в вагоне шумно. Мы радуемся большому успеху нашей армии, кричим «ура» и высказываем сожаление, что нам не удастся повоевать под Сталинградом, что везут за самолетами очень уж медленно.

На одной из станций услышали из репродукторов сообщение Совинформбюро: южная группировка гитлеровских войск во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдалась в плен. Капитулировала и северная группировка — это произошло 2 февраля 1943 года. Вскоре мы прибыли на завод, где нам предстояло получить новенькие самолеты и отправиться на них на фронт.

В ожидании машин поселились в большой, как тоннель Метростроя, землянке с двумя ярусами нар. Здесь я получила письмо от Тани Федоровой. Она депутат Верховного Совета СССР, рассказывала, что метро наше продолжает строиться, что скоро сдадут в эксплуатацию третью очередь со станциями «Площадь Свердлова», «Новокузнецкая», «Павелецкая», «Автозаводская», «Семеновская».

«На всех станциях, — писала Таня, — будут барельефы с надписью: «Сооружена в дни Великой Отечественной войны». Идет война, а мы заняты мирным строительством. Правда, много метростроевцев строят и оборонительные сооружения. Мы помогали ленинградцам возводить оборонительные пояса, прокладывать Дорогу жизни через Ладожское озеро…

Наши аэроклубовцы все на фронте. Твой инструктор Мироевский в Сережа Феоктистов воюют на штурмовиках.

Валя Вишников, Женя Миншутин, Сережа Королев — на истребителях. Погибли Лука Муравицкий. Опарин Ваня, Саша

Лобанов, Аркадий Чернышев, Вася Кочетков, Виктор Кутов…»

Как Виктор?.. Меня словно током ударило. И все померкло. Ни солнца, ни людей, ни этой войны… Кажется, нечем было дышать, глаза ничего не видели, уши не слышали. Когда очнулась, увидела над собой доктора Козловского со шприцем в руке. Он все приговаривал:

— Ну, поплачь, голубушка, поплачь. Сразу легче станет…

Но мне не плакалось. Что-то невыносимо тяжелое легло на сердце и уже не отпускало долгие, долгие годы…

На заводском аэродроме в столовой всегда длинная очередь. Когда она подходит, отдаешь свою шапку-ушанку — получаешь алюминиевую ложку. Обед у нас из трех блюд: суп «погоняй», каша «шрапнель» да кисель «а ля малина», размазанный по большой алюминиевой тарелке. Ребята шутят: «Жив-то будешь, а к девочкам но пойдешь».

Целыми днями мы летаем и штурмуем — теоретически. Читаем все, что находим о воздушных в наземных боях, изучаем тактику свою и противника. Нам ужо выдали полетные карты. Мы их подбираем, склеиваем — получаются целые простыни; далековат наш маршрут до фронта.

С жильем на заводском аэродроме, скажем прямо, мне повезло. Освободилась комната в финском домике, и командование отдало ее мне — все-таки единственная женщина. В этом милом домике я чуть было богу душу не отдала. Пришла под вечер замерзшая с аэродрома, смотрю: печка истоплена и еще угольки не потухли, так красиво переливаются то синими огоньками, то золотыми. Засмотрелась на них, согрелась и прилегла на кровать. Вдруг, как во сне, слышу: кто-то стучится. Хочу встать, а не могу. А в дверь барабанят все громче и громче и кричат, повторяя мое имя. Кое-как поднялась, пошла по стеночке. Упала, приподнялась, опять упала. Решила ползти — ничего не получается. Наконец дотянулась до двери и, повернув ключ, сползла на пол.

Оказалось, угорела: истопник рано закрыл в печи задвижку. К счастью, поздно вечером мимо моего домика проходили наши летчики. Увидели в окне свет и решили заглянуть на огонек. Стали стучать, а дверь им не открывают. Тогда ребята поняли — случилось что-то неладное.

Ну а потом понесли меня отхаживать на свежий воздух. Именно отхаживать — всю ночь водили по улице. Я, уже плача, просила отпустить меня, дать отдохнуть, но пилоты были неумолимы: у них была своя «метода лечения» после угара — авиационная.

Утром я явилась на занятия. Их вел сам командир полка.

Долго смотрел он на меня, потом коротко сказал:

— Немедленно в санчасть!..

После разгрома котельниковской группировки противника войска Южного фронта развернули наступление на ростовском направлении. Во взаимодействии с войсками Закавказского фронта они должны были окружить в уничтожить группировку противника на Северном Кавказе. Немецко-фашистское командование, стремясь набежать окружения своих войск, с 1 января 1943 года стало отводить их ив района Моздока в северо-западном направлении. Войска Закавказского фронта перешли к преследованию отходившего противника. Отступая, гитлеровцы бросали технику, награбленное имущество, даже раненых. К началу февраля гитлеровцы отвели к Ростову только часть северо-кавказской группировки. Основные же ее силы, избегая флангового удара Южного фронта, были вынуждены отойти на Таманский полуостров.

Тем временем мы получали новенькие, серебристой окраски самолеты с кабиной для стрелка, в которой устанавливалась полутурель с крупнокалиберным пулеметом. Эта новинка радовала нас. Теперь штурмовик будет надежно прикрыт с хвоста от истребителей противника.

Мы торопились поскорее вылететь на фронт, но задерживала погода. Шел март, а зима словно взбесилась и никак не хотела уступить весне. Но вот ударили морозцы, небо расчистилось, показалось солнце. Мы взлетели и взяли курс на Саратов.

Ничто не предвещало беды, скорее наоборот, было как-то по-праздничному радостно — и ясное голубое небо, и боевые друзья крылом к крылу,

Второй отрезок нашего пути — до Борисоглебска — короче первого (до Саратова), пролетели быстро. Однако что это? Вижу, на моей машине на выпускается левое колесо… Весь полк приземлился, а я кружу над аэродромом, на разных режимах полета стараюсь выпустить заевшую стойку, но не удается. С опаской поглядываю на бензомер: горючее скоро кончится. Последний раз пытаюсь энергичным пилотированием заставить открыться створку шасси. Все вапрасно. С земли по радио мне уже приказывают садиться на «брюхо». Жалко новенький самолет. И я принимаю решение совершить посадку на одно правое колесо.

Захожу на посадку. Перед самым приземлением осторожно накреняю машину в сторону выпущенного колеса. Самолет мягко касается земли и с правым кренчиком бежит по полосе аэродрома. Стараюсь удержать штурмовик в этом положении как можно дольше. Но скорость уменьшается, машина уже не слушается рулей, крен постепенно гаснет, и вот, описав полукруг,

очертя землю левым крылом и винтом, «ил» замирает.

В этот же день механики заменили винт, выправили и закрасили крыло, и мой Ил-2 стоял в ряду со всеми самолетами полка, ничем от других не отличаясь.

Наутро мы летели дальше, к фронту. Штаб полка был уже на месте и заранее приготовил все для нашей встречи.

Курс на Малую Землю…

В строй нас вводили недолго. Изучили пилоты район боевых действий, познакомились с разведданными и, как любил говорить замкомэск второй эскадрильи Паша Усов, «поехали».

Новый начальник штаба полка капитан Леонид Алексеевич Яшкин, назначенный к нам вместо убывшего капитана Белова, собрал в штабной землянке весь летный состав для доклада боевой обстановки на нашем участке фронта.

— Наша армия, воодушевленная победой под Сталинградом, продолжает гнать фашистские орды на всех участках фронтов от Ленинграда до Кавказа, — начал он. — Планы захвата кавказской нефти, овладения побережьем Черного моря и его портами окончились для гитлеровцев их полным разгромом и бегством с Северного Кавказа в сторону Ростова и Таманского полуострова. Теперь, опасаясь прорыва советских войск, противник построил от Новороссийска до Темрюка мощный оборонительный рубеж.

Там железобетонные доты, дзоты, противотанковые и противопехотные укрепления, траншеи с ходами сообщения, густые минные поля, большое количество полевой, зенитной артиллерии. За обилие водных преград эту сильно укрепленную позицию гитлеровцы назвали Голубой линией. Она, по их замыслу, должна прикрыть отход войск в Крым.

Тамань… Невольно припомнилась мне лермонтовская «Тамань». Я люблю Лермонтова. Еще до войны Виктор Кутов подарил мне томик его стихов, и теперь он шагает со мной по военным дорогам.

— …Чтобы создать угрозу с флангов, — доносится откуда-то со стороны голос начальника штаба, возвращая в действительность, — и помешать немецкому флоту использовать Цемесскую бухту, в ночь на четвертое февраля из Геленджика был высажен десант морской пехоты. Отряд под командованием майора Цезаря Куникова бесшумно подплыл к окраине Новороссийска в районе рыбацкого поселка Станичка и занял плацдарм, названный Малой землей.

Гитлеровцы всячески старались ликвидировать плацдарм. Они бросали в атаки большие силы пехоты, танков, артиллерии. Сюда стянули отборные авиационные дивизии. Так что сейчас на плацдарме бои не затихают ни днем ни ночью. Там не осталось ни кусочка земли, куда бы не попали снаряд или бомба. Вот мы и будем помогать десантникам на Малой земле, штурмовать Голубую линию, уничтожать фашистскую нечисть на Таманском полуострове…

Напрягая память, я вспоминаю, как на рабфаке историчка рассказывала нам, что Тамань основана греками полторы тысячи лет назад, что потом здесь побывали хазары, монголо-татары, генуэзцы, турки. Суворов построил там крепость.

— Получена задача. Прошу командиров эскадрилий задержаться для уточнения, — с этими словами в землянку вошел командир полка Козин и развернул на столе карту.

Мы оставили тесное помещение, но не разошлись — ждали решения: а вдруг кто полетит на боевое задание? «Может быть, и меня включат в боевой расчет?» — робко думала я.

Все возбуждены — и новички, и «старички», но стараются это скрыть. Ржевский рассказывает анекдоты. Летчики смеются. Небольшого росточка, крепыш из Рыбинска, Володя Соколов подбежал ко мне вприпрыжку и, с трудом придав лицу строгость, сказал:

— Анюта, давай ростом меняться!

— Давай, Вовочка. Я так люблю туфельки на высоких каблучках, а из-за высокого роста стесняюсь их носить. Только как мы это сделаем? И что я буду иметь за разницу, ведь у меня рост сто семьдесят сантиметров, а у тебя только сто шестьдесят?

— Соколов, Егорова, Вахрамов, Тасец, Ржевский, к командиру! — это приказ начальника штаба.

Враз забыли все анекдоты — и бегом в землянку-Маршрут полета нам предложили не по прямой, а какими-то зигзагами.

— Обойдем зенитки противника стороной. Так будет лучше. От строя не отставать, делать все так, как я, — сказал штурман Карев, наш ведущий, и показал на схеме, кто где летит. Мое место — ведомой справа от Петра Карева.

О чем я думала перед первым своим боевым вылетом на штурмовике — трудно сказать. Страха не было. Было какое-то удовлетворение вот включили в первую группу вылета, теперь мне надо не ударить лицом в грязь, ведь я — единственная женщина среди стольких мужчин, да еще каких — летчиков-штурмовиков!

Прикрывать нас с воздуха предстоит четверке ЛаГГ-3 из братского полка истребителей, что стоит с нами на одном аэродроме. В нашей 230-й штурмовой авиадивизии было пять полков — четыре штурмовых и один истребительный, командовал тогда всеми Герой Советского Союза полковник Семен Григорьевич Гетьман.

И вот мы сидим в кабинах боевых машин и ждем сигнала — зеленой ракеты. Взгляд скользит по приборам, пальцы пробегают, будто нащупывают, по многочисленным переключателям, рычажкам — проверяю правильность их положения. Механик

моего самолета сержант Римский тут же, рядом с самолетом. Он давно подготовил его к боевому вылету, но теперь то чистой тряпкой протрет уже давно прочищенное и сверкающее бронестекло фонаря, то поправит парашютную лямку на моем плече и посмотрит, как бы спрашивая: «Ну, чем тебе еще помочь?..»

— Спасибо, друг. Мне надо немножко побыть одной и сосредоточиться, собраться с мыслями, — благодарю я механика и вижу впереди себя слева штурмовик Карева. Ведущий группы спокоен. Он положил руки на борта кабины и, кажется, поет. «Неужели его нисколечко не волнует предстоящее задание?» — думаю я. Но мысли мои обрываются вместе с зеленой ракетой над командным пунктом. Противно шипя, она взлетела над полем и стала медленно-медленно падать и догорать. Нам — взлет! Курс — на Малую землю.

В полете я стараюсь держаться ближе к Кареву, боюсь, как бы не отстать. Ведущий раскачивает самолет в маневре — и я тоже, он пикирует до самой земли — и я пикирую, он стреляет — и я стреляю. Бомбы сбросила тоже вслед за ведущим.

После четвертого захода на цель при выходе из атаки все-таки отстала. Да не просто отстала, а потеряла всю группу. Что тут делать? Лечу одна в сплошных разрывах от снарядов. Маневрирую отчаянно, ищу группу — и не вижу… Около Мысхако развернулась на свою территорию. Над Цемесской бухтой дрались десятки ваших и вражеских самолетов. В море падали боевые машины, летчики на парашютах, от берегов враждующих сторон к ним спешили катера. Такую картину боя я видела впервые.

Трудно было разобраться новичку в этой напряженной обстановке. Два истребителя, как коршуны, бросились в мою сторону. Я почему-то приняла их за наши «яки», но, когда впереди справа прошла пулеметная трасса и они стали разворачиваться для повторной атаки, я отчетливо увидела на фюзеляжах белые кресты. Воли себя немцы предельно нагло, ничуть не заботясь о защите, атаковали с разных сторон, однако безрезультатно. Скорость штурмовика меньше, чем «мессершмитта», и вот в одной из атак они проскочили вперед и оказались в моем прицеле. Нажала я одновременно на все гашетки, да жаль, выстрела не последовало: весь боезапас был израсходован над целью.

Спасли меня в тот раз наши истребители. Они отогнали фашистских стервятников от моего самолета, даже сбили одного, и я благополучно вернулась на свой аэродром.

На разборе боевого вылета капитан Карев строго укорял меня за отставание от группы. Не согласиться с ним было нельзя, и я покорно призналась в своем недосмотре. В этом вылете в районе

цели были сбиты зенитками летчики Вахрамов и Соколов. А через несколько дней они вернулись в полк. Вахрамов с воздушным стрелком были подобраны в море нашим катером, Соколов же дотянул до своей территории на подбитом штурмовике и сел в плавнях у реки Кубань.

Нас, штурмовиков, надежно прикрывали с воздуха истребители. Позывные братьев Глинок — Бориса Борисовича и Дмитрия Борисовича — «ББ» и «ДБ» — наводили страх на фашистских летчиков, а когда в воздухе был Покрышкин, то нам казалось, что небо над Таманью становилось чище.

«Внимание! Внимание! В воздухе Покрышкин» — открытым текстом радировали немецкие посты наблюдения, и фашистские асы без промедления покидали жаркое кубанское небо. Я и сейчас помню имена многих прославленных на Кубани воздушных бойцов: Г. А. Речкалов, В. И. Фадеев, Н. Ф. Смирнов, Г. Г. Голубев, В. Г. Семенишин…

Лихим истребителям, мне кажется, не очень-то нравилось летать на прикрытие нас, штурмовиков, быть нянькой. Другое дело — получить задание на свободную охоту! Отыскал цель, завязал воздушный бой, не оглядываясь на штурмовиков, сбил фашиста и вернулся на аэродром победителем. А летая на прикрытие, когда-еще там удастся сбить противника — жди…

Воздушные бои с гитлеровскими самолетами вели и мы. Помню, прогремел на всю Кубань бой летчика Рыхлина. В полк Рыхлин пришел без воинского звания — в осоавиахимовской гимнастерке с «птичками» на петлицах и с шикарным нарукавным знаком — эмблемой ВВС. Работал он летчиком-инструктором в аэроклубе. Налет у Рыхлина был большой, и в строй его ввели быстро. Уже во втором боевом вылете вчерашний инструктор шел в составе шестерки штурмовиков под командованием капитана Мкртумова на помощь малоземельцам.

…Промелькнула сероватая полоска реки Кубань. Слева сквозь пелену низких облаков изредка виднеются горы. К цели мы должны были подойти незаметно, с моря, и ведущий начал понемногу снижаться, увлекая нас за собой к земле. Теперь мы неслись па бреющем. Мне отчетливо виден в открытую форточку фонаря кабины сосредоточенный профиль Мкртумова. Шлемофон туго обтянул его красивую голову с восточным профилем, на длинной шее виднеются ларингофоны, застегнутые на последнюю кнопку, а из-под шлемофона выглядывает белая полоска подшлемника, отчего лицо кажется еще более темным, загорелым.

Вот станица Крымская осталась под крылом справа, и тогда ведущий опять изменяет курс, набирая высоту. Чтобы не отстать,

я энергично двинула вперед сектор газа — скорость заметно прибавилась. Пересекли линию фронта. Сквозь поднявшийся туман показалась морская синева. Далеко внизу орудийные вспышки — это стреляют зенитки. Запрыгали, запрыгали вокруг самолета маленькие серые облачка разрывов. В правую плоскость штурмовика Мкртумова угодил крупный осколок снаряда, но машина продолжала быть послушной воле летчика.

В последние секунды перед атакой возникает особенно сильное напряжение. Кажется, ничего в мире больше но существует для тебя — все внимание приковывается к ведущему и на цель. В том полете целью были танки с крестами на броне. Наши танкисты и артиллеристы из последних сил сдерживали натиск врага. Помощь им с воздуха оказалась кстати. Бомбы точно накрыли цель, затем последовала страшная для немцев штурмовка — не случайно они дали нашим «илам» такое суровое название: «черная смерть».

Штурмовка танков — дело сложное, связанное с большим. риском. Танковое орудие обладает завидной точностью попадания, и не раз опрометчивые летчики платили за просчет жизнью. Тут надо очень внимательно следить за высотой. Чуточку увлекся Золотой (так мы звали между собой Рыхлина за его огненно-рыжую шевелюру), забыл в горячке боя о высоте — один из гитлеровских танков мгновенно задрал вверх хобот своей пушки и открыл стрельбу по самолету! Машина Рыхлина, выйдя из атаки, отвернула в сторону Геленджика. Но на нее, как снег на голову, свалились четыре «мессершмитта». Ничего не оставалось делать летчику — пришлось вступить с ними в бой.

Зная силу лобового огня нашего штурмовика, немецкие истребители с передней полусферы атаковать боялись. И высокая скорость «мессершмитта» в сложившейся обстановке была для них помехой — этим Рыхлин и решил воспользоваться. В то время, когда два стервятника, выпустив шасси для уменьшения скорости, подкрались к штурмовику сзади и в упор расстреливали его, Рыхлин резко развернул самолет в сторону противника, и сам пошел в атаку. Прямо в прицеле «ила», подставив свое желтое брюхо, оказался один «мессершмитт». Летчик нажал на все гашетки — желтобрюхий задымил, свалился на крыло и упал в бухту.'

Такая же участь постигла второго гитлеровца. Третьего подбил воздушный стрелок Ваня Ефременко, будучи уже раненным в руку; задымил и четвертый «мессер», повернув , в свою сторону.

Один, израненный, вышел наш штурмовик против четверки фашистских истребителей и одолел врага! Это была

внушительная победа летчика, совершавшего всего лишь второй боевой вылет.

У Рыхлина хватило сил дотянуть на изрешеченном самолете до узкой полоски земли у Черного моря. Он приземлился на Тонком мысе, под Геленджиком. Многие наши воины наблюдали с земли за столь редкой картиной воздушного боя, и, когда летчик посадил машину, моряки, оказавшиеся рядом, готовы были на руках нести бесстрашного героя.

Наблюдавший поединок командующий 18-й армией генерал Леселидзе горячо поблагодарил Рыхлина и Ефременко, а командир стрелкового корпуса представил их к награждению орденом Красного Знамени. О победе отважного экипажа стало известно и командующему ВВС Красной Армии маршалу авиации А.А. Новикову, находившемуся в это время на. Северо-Кавказском фронте в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования. Вскоре был издан специальный приказ Наркома обороны:

«Младший лейтенант Рыхлин, как верный сын своей Родины, хорошо знающий возможности Ил-2, несмотря на то что остался один на ноле боя, мужественно и отважно вступил в бой с численно превосходящим противником.

Правильно, тактически грамотно используя огонь своего самолета и искусно маневрируя, летчик дал возможность своему стрелку вести прицельный огонь по атакующим самолетам противника. Горя желанием победить врага, младший лейтенант Н. В. Рыхлин и сержант И. С. Ефременко сбили два истребителя противника, которые упали на нашей территории, а два других вышли из боя и с дымным шлейфом повернули на свою сторону. Несмотря на полученные в бою ранения, младший лейтенант Н. В. Рыхлин посадил поврежденный самолет на своей территории».

Военный совет 4-й воздушной армии высоко оценил подвиг отважных воинов. Н.В. Рыхлина назначили командиром звена и повысили в воинском звании до старшего лейтенанта. Сержант И. С. Ефременко стал младшим лейтенантом. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 24 мая 1943 года Н.В. Рыхлин и И.С. Ефременко были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В эти же дни на пашем фронте пример мужества, высокого боевого мастерства проявили девушки-летчицы на пикирующих бомбардировщиках Пе-2. Девятка «петляковых» во главе с командиром эскадрильи Женей Тимофеевой полетела на боевое задание в составе колонны из двадцати семи самолетов. Их сопровождали истребители прикрытия. Девятка Тимофеевой замыкала колонну. Из-за сильной облачности на маршруте от

«петляковых» оторвалась шестерка истребителей прикрытия. Этим воспользовался противник, и в момент нанесения удара по цели девятку капитана Тимофеевой атаковали восемь «мессершмиттов». Летчицы не растерялись, отражая атаки врага. Всей группой они набрали высоту, прижались к самой кромке облаков, и гитлеровцы, потеряв возможность нападать сверху, рассыпались, стали действовать в одиночку, с разных направлений.

Девушки с «петляковых», сохраняя боевой порядок, встретили «мессершмитты» сильным сосредоточенным огнем. Первый вражеский истребитель сбила Маша Долина, второй — А. Скобликова, третий уничтожили совместно Е. Тимофеева, К. Фомичева и М. Кириллова, а четвертый сгорел от огня В. Матюхиной и М. Федотовой. Экипажи Язовской и Шолозовой тоже успешно отразили несколько атак истребителей. Боевое задание девятка девушек на пикирующих бомбардировщиках выполнила успешно. И мне было приятно узнать об этой фронтовой новости: все-таки не только брат, но и наша сестра!..

Мы продолжали летать на Малую землю, Голубую линию — штурмовали и бомбили корабли противника в Черном море, совершали налеты на аэродромы, железнодорожные узлы, эшелоны с техникой и живой силой противника. Такая работа требовала тщательной подготовки, и мы, порой летая с утра до вечера, все-таки успевали готовиться к каждому заданию.

В один из таких дней в ожидании приказа на вылет пилоты, улегшись «солнышком» в круг, голова к голове, — приготовились по очереди рассказывать смешные истории. Если выходило не смешно, то незадачливый автор получал щелчок по лбу (своего рода психологическая разрядка).

Неожиданно с КП прибежал посыльный.

— Боевой расчет, к командиру полка! Все бросились бежать к штабной землянке. Подполковник Козин — в гимнастерке, при орденах, без головного убора — стоял у стола. Светло-русые волнистые волосы его лежали волосок к волоску, и казалось, будто он только что из парикмахерской: легкий ветерок в нашу сторону доносил запах тройного одеколона. На этот раз его заветная трубка лежала на пепельнице — расплющенной гильзе от снаряда. И Михаил Николаевич не спеша принялся объяснять нам предстоящую боевую задачу:

— На станции Салын, на Керченском полуострове, скопилось много эшелонов с техникой и живой силой противника. Ваша задача — нанести бомбовый удар и штурмовка эшелонов, с тем чтобы гитлеровцы не успели перебросить их на Тамань, через Керченский пролив. Ведущим назначаю летчика Усова. Маршрут

вашего полета давайте продумаем и проложим вместе. Мне думается, надо идти бреющим над Азовским морем, выскочить внезапно на станцию и нанести удар.

Мы все разложили карты и ждали окончательного решения о маршруте.

Усов, как всегда чему-то улыбаясь, прищурив глаза, прикладывал к карте то масштабную линейку, то целлулоидный транспортир. Наконец он объявил нам поворотные ориентиры, путевое время и компасные курсы.

Маршрут полета выглядел не совсем обычно. Вместо прямой — зигзагообразные линии, похожие на змейку. Обратный путь также был змеевидный, но змейка вилась по другому пути. Общая продолжительность полета получилась близкой к предельной, так что командир полка приказал сделать над целью один заход — и домой.

А предстоящий маршрут получился необычным потому, что все пункты, прикрытые сильным огнем зенитной артиллерии, и аэродромы, где базировались истребители противника, нам следовало обойти стороной. К тому же наш заход на цель рассчитывался как бы с тыла, откуда немцы, конечно же, меньше всего нас ждали.

Ведущий нарисовал боевой порядок, указал каждому из нас место в строю и спросил:

— Ну как, орлы, всем все ясно?

— Ясно! — ответили летчики разом.

— Тогда — по самолетам!

Взвилось над аэродромом ракета — мы вырулили на старт и пошли но очереди на взлет.

Следом излита ют истребители прикрытия из братского полка — шестерка ЛаГГ-3 под командованием капитана В. Истрашкина. Подлетая к Азовскому морю, мы начали снижаться, но тут гитлеровцы открыли по нам огонь из пушек береговой артиллерии. На моих глазах вспыхнул и горящим факелом рухнул в море самолет капитана Покровского. Мне показалось, что на какое-то мгновение наши группа даже замедлила свой полет, а затем ведомые молча подтянулись к ведущему, и мы опять устремились вперед, к цели.

— Господи! За что же его?.. — вырвалось у меня с детства заученное обращение к богу.

Тит Кириллович Покровский… Он пришел к нам в полк уже боевым летчиком с тремя орденами Красного Знамени. Удивляло пас назначение капитана — командиром звена. «Такого летчика, и только командиром звена?» — шептались однополчане. Ведь первый орден он получил еще за бои у озера Хасан, второй — в

финскую войну, третий — в самом начале Великой Отечественной. Иногда Кирилыч, как мы стали звать Покровского, уважительно к его возрасту — а был он с 1910 года, старше нас всех, — забывшсь, рассказывал летчикам смешные истории, якобы происходившие с ним, и мы хохотали. Но чаще он был как-то замкнут, на долгое время уходил в себя. Мы знали, что Покровский 22 июня 1941 года дважды разгонял на сроем бомбардировщике Як-4 (ББ-22) строй фашистских самолетом. Командир эскадрильи 136-го скоростного бомбардировочного авиаполка, он девять раз был сбит за первые три месяца войны, но отважного воздушного бойца ничто не останавливало перед врагом.

Как-то после ужина на аэродроме около станицы Поповическая мы затеяли танцы. Покровский сидел очень грустный, ни с кем не разговаривал. Тогда я подошла к нему в пригласила на вальс.

— Спасибо, Егорушка. Пойдем лучше погуляем, — сказал Кирилыч.

И мы вышли. Вечер был теплый, светила луна. Мы направились вдоль станицы, и вдруг капитан поведал мне свою историю. Когда его сбили в девятый раз, самолетов в полку больше не стало. Летчиков оставалось человек пять-шесть, их отправили в учебно-тренировочный авиаполк для переучивания на новую материальную часть. Однако и там новых самолетов не оказалось — это был конец 1941 года. Тогда-то Покровский в порыве гнева и высказался о наболевшем, что тревожило многих. Комэск погорячился. Неосторожно были сказаны какие-то слова, и родился злостный навет. Покровского строго наказали. Тогда товарищи его написали письмо самому Михаилу Ивановичу Калинину о несправедливости — Покровский был реабилитирован с возвратом наград, партийного билета. А после этой истории он и был назначен в наш 805-й штурмовой авиаполк.

…И вот не стало Кирилыча. Самолет вспыхнул — и навсегда ушел от нас бесстрашный летчик, честный и мужественный человек.

После гибели Покровского истребителей прикрытия мы потеряли: видимо, где-то на высоте завязался воздушный бой. А через некоторое время, пересекая береговую черту, наша группа наскочила прямо на аэродром противника Я посмотрела на землю, и стало как-то не по себе — не то жарко, не то холодно: на стоянке под заправкой горючим выстроилось около тридцати, а то и больше двухмоторных бомбардировщиков с крестами! Навстречу нам по взлетной полосе уже взлетали «мессершмитты».

Ведущий группы Усов, не раздумывая долго, открыл по ним огонь. Мы, его ведомые, тоже не зевали и ударили по фрицам из всех пушек и пулеметов. Реактивный снаряд, посланный летчиком Костеровым, огненной кометой ударился в бомбардировщик — тот подпрыгнул, опустился и пополз в сторону, затем резко развернулся, одним крылом запахав землю, а другое крыло неестественно задрав вверх, и взорвался. Кто-то, очевидно, подумает: как это можно было рассмотреть в считанные минуты боя такие подробности? Дело в том, что на разборе боевых вылетов летчики и воздушные стрелки подробно и, как правило, очень эмоционально передавали все, что смогли увидеть во время выполнения задания, — обстановка воспроизводилась довольно точная. Все это составляло наш боевой опыт.

В тот раз наш ведущий поджег два «мессершмитта», не успевших взлететь. Я продолжала строчить длинными очередями по стоянкам бомбардировщиков, стараясь в оставшиеся секунды до сближения с землей выпустить как можно больше снарядов и эрэсов. Прочесав аэродром, мы развернулись домой. А на станцию Салын вылетела следующая группа. В тот день в полку были потери — мы недосчитались пяти своих экипажей.

Сейчас, спустя годы, читаешь во многих книжках о былом ужо ставшую дежурной фразу; «Шла война…» — мол, так па ной все и положено, ничего вроде удивительного. Ой, как же это, однако, было тяжко, порой просто невыносимо — переживать гибель своих друзей. Эти незаживающие рапы болят до сих пор…

После того боевого вылета я, помню, вылезла из кабины и, не снимая парашюта, шлемофона, побежала в сторону от стоянки самолетов, не в силах больше сдержаться, упала и разрыдалась.

Механики молча свертывали, будто саваны, чехлы не вернувшихся из полета машин, а я все плакал», и перед глазами все стояли падающие в море и на землю мои боевые друзья…

— Вы очень устали, Егорова? — услышала вдруг над собой голос командира полка. — Отдохните, успокойтесь. Н не включил вас в следующую группу боевого вылета.

— Нет, нет, я полечу! — вскочила я. — И пожалуйста, не делайте исключений, не обижайте меня!

И вот уже самолет заправлен горючим, подвешены бомбы, эрэсы, заряжены пушки, пулеметы. Я вижу взлетевшую в воздух ракету и снова торопливо лезу в кабину, на ходу вытирая заплаканное лицо.

Сейчас ведущим у нас идет Петр Тимофеевич Карев. Я любила с ним летать. Лучшего ведущего в полку не представляла, в полете с ним было как-то по-домашнему просто: то шуточку

скажет, то прибаутку отпустит-да перед самой атакой!.. Глядишь и не заметишь, как три-четыре заходи ни цель сделали. Судьба неоднократно прощала ему дерзкие, а то и откровенно бесшабашные выходки в небе.

Но из этого боевого вылета из всей шестерки домой вернулись только двое: Карев и я — его ведомая.

…Когда после штурмовки мы выскочили на море, внизу под нами, будто гигантские грибы, плавали белые купола — парашюты сбитых летчиков. У меня остались еще две несброшенные бомбы, но позади висели «мессеры», готовые расправиться и с нашей парой. Вдруг прямо под носом самолета замечаю груженую баржу — соблазн очень велик. Довернула тогда на цель, рванула рычаг аварийного сброса бомб — самолет вздрогнул, закачался, на какое-то время стал неуправляемым. А я слежу за баржей: как она там себя чувствует? Ага, все путем! — как бы сказала сейчас моя внучка. Баржа накренилась и пошла в морскую пучину. Но вдруг сомнение, словно булавкой, кольнуло в сердце: чья баржа? Опознавательных-то знаков на ней я не видела. Отходила она, правда, от занятой врагом Керчи, но чем черт не шутит?!

Возвратилась на свой аэродром вместе с Каревым. Докладываю командиру полка о боевом вылете. О барже — ни слова…

Тайна, однако, была уже явью: мой ведущий и наши истребители еще до посадки донесли по радио о гибели немецкого транспорта. И вот на мою гимнастерку рядом с орденом Красного Знамени комдив генерал Гетьман привинтил большую серебряную медаль «За отвагу».

Наш командир дивизии Семен Григорьевич Гетьман воевал на Карельском перешейке, командуя полком легких бомбардировщиков Р-зет. Перед самой Отечественной войной Гетьман получил приказ срочно передать устаревшие Р-зет в другой полк, а ему с летчиками ехать переучиваться на совершенно секретный самолет-штурмовик, зашифрованный индексом «Н». Штурмовик был одноместным, а для переучивания требуется учебно-тренировочный самолет того же типа, но со второй кабиной для инструктора и с двойным управлением — спарка. Такого самолета и в помине не было. Тогда Гетьман с комиссаром Б. Е. Рябовым раздобыли спарку самолета Су-2 и стали на нем вывозить летчиков. На планировании инструктор специально разгонял скорость, чтобы отработать скоростные посадки, как на штурмовике. Когда Су-2 летал, летчики смеялись и спрашивали: почему это на аэродроме блинами пахнет? Дело в том, что масляный бачок на моторе Су-2 (единственном, пожалуй,

из всех авиационных моторов) заливался касторовьш маслом. Так, с запахом блинов, наши пилоты обучились летать сначала на Су-2, а потом и на самолете, у которого будет удивительно славная боевая судьба.

4-й штурмовой авиационный полк под командованием Гетьмана одним из самых первых начал боевую работу на Ил-2. Как воевал полк, можно судить уже по тому, что Семену Григорьевичу Гетьману звание Героя Советского Союза было присвоено еще в октябре 1941 года, комиссар полка Борис Евдокимович Рябов тогда же был награжден орденом Ленина, а тридцать два летчика и техника отмечены боевыми орденами.

Впоследствии 4-й штурмовой авиаполк стал 7-м гвардейским, Гетьмана назначили командиром 230-й штурмовой авиационной дивизии, присвоили звание генерал-майора.

Вот такой — боевой из боевых — был наш комдив. Под стать ему оказался и начальник политического отдела авиационной дивизии полковник Тупанов. Излюбленное изречение начальника политотдела мы знали все: «Хочешь, чтобы летчики тебя уважали, — иди не рядом с ними, а вместе».

Полковник Тупанов пришел в дивизию в 1942 году. О нем заговорили сразу же: простой, душевный, строгий, как отец. Он изо дня в день активно вникал в жизнь дивизии не по сводкам, а как бы жил вместе с нами от боя до боя.

В нашей дивизии тогда было шесть полков — пять штурмовых и один истребительный. И стояли они, как правило, каждый на своем аэродроме, разделенные друг от друга километрами. Как начальник политотдела успевал побывать почти в каждом полку перед боевым вылетом? Мы его видели то на старте, то на командном пункте, то на стоянках самолетов — и везде он был нужен людям. То проведет политинформацию, то собрание, то организует беседу, поможет выпустить боевой листок о летчиках, отличившихся в бою. Нередко полковник Тупанов прямо у самолетов перед боевым вылетом вручал партийные билеты.

Меня наш начальник политотдела называл своей крестницей. Видимо, потому, что именно он взял меня из УТАПа в боевой 805-й штурмовой авиаполк. Бывало, просто подойдет, спросит: «Что новенького из дома пишут?» — и на л у то вроде легче станет от доброго человеческого участия.

В конце мая 1943 года командир полка Козин построил весь летный состав на аэродроме и взволнованно сказал:

— Товарищи летчики! Кто готов выполнить особое задание командования Северо-Кавказского фронта, прошу пыйти из строя.

Все летчики, как один, шагнули вперед.

— Неот, так не пойдет! — улыбнулся Козин. — Придется отбирать.

— Майор Керов, три шага вперед.

Павел Керов, командир первой эскадрильи, ветеран полка, мастер штурмовых ударов, вышел вперед.

Чуточку отвлекусь. Невольно вспомнила рассказ о том, как в полку осталось всего-навсего шесть исправных самолетов. Поступил приказ любой ценой уничтожить переправу около станицы Николаевской на Дону, и пришлось поднять в воздух все машины. На боевое задание их повел майор Керов.

Охрана переправы была такой, что шансов на благополучное возвращение группы почти не оставалось. Керов, однако, перехитрил врага: он зашел на цель с тылу, разбил переправу и вернулся на свой аэродром всей группой.

С летной полосы его самолет отбуксировал трактор. Керов, рассказывают, шел рядом со штурмовиком, изрешеченным осколками вражеских снарядов, и — как раненого друга — поддерживал за консоль крыла.

Нас, молодых, майор удивлял завидным спокойствием, добротой. Он как-то больше походил на школьного учителя, а не на бесстрашного мастера штурмовых ударов. Никогда ни на кого комэск не повышал голоса. Если кто провинится — Керов только посмотрит как-то по-своему печально серыми с поволокой глазами, покачает головой и пойдет, раскачиваясь, как моряк, оставив подчиненного подумать о своем поступке.

— …Сухоруков, Пашков, Фролов… — обводя шеренгу взглядом, 'называл командир полка фамилии летчиков.

— Егорова, — услышала я свою фамилию. — Страхов, Тищенко, Грудняк, Соколов, Зиновьев, Подыненогин… — И все мы выходили из строя на три шага вперед.

Всего в группу командир полка Козин включил девятнадцать человек — трех комэсков, всех командиров звеньев и старших летчиков с боевым опытом.

Вскоре нас приняли командующий фронтом генерал И. Е. Петров и командующий 4-й воздушной армией генерал К. А. Вершинин.

— Задача у вас, товарищи, по замыслу простая, а по исполнению очень трудная, — обратился к нам командующий фронтом, поправляя пенсне и немного заикаясь. — Нашим войскам предстоит прорвать Голубую линию фашистской обороны. Но прежде всего надо замаскировать наступающих — поставить дымовую завесу. Это сделаете вы, — генерал Петров внимательно посмотрел в мою сторону, и я даже плечи сжала, думаю, вот сейчас спросит:

«Зачем здесь женщина?» Но взгляд командующего перешел на других летчиков, стоявших вокруг макета Голубой линии, — от сердца у меня отлегло.

Затем о том, как выполнять задание, нам рассказал генерал Вершинин. Лететь предстояло без бомб, без реактивных снарядов, без турельных пулеметов в задней кабине, пушки и пулеметы вообще не заряжать. Лететь без стрелков, почти над землей. Чем ниже, тем лучше. Вместо бомб на бомбодержателях будут подвешены баллоны с дымным газом. Этот газ, соединяясь с воздухом, и образует дымовую завесу.

— Самое сложное в том, что нельзя маневрировать, — генерал Вершинин склонился над картой. — Вот, семь километров без маневра по прямой и на предельно малой высоте. Понятно, почему маневрировать нельзя?

— Получится рваная завеса вместо сплошной, — сказал кто-то ив летчиков.

— А рваная завеса, — значит, атака где-то захлебнется, — заметил Петров, поглаживая рыжеватые усы. — Поэтому завеса должна быть такой, чтобы через нее луч прожектора не пробился, — сплошной, ровной, как линейка.

— Действовать будете так, — продолжил Вершинин. — Как увидел, что впереди идущий выпустил дым, отсчитай три секунды — и нажимай на гашетки. Маневрировать — значит сорвать задание. Но лететь будете над огнем, под огнем, среди огня… Остается только пожелать доброй работы да счастливого возвращения.

Прощаясь, генерал Вершинин предложил:

— Если кто передумал, не стесняйтесь, откажитесь. Это типе право. Нужно, чтобы полетели летчики, твердо верящий что, что выполнят задание и обязательно вернутся на свой аэродром.

Никто из нас на предложение генерала не ответил.

26 мая, едва зарозовел восток, мы на полуторке отправились на аэродром. Михаил Николаевич Козин, всегда веселый, общительный, был мрачнее тучи. Не то сердился, что ему не разрешили лететь, не то переживал за нас. А летчики? Каково было наше настроение перед столь опасным вылетом?

Я уже хорошо знала всех и, сидя на скамеечке в кузове грузовика, упираясь спиной в кабину, смотрела на своих боевых друзей, до безрассудства смелых в бою, а на земле таких обыкновенных, чуточку смешных — чем-то напоминающих моих братьев.

Гриша Ржевский. Вот он возится с котенком, своей новой причудой — «талисманом», не желавшим сидеть за пазухой его кожаного пальто с меховой подстежкой. Брат Егор тоже любил

животных. Мама, бывало, находила спрятанных под кухонным столом, забаррикадированных под кроватью котят, щенят с плошками молока. Поев, те начинали отчаянно мяукать, лаять, и мама гневалась, все грозилась побить Егора, да так и не могла собраться. Парень вырос, пошел в армию, а тут война. Не вернулся Егор домой. Погиб…

Коля Пахомов. Тихонько напевает про себя свою любимую:

Встань, казачка молодая, у плетня,

Проводи меня до солнышка в поход…

Толя Бугров. Этот о чем-то возбужденно рассказывает Валентину Вахрамову, и оба хохочут, как дети, держась друг за друга. Будто и не предстоит никому через минуту-другую броситься в огненную метель.

Чему-то улыбаются голубые глаза Миши Бердашкевича. На его красивой от природы лице собралось столько рубцов от ожогов! Может, он вспомнил, как из госпиталя удрал в свой полк в госпитальной одежде?..

А вот стоит, задумавшись, Тасец — грек по национальности. Наверное, опять думает о том, как лучше зайти на цель, эффективен ли круг с оттягиванием на свою территорию при атаках фашистских истребителей. Тасец — большой теоретик, да и практик отличный.

Командир нашей третьей эскадрильи Семен Андрианов обнял правой рукой коллегу — комэска второй Бориса Страхова. Молча глядят в даль кубанской степи, ожившей после долгой зимы.

Двадцатилетние комэски старались казаться солидными, напускали на себя строгость. Андрианов даже трубку завел и ходил, не выпуская ее изо рта. При разговоре чуточку передвинет ее в уголок губ, а в глазах столько юношеского задора, столько искр, готовых брызнуть на окружающих! Мы знали, что Семен Андрианов родился в семье металлурга в Нижнем Тагиле. Там он окончил школу, аэроклуб и оттуда ушел в Пермскую школу летчиков. Обычная биография пилота. Мы знали и то, что у Семени есть жена, ребенок. В нашем полку он с апреля 1941 года и вот командует эскадрильей.

Заместителем у Андрианова Филипп Пашков. Этот — джентльмен. Чересчур заботливо и нежно оберегает меня Филипп от толчков на ухабах по дороге к боевым машинам. Рассказывает мне о родном городе Пензе, о матери, сестрах и отце — старом коммунисте, погибшем от кулацкой пули.

— Вот война кончится, давай поедем в Пензу. Покажу я тебе, станишница, дома-музеи Радищева, Белинского, знаменитые лермонтовские Тарханы. А знаешь, Александр Иванович Куприн — он тоже наш, пензенский, из городка Наровчатов. А какой у нас

ле-ес! Сколько грибо-ов, я-ягод! — покачиваясь из стороны в сторону, нараспев говорит Филипп и, видимо, как всякий заядлый грибник, немножко прибавляет. — У нас в лесу попадаются такие полянки, что рыжики можно косой косить. Ох и вкусно их мама готовит! Поедешь, да?..

Почему-то меня Пашков никогда не называл ни по имени, ни по фамилии, ни по званию или должности, а просто станишницой.

— Ну, станишница, как дела?

— Спасибо, хорошо.

Однажды (как много этих однажды!) Пашков полетел в тыл врага на разведку и фотографирование аэродрома. Его сопровождали истребители. На обратном пути, когда задание было выполнено, откуда ни возьмись — «мессершмитты». Шесть против наших двух ЛаГГ-3 и одного штурмовика.

Ведущий истребителей передал Пашкову, чтобы он «топил» домой, а они, мол, займутся «худыми» сами. «Худым» наши летчики прозвали Ме-109 за его тонкий фюзеляж.

Но вдруг Пашков видит, что один наш ЛаГГ-3 загорелся и камнем стал падать.

— Ах, сволочи! — выругался он и направил свой штурмовик к дерущимся, зная, что делать этого не следовало, — надо было срочно доставить разведданные и фотопленку пи аэродром. Пашкову все же удалось сбить одного гитлеровца, второй, подбитый им же, отвалил в сторону, а третьего срезал наш истребитель.

Но возвращении на аэродром Филиппа сильно отругали, но, когда проявили пленку, командир полка обнял летчика и поздравил с наградой — орденом Красной Звезды. Через день Пашков не вернулся с боевого задания, и мы посчитали его погибшим.

Эта война-а… Сколько горя, сколько непредвиденных неожиданностей, порой просто чудес…

Спустя пять дней наш Филипп вернулся в полк с воздушным стрелком — весь обросший, оборванный, грязный, но веселый. Мне по возвращении Филипп, впервые обратившись по имени, сказал:

— Говорят, что сильно плакала обо мне? Спасибо! Но лучше бы ты верила в мою жизнь, верила, что я обязательно вернусь…

Пашков все же погиб. Это произошло севернее Новороссийска, в районе Верхнебаканского. В этот раз я долго ждала, старалась не верить в его гибель, но так и не дождалась. О гибели Филиппа я написала письмо его матери а сестре в Пензу, куда Филипп приглашал меня после войны.

А пока что все мы были живы и ехали на аэродром. Мои раздумья неожиданно прервал какой-то сильный стук — это пилоты забарабанили по кабине грузовика и в несколько голосов закричали шоферу;

— Стой! Стой! Куда несешься?..

Шофер затормозил машину, а ему приказывают:

— Пяться скорей назад!

Оказывается, дорогу на аэродром перебежала кошка. Это уже беда-а… Второй раз ребята остановили машину и заставили шофера дать задний ход, когда навстречу нам попалась женщина с пустыми ведрами на коромысле. Летчики, что там говорить, народ не суеверный, но на всякий случай меры принять не мешает. Мало ли что…

Наш полковой врач Козловский уговаривал раз кого-то из летчиков измерить артериальное давление перед вылетом.

— Доктор, измерьте лучше моему котенку — что-то он сегодня беспокойно себя ведет, — под общий смех остановил его Ржевский.

— А ты, наверное, забыл, Гриша, как вчера вечером за ужином скормил ему пять котлет?

— Сухо ли у тебя за пазухой?..

Начинаются шутки. Без этого нам просто нельзя. Со стороны, должно быть, могло показаться, что едут веселые парни под хмельком. Конечно же, это не так.

Но вот и аэродром. Техники, механики, мотористы, прибористы, оружейники — все у самолетов. Так всегда: в морозы, в жару, под открытым небом готовили самолеты к бою наши мастера — потомки удивительных русских умельцев. Не было в полку случая, чтобы что-то не сработало или отказало на боевой машине по вине этих тружеников аэродрома.

Механик моего Ил-2 Тютюннии, на ходу вытирая огрубевшие, натруженные руки, доложил о готовности самолета. Потом помог мне надеть парашют, что-то поправил в кабине, а когда заработал мотор, сунул в мою ладонь где-то раздобытое моченое яблоко и прокричал над ухом:

— Пересохнет во рту — укусите яблочко! — И, сдуваемый струёй от работающего вита, шариком скатился с крыла самолета.

Включаю рацию. В наушниках голос ведущего группы майора Керова. Получаю разрешение выруливать. Впереди меня штурмовик лейтенанта Павла Усова, почти вплотную с ним рулит летчик Иван Степочкин.

Степочкин и Усов — два неразлучных друга, хотя по характеру и внешности совсем не схожи. Усов — небольшого

роста, коренастый русак с пухлыми щеками, будто раздутыми от смеха, вечно улыбающийся насмешник. У Павла и походка кажется веселой — приплясывающая, как, бы выискивающая кого для очередной шутки.

Степочкин — высокий, с черными глазами и кудрями красавец, похожий на цыгана. Он, как правило, молчалив в задумчив. Как-то, гуляя по Тимашевской, друзья заглянули в церковь. Шла служба. Заглянули пилоты да и за-дгржались. Священник читал проповедь о пользе поста. Усов усомнился в пользе такого дела и сначала начал за-днвать вопрвсы, затем вступил с попом в полемику. Как ни члнул Степочкин своего друга вон из церкви, Усов упи-рплся. Священник в конце концов сумел убедить Павла в своей правоте. И вот, выйдя из церкви, он решительно заявил Ивану:

— Буду поститься!

— А я поставлю вопрос об исключении коммуниста Усова из рядов ВКП(б) за связь с религией, — отрезал Степочкин и перешел от друга на противоположную сторону улицы.

Вечером в столовой со свойственным ему задором и юмором Павел доказывал нам всем пользу поста, только, говорит, не надо после объедаться, как делали это раньше он пасху, — вредно. А вот поголодать, принимая пищу постную, очень даже полезно — дать отдохнуть желудку.

— А что же ты, Паша, заказал сейчас вторую порцию бифштекса? — спросил его кто-то. А истребитель Володя Ипрашкин подошел к столу Усова и поставил перед ним пол-литровую банку с кислым виноградным вином местною производства.

— Это тебе, друже, для лучшего усвоения пищи. Кажется, сегодня поп сказал: «Есть разрешение на вино и елей…»

В паре со мной Ваня Сухоруков, паренек из Иванова. Ваня на земле тихий, как красная девица, но в воздухе — неузнаваемый! Это он в ноябре сорок второго водил группу штурмовиков в район Гизель, под Орджоникидзе, где в одной из лощин на подступах к Военно-Грузинской дороге уничтожал танки и автомашины противника. Впоследствии капитану Сухорукову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Первым взлетает майор Керов. Мы быстро пристраиваемся к ведущему и занимаем боевой порядок. Оглянувшись назад, я вижу на востоке огромное восходящее солнце и небо, озаренное яркими лучами, а на западе, по нашему курсу, небо темное, дым и туман по земле стелется.

Голубая линия встретила нас четырехслойным огнем дальнобойных зениток. Взрывы снарядов, преграждая путь

штурмовикам, стали стеной. Наша группа пробилась сквозь этот заслон на минимальной высоте и вышла к станице Киевской.

Небо снова прорезали зловещие трассы. Снаряды «эрликонов» красными шариками чертят небо, осколки разорванного металла барабанят по броне самолета. Уже бьют вражеские минометы, крупнокалиберные пулеметы. Летим в кромешном аду. Но нельзя изменить ни курс, ни высоту. Надо идти только по прямой. Море огня бушует, я уже невольно прижимаюсь к бронеспинке самолета. А секунды кажутся вечностью, и так хочется закрыть глаза и не видеть этого ада!..

Вдруг из-под фюзеляжа самолета, летящего впереди меня, вырвался дым. «Двадцать один, двадцать два, двадцать три», — отсчитываю я три секунды. Ох какие же они длинные, эти секунды! Наконец нажимаю на гашетки. Теперь будь что будет, но я и впереди идущий летчик задание выполнили точно. Мы не свернули с курса и не изменили высоты.

Так хочется взглянуть, что там, на земле, как стелется завеса, не разорвалась ли где, но отвлекаться нельзя. Наконец Керов, а за ним и все штурмовики развернулись вправо, на восток, и начали набирать высоту. Задание выполнено.

Пролетаем над аэродромом сопровождающих нас истребителей. В шлемофонах голос Керова — густой, ровный, как его характер:

— Спасибо, маленькие! Работали отлично! — Он благодарит истребителей за сопровождение.

На душе радостно: мы возвращаемся все, девятнадцать.

В шлемофоне снова раздается:

— Внимание, горбатые!

«Горбатые» — это мы. Так называли наши штурмовики за кабину, выступавшую над фюзеляжем. Я настораживаюсь.

— За успешное выполнение задания, — звучит в эфире, — и проявленное мужество все летчики, участвовавшие в постановке дымовой завесы, награждены орденом Красного Знамени…

Тишина. Ровно работает мотор моего «ильюшина». А вот н наш аэродром. На посадку первым заходит тот, у кого сильно повреждена машина. Так у нас заведено.

Села и я. Зарулив на стоянку, выключила мотор и только тогда ощутила смертельную усталость. Кабину, как пчелы, облепили техник, механик, моторист, оружейница, летчики, не летавшие на задание.

— Вы ранены, товарищ лейтенант? — кричит оружейница Дуся Назаркина. — У вас кровь на лице!

— Нет, — говорю я, — это губы потрескались и кровоточат.

Механик показывает мне на огромную дыру в левом крыле

самолета:

— Хорошо, что снаряд не разорвался, иначе разнесло бы. Смотрите-ка, еще перебито и управление триммера руля глубины.

А я летела и не заметила, что «ильюша» мой так тяжело ранен. Построен полк. Выносят Боевое Знамя. Мы, выполнявшие особое задание командующего фронтом, стоим отдельно — именинники. Командующий 4-й воздушной армией генерал Вершинин благодарит нас за отличную работу и прикрепляет на гимнастерку каждого орден Красного Знамени.

А вечером другая награда — проклятая Голубая линия гитлеровской обороны прорвана нашими войсками!

Жизнь полка шла своим чередом. Продолжались жестокие бои на Таманском полуострове. По нескольку раз в день приходилось взлетать нам на боевые задания, и большую часть пути к цели мы находились над водами Черного и Азовского морей.

Я с детства боюсь воды, плохо плаваю. В полете над морем мне порой казалось, что и мотор плохо тянет. Выдали нам на всякий случай спасательные пояса, но летчики не верили в них как в спасение при посадке на воду. А вот я — как утопающий хватается за соломинку — перед каждым вылетом обязательно надевала пояс под шутки и смех товарищей, тщательно подгоняя его по фигуре.

Конечно, с высоты восьмидесятых годов спасательные пояса были далеко не совершенны. Судите сами: сбитый самолет падает в море — летчику надо успеть открыть кабину, вывалиться из нее, затем открыть парашют и клапан на спасательном поясе и ждать, когда этот пояс наполнится газом от соприкосновения с водой какого-то вещества, находящегося в нем. А если не успеет пояс наполниться газом — тогда что? Вот почему летчики и не верили в пояса как в спасение. А на меня надетый перед вылетом спасательный пояс действовал психологически положительно, и на добродушное подшучивание ребят я не обращала внимания.

…Не вернулся с боевого вылета на косу Чушка любимец полка Боря Страхов. Только через день его привезли к нам моряки и рассказали, что лейтенанта прибило к берегу волной в районе Анапы. Мы хоронили Страхова дивизией со всеми воинскими почестями в станице Джигинской. В войну летчиков редко хоронили, потому что они, как правило, гибли там, где вели бой. Я стояла у гроба Бориса, горько плакала и не верила, что он мертв. Казалось, вот сейчас поднимется, взглянет серо-зелеными глазами, подкрутит несуществующие усы, спросит: «И зачем это девчонок на войну берут?» — и протянет мне сорванный у капонира полевой цветок, как это делал очень

часто…

В последнем своем боевом вылете Борис водил шестерку «илов» на штурмовку и бомбометание парома с железнодорожным эшелоном у косы Чушка. Штурмовики летели под нижней кромкой облаков на высоте 700 метров. Подлетая к цели, летчики удивились: противник почему-то не открыл зенитного огня по самолетам. Страхов и его ведомые понимали, что вражеские зенитки заранее сделали пристрелку по нижней кромке облаков, и стали выполнять размашистый противозенитный маневр по курсу, по высоте. Зенитки продолжали молчать. Летчики хотели поскорее увидеть их, увидеть первые разрывы, чтобы звать, куда отвернуть самолет, но небо было чистым до самых облаков.

Но вот у причала косы Чушка Борис Страхов заметил паром — с него сползал паровоз с вагонами. На платформах под брезентом, судя по очертаниям, танки, орудия, автомашины, в крытых вагонах, скорее всего, боеприпасы. И только ведущий перевел свой самолет в пикирование, как несколько зенитных батарей одновременно рванули небо мощным залпом. Летчики не дрогнули, а продолжали свое стремительное движение на цель, ведя огонь из пушек, пулеметов, выпуская эрэсы. С малой высоты штурмовики сбросили стокилограммовые бомбы со взрывателями замедленного действия. Через двадцать две секунды их взрыватели сработали, и ослепительное зарево закрыло всю косу Чушка.

Когда группа возвращалась домой, уже над Черным морем летчики увидели, что машина их ведущего сильно повреждена и идет со снижением. Видимо, и Страхов был ранен. Радио молчало. И вдруг из-за облаков выскочили четыре «фоккера». Как шакалы, они набросились на самолет ведущего. Он резко взмыл, возможно, хотел пропустить гитлеровцев вперед да сам атаковать, по самолет уже был неуправляем и с креном опустился в морскую пучину.

Так не стало Бориса Страхова, белокурого парня из Горького, командира первой эскадрильи. В полку переживали гибель Бориса, но тяжелее всех — его друг Ваня Сухоруков. Иван похудел, осунулся и все свободное время сидел у могилы друга.

Совсем недавно, как поощрение, Иван получил разрешение на поездку к себе на родину. Перед отъездом по секрету он сказал мне, что едет жениться на подруге детства и взаимообразно попросил у меня шинель, так как у него была очень старая, солдатская. Мне же перешили в мастерской военторга шинель из хорошего сукна.

— Ну, раз жениться едешь, — согласилась я, — бери! Ивана

не было в полку десять дней, а когда вернулся, то почему-то старался не попадаться мне на глаза. В чем дело, недоумевала я и решила «допросить» Бориса Страхова. Боря как-то помялся, а потом сказал:

— Понимаешь, дело тут очень деликатное. Пожалуйста, не говори никому…

Оказалось, что Иван приехал домой, а его подруга в это время ушла на фронт. Свадьба не состоялась. Земляки, когда отпуск Ивана окончился, преподнесли в подарок для его друзей, летчиков-фронтовиков, четверть самогона-первача:

«Уж не осуди. Чем богаты…» Иван всю дорогу берег огромную бутыль, завернув ее в мою «фирменную» шинель. От Краснодара до аэродрома он добирался на перекладных, и вот уже в последней машине шофер так тряхнул своих седоков, что они все повылетали из кузова и сильно ударились о землю. Все остались живы, только вот Иван немножко пострадал: четверть с самогоном разбилась. Понятно, крепкий самодельный напиток пропитал шинель. По приезде Иван выстирал ее и повесил сушить где-то за станицей, на огородах.

— Вот как высохнет, он ее отутюжит и принесет тебе, — серьезно закончил Борис, а мне вдруг стало так смешно: я представила Ивана, летящего из грузовика с бутылью, завернутой в мою шинель. И я предложила:

— Уж ладно. Шинель мне прядется просить у командира батальона новую, а эту, так и быть, подарю Ивану — пусть напоминает о подарке земляков…

Так оно и чередовалось в нашей фронтовой жизни: редкие минуты молодого веселья, разрядки и боевые вылеты, атаки…

В один из дней меня вызвали на КП полка и приказали вести четверку штурмовиков опять на эту косу Чушка, на штурмовку только что переправившегося через Керченский пролив резерва пехоты и техники врага. Я попыталась отказаться от роли ведущего и робко попросила командира полка разрешить мне лететь в качестве ведомой.

— А кто, по-вашему, должен вести группу? — спросил, глядя на меня в упор, Михаил Николаевич. — Осталась од-па необстрелянная молодежь. Погибли Усов, Степочкин, Зиновьев, Тасец, Пашков, Балябин, Мкртумов… Обгорел Бугров. Тяжело ранен Трекин. Ну кто, кто, по-вашему, поведет летчиков на боевое задание?..

Командир полка отвернулся, протирая глаза прямо перчаткой, и тогда, быстро повторив задание, я выскочила из землянки.

— В такую погоду да на такую цель только смертников

посылать… — проворчал пилот Зубов, узнав о вылете.

Вместо того чтобы разъяснить задание, как-то успокоить летчика, я вдруг резко приказала:

— Всем по самолетам! Бегом!..

Не выдержала, сорвалась…

После взлета все мои ведомые пристроились ко мне, заняв каждый свое место в строю. Зашла за истребителями сопровождения; они почти всегда стояли ближе к линии фронта, а мы, штурмовики, подальше. Взлетела четверка Ла-5.

Я знала, что лететь к цели на косу Чушка по прямой — через лабиринт зенитных батарей — невозможно. Решила действовать глубоким заходом со стороны Азовского моря. Низкая облачность работала на нас. Но пока мы летели над плавнями и морем, минуты показались вечностью: ведь любая неисправность в моторе или повреждение самолета — это бесследная гибель экипажа.

В окнах облаков виднелась песчаная отмель — Чушка. Смерть вокруг. Она может вынырнуть из облаков пикирующим «фоккером», а может с земли — зенитным снарядом, шальной пулей…

При подходе к цели попали под сильнейший зенитный огонь. Оглянулась назад — ведомые па местах. «С зенитками надо хитрить, — вспомнила слова моего командира эскадрильи Андрианова, — иначе непременно окажешься подбитым или сбитым. Лучше бы вовсе не связываться с ними, а уж если бить, то ту, которая стоит поперек дороги, загораживая цель…»

Готовлюсь к атаке: раскачиваю самолет, меняю высоту, скорость. Ведомые делают то же самое.

Проскочили первый пояс противовоздушной обороны, проскочили второй… Вот она — цель! Коса Чушка тянется на 18 километров и похожа на насыпь недостроенного моста через Керченский пролив. На этой узкой и плоской песчаной полосе, обмываемой двумя морями, столько фашистской нечисти собралось, что не видно и самой косы — машины, орудия, танки, люди…

Пикируем. Сбрасываем бомбы, бьем из пушек и пулеметов. Выводим над головами гитлеровцев, набираем высоту — и стремительно опять в атаку. Вижу, как горят машины, что-то взрывается. Пехота бежит, танки ползут в разные стороны, давят своих же солдат. Так вам, сволочи, за все наше горе!..

Боеприпасы на исходе. Я развернула самолет в свою сторону, домой. Оглянулась — все ли со мной? — и противный холодок пробежал по спине, затем стало жарко, во рту сразу пересохло: нет самолета Зубова… Где он? Как же так? Сбили летчика, а я и

не заметила…

Нас осталось трое, да четверка истребителей сопровождения чуть в стороне вела бой.

И вот лечу, а сама все на землю смотрю: может, где увижу самолет Миши Зубова? Как же так?.. Еще и накричала на него перед боем… Только перелетели линию фронта, смотрю, недалеко от плавней лежит на бугорке штурмовик:

хвостовой номер «23» — это Зубов! Он и воздушный стрелок вылезли из кабины на крылья самолета и машут, машут нам, стреляют из ракетницы.

Я сделала вираж, помахала крыльями, мол, вижу, ждите помощи, — и улетела.

На земле, доложив командиру о выполнении задания, я тут же на По-2 полетела к плавням за Зубовым и его стрелком.

Позже, когда мы с Мишей сделали немало боевых вылетов, он как-то признался мне:

— Я ведь, Анна Александровна, тогда не косы Чушка и не плохой погоды испугался, а вас. Думал, ну, Михаил, добра не жди — баба «на корабле». Но когда вы сделали над нами вираж, а затем прилетели, чтобы забрать нас на По-2, сомнения мои в отношении «бабы» пропали. Уж извините…

Командование дивизии решило отправить меня на курсы штурманов в Ставрополь. В штурмовых и истребительных полках штурманы на самолетах не нужны — сам летчик за штурмана. Но должность такая — штурман эскадрильи — была. Он же — заместитель командира эскадрильи, а штурман полка — заместитель командира полка по штурманской службе.

Мне эти должностные ступеньки как-то безразличны. Я хотела только летать и категорически отказалась ехать на курсы. Тогда командир дивизии генерал Гетьман приказал майору Кареву отвезти меня на По-2 под конвоем… Ничего не оставалось — пришлось смириться.

И вот я учусь. Учатся вместе со мной еще шесть «невольников» — четыре истребителя и два штурмовика. Преподавателей столько же, сколько и слушателей. Начальником курсов у нас высокообразованный, доброй души человек подполковник Килин Александр Петрович.

Через два месяца курсы закончены. Поездом Ставрополь — Краснодар мы возвращаемся в свою 4-ю воздушную армию. На одной из станций покупаем свежие газеты, читаем и тут же кричим «ура». Нашему сокурснику летчику-истребителю старшему лейтенанту В. Калугину присвоено звание Героя Советского Союза. О подвиге нашего товарища мы знали из армейской газеты, фронтовой, были еще листки-молнии, боевые

листки, посвященные бесстрашному воздушному бойцу. Корреспонденты писали: «Патрулируя в воздухе, старший лейтенант Калугин увидел группу вражеских бомбардировщиков, направляющихся бомбить наши объекты. Не раздумывая, он пошел на сближение и вступил с ними в бой. Атака смельчака следовала за атакой. Когда у старшего лейтенанта кончились боеприпасы, он решил идти на таран, ибо знал: если вражеские самолеты прорвутся и бросят на наши позиции бомбы, они нанесут нам большой урон. Выбрав момент, Калугин вплотную приблизился к одному из «юнкерсов» и винтом своего самолета отрубил ему плоскость. «Юнкере» неуклюже перевернулся и через мгновение врезался в землю и взорвался. Остальные фашисты повернули на запад. Выполнив главную задачу, отважный летчик довел поврежденный самолет до своего аэродрома и благополучно произвел посадку. На второй день Калугин снова вылетел на боевое задание. И опять в критическую минуту воздушного боя он совершил таран. На этот раз летчик отрубил хвостовое оперение вражескому бомбардировщику. Сам герой возвратился домой невредимым. За два дня — два тарана! Какое яркое и убедительное доказательство боевой отваги, высокого мастерства советского летчика, его неукротимой решимости во что бы то ни стало одержать победу над врагом!»

Мы, товарищи Калугина по штурманским курсам, знали еще и то, что этот симпатичный парнишка с непокорными каштановыми волосами, с доброй улыбкой и веснушками на носу сбил более двадцати фашистских истребителей. Мы очень были рады высокой награде старосты наших курсов и решили отпраздновать это событие. Тут же на станции второпях купили арбуз, какие-то фрукты и, когда поезд тронулся, начали чествовать героя.

Из Краснодара, где стоял штаб 4-й воздушной армии, все разлетелись — каждый в свой полк, Я к своим вернулась с радостью, как к родным, но тут же радость моя померкла.

Погиб двадцатитрехлетний командир нашей эскадрильи Семен Васильевич Андрианов с воздушным стрелком Поцелуйко. У меня комок подкатился к горлу — ничего ни спросить, ни сказать не могу, только мысли работают, вернее, память. Почему-то вспомнились его замечательные рисунки в альбоме, который он однажды мне показал.

— Вы талант, товарищ командир, — сказала я тогда А,ндриаяову.

— Нет, Егорова, ошибаетесь. Просто у нас в одиннадцатой школе в Нижнем Тагиле был очень хороший учитель рисования. Он же вел кружок по рисованию, который я усердно посещал.

Сколько помню себя — мне да мне хотелось рисовать.

— Так поступайте после войны в художественное училище, Семен Васильевич, — впервые обратилась я к комэску по имени и отчеству. — Уж очень хороши ваши рисунки, хотя я, конечно, мало разбираюсь в искусстве…

— Я летать люблю, Аннушка, — неожиданно ласково развал меня Андрианов. — А после войны, когда мы разобьем всех до одного фашистов, можно будет всерьез и рисованием заняться.

Не довелось командиру нашей эскадрильи дожить до победы. Погиб Семен Андрианов при выполнении боевого задания в восьми километрах западнее станицы Крымской.

А произошло это так. Шестерке штурмовиков поставили задачу нанести бомбовый удар по скоплению танков. Задачу ставил начальник штаба полка Яшкин. Ведущим был назначен Андрианов. Прикрывала их четверка ЛаГГ-3 из братского полка во главе с капитаном Истрашкиным. Удар по танкам группе Андрианова предстояло нанести с малых высот, так как погода стояла очень сложная — облачность висела над землей, шел дождь. Наши вооруженцы загрузили в самолеты ПТАБы (противотанковые бомбы) — в каждый отсек по 200–250 штук, зарядили пушки, пулеметы, подвесили эрэсы, и в строго назначенное время Андрианов с группой взлетел.

К слову сказать, при ударе с малых высот штурмовик не всегда мог использовать все свои возможности. ПТАБами по танкам, например, получалось хорошо, а вот стокилограммовые бомбы надо было сбрасывать с замедленным взрывом, иначе своими же осколками повредишь самолет, да и точность бомбометания на такой высоте резко снижалась. При атаках с бреющего полета очень сложно использовать полностью пушки, пулеметы и эрэсы по окопам противника, траншеям. Для штурмовки требовалось набрать высоту — у танковых-то пушек прицельность завидная. У группы Андрианова высоты не было, но комэск знал, что задание необходимо выполнить любой ценой. И он его выполнил. Ценой своей жизни…

В полку на стареньком одноместном штурмовике я летала дольше всех. Мне он казался гораздо легче и маневреннее, чем машина с двойной кабиной. И вот теперь, когда я вернулась с курсов штурманов, адъютант нашей третьей эскадрильи Бойко предложил мне выбрать воздушною стрелка.

Дело в том, что в одном из последних вылетов мне изрядно досталось от атак «мессеров». Летали мы тогда на Темрюк — требовалось разбить мост через реку Кубань. Кажется, только что этот мост разнес в щепки Карев с группой. Но черти фрицы опять ею восстановили. Сколько же можно возиться с ним?..

Город Темрюк почти у берега Азовского моря, с западной его стороны протекает Кубань. Здесь через мост проходит основная дорога от причала на косе Чушка до Голубой линии. Мост окружен сплошными зенитными батареями, да еще у Голубой линии неисчислимое множество противовоздушных средств. Над Темрюком и его мостом мы уже потеряли три экипажа — Подыненогина, Грудняка, Тасеца. Сегодня на мост нашу группу ведет капитан Якимов. Статный, спортивного сложения, с барскими манерами, Якимов держался немного свысока, как бы пренебрегая нами, хотя по возрасту был немного-то старше нас. Проработал он с нами . весь полет, сделал боевой расчет и почему-то меня — на одноместном-то самолете! — поставил замыкающей шестерки.

Приказы не обсуждаются — и мы полетели. Прикрывала нас четверка истребителей ЛаГГ-3, но, признаться, лететь в строю последней и без воздушного стрелка было как-то неуютно.

После того как мы сбросили бомбы на мост и выскочили на Азовское море, нашу группу перехватили «мессершмитты». «Лагги» уже вели бой с немецкими истребителями где-то в стороне. Так что в работу вступили наши воздушные стрелки, умело отбиваясь от наседавших «мессеров». Несколько раз они пытались расколоть строй штурмовиков, но напрасно. Мы летели плотно, крыло к крылу. И только один мой самолет с задней полусферы не был прикрыт стрелком. Не удивительно, что именно по мне полоснула трасса огня: прошла справа по борту. Я метнулась влево, но поздно. Уже вторая очередь огня ударила по моему «ильюше». Затем «мессеры» разошлись в стороны, развернулись и теперь с разных сторон пошли на мой самолет в атаку. Боясь лобового огня штурмовиков, вперед фашисты старались не заходить, а били по моему не защищенному с хвоста самолету сзади.

И снова огненная струя с близкого расстояния… Тогда я резко дала форсаж, отжала ручку управления машиной от себя — увеличила скорость, обогнала свою группу и втиснулась в нее между ведущим и его ведомым справа — Володей Соколовым. Это меня и спасло.

На разборе боевого вылета пришлось выслушать нарекания.

— Вы нарушили боевой порядок, — словно чеканил, выговаривая каждое слово и каждую букву, капитан Якимов. — Летчик Соколов мог принять вас за противника и ударить по вам из пушек и пулеметов!

-А почему, — дерзко спросила я капитана, — когда меня расстреливали фашистские самолеты, вы не перестроили группу в оборонительный круг с оттягиванием на свою сторону?

Воцарилась тишина. Якимов покраснел. И тут, нарушив гробовое молчание, за меня вступился Володя Соколов.

— Товарищ капитан! Вы сказали, что штурмовик Егоровой я мог бы принять за вражеский. Да разве это возможно? И вообще, разве не видно, как у нее из-под шлемофона торчат концы голубой косынки вместо подшлемника?.. Летчики засмеялись, тяжелая атмосфера разрядилась. После этого случая мне дали Ил-2 уже с кабиной для воздушного стрелка, и на этой машине до учебы на курсах я летала с разными стрелками — свободными от вылетов. Да и не только со стрелками. Летала с парторгом полка Василием Ивановичем Разиным, храбрым и добрым человеком. Нам обоим тогда здорово попало: он полетел без разрешения. Брала однажды в полет, тоже украдкой, и механика своего самолета Тютюника. Так что, когда адъютант эскадрильи Бойко предложил мне выбрать стрелка, я удивилась:

— Что значит выбрать? Если есть свободный стрелок, давайте мне, а брать его из экипажа, в котором летчик и воздушный стрелок слетались, — такое не годится.

— У нас тут есть один, безэкипажный, да какой-то странный. Мы его хотим отправить из полка в наземные части. А вы теперь на правах замкомэска имеете право выбрать себе хорошего воздушного стрелка.

— Как фамилия стрелка, которого хотите отправить?

— Макосов.

— Давайте его мне.

— Настоятельно не советую, товарищ лейтенант, — заметил адъютант, s

— И все-таки пришлите стрелка, пожалуйста, к моему самолету, — попросила я.

Вскоре, разговаривая на самолетной стоянке с инженером эскадрильи Шурхиным и техникой-лейтенантом Степановым, я услышала сзади себя смешок;

— Вот я и явился.

Оглянулась. Стоит парнишка лет от силы восемнадцати, с круглым лицом, расплывшимся в улыбке, отчего на тугих розовых щеках образовались ямочки. Пилотка его сдвинута на затылок, а чубчик светлых волос старательно зачесан набочок.

— Вы кто такой? — спросила.

— Сержант Макосов. Адъютант капитан Бойко послал вот к вам.

— Ну и что же? Докладывайте, сержант Макосов, о прибытии.

— Да чудно как-то. Я ведь первый раз вижу летчицу. И он опять захихикал, переступая с ноги на ногу, явно не дружа со стойкой «смирно».

— Вас кем прислали в наш полк?

— Воздушным стрелком.

— Вы раньше летали когда-нибудь?

— Я курсы стрелков окончил, и все.

— Хотите воевать стрелком?

— Очень хочу, но мне летчика не назначают.

— Вы хорошо знаете материальную часть кабины, ракурсы стрельбы и силуэты вражеских самолетов?

— Знаю.

— Хорошо. Завтра буду принимать у вас зачет.

На второй день с утра я увидела Макосова в кабине штурмовика. При опросе он отвечал мне без запинок, не переставая улыбаться. Так и стали мы с ним летать на боевые задания.

Я, пожалуй, ни за что бы не согласилась быть воздушным стрелком на Ил-2. Страшно все-таки. Сидит стрелок спиной к летчику в открытой кабине. Перед ним полутурель с крупнокалиберным пулеметом. Когда фашистский истребитель заходит в хвост штурмовика и в упор начинает расстреливать его — ну как такое выдержать? У стрелка ведь пет ни бугорка земли, за который он мог бы укрыться от пуль, ни траншеи. У него, конечно, в руках пулемет, но управление-то самолетом у летчика, и прицеливаться стрелку, когда летчик, маневрируя, бросает самолет из стороны в сторону, очень трудно. А еще бывает и так — замолчит пулемет от неисправности или когда кончатся патроны… Нет, ни за что бы не хотела я быть стрелком на штурмовике.

Макосов же с первых боевых полетов вел себя довольно активно. Увидев самолет противника, он тут же давал выстрел из ракетницы в его сторону, предупреждая всех об опасности. Когда я, уходя от цели, переводила самолет в набор высоты, Макосов строчил из своего пулемета по наземным целям. Хвост моего самолета был надежно прикрыт. Больше того, воздушный стрелок передавал мне по переговорному аппарату все, что видел и на земле, и в воздухе.

— Товарищ лейтенант, — то и дело слышу теперь, — справа из лесочка бьет зенитка!

— Товарищ лейтенант, к Малой земле от Новороссийска ползут шесть танков. Стреляют на ходу. И опять:

— Товарищ лейтенант, подбит штурмовик номер «шесть», со снижением идет над морем…

Казалось, ничто не могло ускользнуть от внимания моего стрелка. Я радовалась его успехам и при каждом удобном случае хвалила, поддерживала, а командование полка за успешно

совершенные десять боевых вылетов и подбитый «мессер» наградило Макосова медалью «За боевые заслуги».

Свой крупнокалиберный пулемет Макосов всегда содержал в боевой готовности. Своевременно чистил его, смазывал, предупреждал всякие задержки. Часами он мог сидеть в кабине штурмовика и тренироваться в прицеливании по пролетающим мимо аэродрома машинам.

Я уже полностью доверяла своему стрелку и была уверена — не растеряется, не подведет в трудной боевой обстановке. Когда, случалось, в хвост нашего штурмовика заходил «мессершмитт» или другой вражеский истребитель, Макосов не паниковал, не горячился, а спокойно и деловито открывал огонь и достигал цели. Над станицей Молдаванской вместе с другими стрелками он сбил Ме-109. Макосова наградили еще одной медалью — «За отвагу». На разборах боевых вылетов его уже стали ставить в пример другим стрелкам, а он неизменно улыбался, показывая ямочки на щеках, и краснел. Девушки-оружейницы стали с интересом посматривать в сторону штурмовика, в кабине которого сидел Макосов.

А надо сказать, в полку у нас все девушки были, как | на подбор, очень красивые. Прибыли они все из ШМАС (школа младших авиаспециалистов). Маша Житняк, Юля Панина, Маша Драгова, Варя Матвеева, Нина Гнеушева, Дуся Назаркина, Лида Федорова, Люба Касапенко, Нина Пиюк, Катя Кожевникова, Нина Швец, Катя Зелинская. Руководили ими техники по вооружению Панарин, Калмыков и инженер по вооружению Б. Д. Шейко. Неимоверно тяжело было девчатам во время частых наших боевых вылетов. Сколько надо было перетаскать к самолету бомб, эрэсов, подвесить все это хозяйство! А между вылетами еще н зарядить сотни лент для пулеметов и пушек, заправить каждый самолет, летящий в бой.

В то же время появление в полку прекрасной половины человечества волей-неволей стало отражаться на мужском составе. До девчат у некоторых пилотов в полку пошла было мода на бороды (а может, поверье какое: мол, с бородой и пуля не возьмет!). Но вот появились красавицц-оружей-ницы — и бороды эти как ветром сдуло. Летчики стали чаще менять подворотнички, бриться, техники тоже не отставали. Обычно замасленные, грязные, комбинезоны их стали едва ли не белоснежно чистыми от стирки — в ведре с бензином и даже отутюженными — под матрацем во время сна.

В полку все сразу заметили неравнодушное отношение техника-лейтенанта Петра Панарина к оружейнице Маше Житняк. Что тут поделаешь — полюбил с первого взгляда. В этой.

спокойной, неторопливой дивчине с теплыми карими очами привлекала ее скромность, доброта, трудолюбие, и Петр, не откладывая дела в долгий ящик, — как бы лихие пилоты не опередили! — объяснился Маше в любви. Но… получил отказ. А после очередного его объяснения Мария сказала, как отрубила:

— Вы, товарищ техник-лейтенант Панарин, думаете, что я прибыла в полк, чтобы замуж выйти?.. Не буду скрывать, вы мне нравитесь, но до нашей победы свадьбы не получится.

Много лет спустя, после войны, ко мне в гости в Москву из Червонограда Львовской области приехала бывшая оружейница Мария Тимофеевна Житняк — по мужу Панарина. Она была все такая же улыбчивая, приветливая, хотя война и годы, конечно, наложили свой отпечаток. О многом мы припомнили с Машей в ту встречу. И о том, как наши однополчане недоверчиво встретили девушек-оружейниц, и о том, как поначалу было действительно нелегко, не все ладилось: многие не умели работать с инструментом, сбивали себе руки. Но жалоб от девчат никто не слышал. Со всеми тяготами фронтовой жизни мирились они, зная, что не только им тяжело. Маша припомнила, как в первый банный день девушкам, как и всем солдатам, выдали рубахи и кальсоны. Пришлось перешивать да приспосабливать все это для себя. Обуты оружейницы были в ботинки, полученные из Англии, которые называли «Черчиллями» — за толстые подошвы. Выдавали их с обмотками. Потом из этих обмоток девчата научились делать чулки. Тоже «фирменное» название было — «зебры» — так называли самодельные чулки за некачественную окраску, пятнами. Достанет кто-то у полкового доктора акрихина или чернил в строевом отделе, разведет водой — и ну окунать в них обмотки да отжимать поскорее, чтобы и другие смогли покрасить. Летом громоздкие «Черчилли» оружейницы не носили — щеголяли в тапочках, сшитых из самолетных чехлов. Только вот караульную службу все несли по форме.

О карауле следует сказать особо. Самое страшное это было для девчонок дело — стоять в карауле. Особенно на территории Польши, Германии. Там только и следи, только и крути головой по сторонам. А старшина Шкитин, как назло, ставил девчат для несения караульной службы на самые дальние посты. Считал, что по охране аэродрома они наиболее бдительные часовые. Что ж, действительно, красавицы-оружейницы неплохо овладели автоматом, и доверял им строгий старшина не случайно.

Однажды Юля Панина пришла с завязанной шеей на заседание полкового комсомольского бюро, членом которого она была.

— Что с тобой, Юля? Ты заболела? — спросил секретарь бюро

Вася Римский.

— Нет, — ответила Юля, — я не болею. Сегодня ночью стояла в карауле и от страха так вертела головой, что вот шею повредила.

— Ты шутишь, Панина?

— Нет, нисколечко. Мне всю ночь казалось, что кто-то ползет к самолетам, и я так напрягала слух, зрение, так вытягивала шею, что вот… пострадала.

Все засмеялись.

— До свадьбы заживет! — весело заключил Женя Бердников.

— Тебе-то хорошо смеяться. Ты сильный пол, и в наряде я тебя часто вижу у штабной землянки, а мы — слабый — стоим ночью с автоматом у самых дальних стоянок самолетов…

Почти все девчата у нас были комсомолками. Вообще комсомольцы в полку составляли больше половины личного состава. Полковые и эскадрильные собрания их проходила обычно между боевыми вылетами или в нелетную погоду, поздно вечером. Помню такие повестки дня: «Все силы на разгром фашистского зверя», «Бить врага, как бьет его экипаж комсомольцев Героев Советского Союза Рыхлина и Ефременко», «Боевая выручка в бою — закон для комсомольца».

Комсомольцы полка упорно, настойчиво трудились по подготовке к боевым вылетам наших самолетов. Однажды с задания вернулся летчик Бугров, но на таком изуродованном самолете, что его впору было отбуксировать на свалку:

в плоскостях фюзеляжа зияли дыры, да такие, что через них свободно мог провалиться человек; рули высоты, поворота едва держались. Старший инженер полка Куделин посмотрел на машину и сказал, обращаясь к Бугрову:

— Толя, сынок! Я старый авиационный инженер. За свою жизнь всякого насмотрелся, но такое вижу впервые.

Мало того, что ты летел не на самолете, а на развалине, еще ведь и посадил с блеском! Честь и хвала тебе! — И Куделин тут же обратился к комсомольцам:

— Постараемся, ребята? Исправим?..

Это обращение старшего инженера полка сыграло добрую роль. Было сделано невозможное — штурмовик, управляемый летчиком Бугровым, через неделю поднялся громить врага. Вместе с комсомольцами самозабвенно трудились по ночам и коммунисты — инженеры эскадрильи Притыка, Шурхин, Степанов, другие. Все знали, что каждый восстановленный самолет, каждый его боевой вылет — это смерть десяткам фашистов.

В напряженной боевой работе комсомольцы полка находили

время и для разрядки, отдыха. Член комсомольского бюро воздушный стрелок Женя Бердников был неутомимым и постоянным организатором полковой художественной самодеятельности. Весельчак, заводила, он часами мог рассказывать всякие небылицы и анекдоты. А когда, выпучив глаза, вывернув ноги носками в стороны, Женя начинал вытанцовывать, подражая Чаплину и напевая его песенки из кинофильмов, от смеха удержаться было просто невозможно!

Как-то в клубе станицы Тимашевской Бердников предложил поставить скетч Леонида Ленча «Сон в руку». Большинство ролей участники самодеятельности брали с охотой, но вот роль бесноватого фюрера никто не соглашался играть. Пришлось взять ее на себя комсоргу Римскому. Постановка получилась удачной, и тогда ее решили показать местному населению.

Концерт в клубе шел хорошо. Механик Ваня Куликов исполнил танец «Яблочко», затем с оружейницами Ниной Пиюк и Дусей Пазаркиной — «Русский перепляс». Маша Житняк и Вася Назаров читали юмористические рассказы. Бердников с Паниной спели «Огонек» — аккомпанировал им летчик Павел Евтеев. Всем понравилось, как Вадим Морозов прочитал стихотворение «Жди меня». Затем начался скетч «Сон в руку», и вот в момент разговора Наполеона с Гитлером в зале при полной-то тишине раздалась громкая брань и в Гитлера на сцену полетел какой-то предмет. Клуб взорвался хохотом, но артисту было уже не до смеха. Ему досталось от удара галошей, а главное, с головы слетел парик с известной на узком лбу челкой. С тех пор скетч больше не ставили: некому было играть презренную личность.

А тогда в клубе после концерта к Римскому подошел очень пожилой человек и стал извиняться:

— Сынок! Прости меня, не хотел я тебя обидеть. Вот Гитлера задушил бы своими руками! Ведь фашисты расстреляли двух моих братьев, сожгли дом…

Как было не понять это человеческое горе!..

16 сентября 1943 года наши войска освободили Новороссийск.

9 октября от фашистов была очищена коса Чушка и высажен десант севернее Керчи, на полуостров Еникале.

Высадили десант и на Эльтиген. Сейчас на картах нет такого населенного пункта — Эльтиген — ость Геройское. А тогда, в ночь на 1 ноября сорок третьего, в штормовую непогоду, когда огромные волны бешено бились о каменистые берега, высаживался туда бесстрашный десант. Тридцать с лишним километров от Тамани до Эльтигена предстояло проплыть им через Керченский пролив на утлых / суденышках. Тридцать с

лишним километров под нескончаемым артобстрелом, в лучах прожекторов…

Мы, летчики, ничего еще о десанте на Эльтиген не знали. Погода стояла нелетная, все наши полевые аэродромы раскисли. Попытались было взлетать, но не смогли: шасси уходили в землю по самую ступицу. Только седьмого ноября удалось нам включиться в боевую работу.

Группу тогда повел штурман полка майор Карев, Перед вылетом он инструктировал нас: на разбеге не тормозить, иначе шеститонный штурмовик завязнет, зароется в грязь и может перевернуться; шасси могут не убраться, так как гондолы их при разбеге забьются грязью, а если и уберутся, то, возможно, не выпустятся перед посадкой — грязь засосет. Тогда шасси нужно выпускать с помощью аварийной лебедки — сделать тридцать два оборота правой рукой, а управлять самолетом левой. Карев предупредил, чтобы взлетать всем с закрытой бронезаслонкой маслорадиатора и сразу же после взлета открыть ее, иначе грязью залепит соты масляного радиатора и мотор перегреется, откажет.

И мы пошли на взлет. Под плоскостями летела сплошная грязная жижа. Вырваться из ее объятий удалось не всем. Из девятки самолетов на боевое задание поднялись семь машин — две скапотировали на разбеге.

Маршрут наш лежал на Эльтиген. По карте между озерами Чурбашское и Тобечикское, там, где прибрежные холмы подходят совсем близко к морю, у их отрогов, на низком песчаном берегу, и находился этот рыбацкий поселок. Почти рядом с Эльтигеном, чуть севернее его, располагался порт Камыш-Бурун. В порту базировались фашистские боевые корабли. Но мы на этот раз везли не бомбовый груз, а контейнеры с боеприпасами, продовольствием, медикаментами. Штормовая погода не позволяла быстро переправить на пятачок подкрепление, это ослабило снабжение Эльтигенского десанта. И нашей задачей было сбросить им груз точно на пятачок.

Чтобы не ошибиться, требовалось учесть все — силу, направление ветра, скорость своего самолета, а с земли фашисты били по нас из всех видов оружия — одновременно надо было и отстреливаться от них.

О том, что творилось тогда на плацдарме, спустя годы рассказал мне Герой Советского Союза генерал-майор Василий Федорович Гладков, участник боев на Малой земле, затем командир 318-й стрелковой дивизии, возглавлявший десант на Эльтиген.

…Расстояние между нашим десантом и фашистами сужалось. Немцы бросили против нас все силы — и танки, и самоходные

орудия, и минометы, и пехоту. И тут, после долгого перерыва, вновь заработала артиллерия с Тамани.

Затем прилетели штурмовики и поставили дымовую завесу, словно туманом затянувшую берег.

Контейнеры с боеприпасами, продовольствием и медикаментами мы сбросили десантникам на Эльтиген точно. Теперь летаем с очищенного от гитлеровцев Таманского полуострова на Керченский.

Как-то мне приказали вести шестерку штурмовиков в район Баксы, что севернее Митридата. Конкретной цели не дали, и нужно было пролететь вдоль линии фронта, самим найти объект для удара и поработать всей группой.

И вот летим. Я настойчиво повторяю для ведомых по радио одно и то же: «Маневр, маневр, маневр!..» И сама не дремлю — то бросаю штурмовик по курсу, то убавляю, то прибавляю скорость. Я знала, что если ударят зенитки, то мне, как ведущей, достанется больше всех.

И они заговорили. Невольно мелькнуло в сознании: значит, что-то таится внизу. Присмотрелась, а там, в садах, замаскированные танки! Пикирую. В прицеле танк. Выпускаю эрэсы. —

С, маневром в атаку! — кричу по радио ведомым.

А у меня в прицеле теперь груженая автомашина. Нажимаю гашетки. Хлещет огонь автоматических пушек. Быстро набегает земля. Кажется, будто она падает на меня. А пальцы опять касаются кнопок реактивных снарядов, и в тот же миг из под крыльев самолета к земле устремляются смертоносные ракеты. Беру на себя ручку управления — штурмовик послушно выходит из пикирования. Сбросив серию бомб, перевожу машину в набор высоты, а мой воздушный стрелок старшина Макосов начинает бить мечущихся внизу фашистов из своего крупнокалиберного пулемета. Вот ато атака!..

Закончив штурмовку, мы развернулись было в свою сторону, но тут набросились «мессеры». Одна их группа сковала боем истребителей, прикрывавших нас, другая атаковала «илы». Мы построились в оборонительный круг с оттягиванием на свою сторону. Нас шестеро против десяти гитлеровских машин. Силы явно не равны. Вижу, как падают в море чуть в стороне два истребителя: один-краснозвездный, другой — с черно-белым крестом на фюзеляже. На моих глазах идет ко дну Ил-2…

Выдержать, во что бы то ни стало выдержать! И мы бьем по тем, кто зазевался, кто проскакивает вперед и подставляет под наши пушки свое брюхо. Один «фриц» задымил и отвалил в сторону. Еще одного шарахнули, да так, что тот сразу пошел

камнем в землю. Засуетились «храбрецы»: очень уж любили, когда семеро-то на одного.

«Мессеры» ушли и снова заработали по нас немецкие зенитки. Перед моим лицом, пробив плексигласовую боковину фонаря, пролетает раскаленный осколок зенитного снаряда. Оглядываясь, вижу кровь на бронестекле, разделяющем мою кабину и кабину воздушного стрелка. Макосов ранен?! В тот же миг чувствую, что самолет сносит вправо — перебиты тяги рулей. Еще не лучше! Мои ведомые летят на восток, домой, а мой самолет больше не слушается меня — повернул на запад, к врагу. Предательски побежали мурашки по телу. Я осталась одна. Напрягаю все силы и умение. А тут еще «худые», почуяв легкую добычу, зажали со всех сторон и бьют, и бьют огненными трассами израненную мою машину. Развернула все же штурмовик на свою сторону. Мотор то и дело захлебывается, но тянет, пока еще тянет, держится. Стиснув зубы, держусь и я — продолжаю управлять непослушной машиной. Лечу на предельно малой скорости, теряя высоту. Земля все ближе, ближе, а мне еще надо перелететь через Керченский пролив!

Вдруг вижу, из окопов пехотинцев летят вверх какие-то предметы. Гранаты? Нет. Это наши солдаты восторженно приветствуют краснозвездный самолет, бросая вверх каски. Они радуются за меня, за любимый пехотой штурмовик, Все-таки я долетела до своих, все-таки долетела…

Над проливом подоспели наши истребители и отогнали моих преследователей. Наконец вижу свой аэродром. Машину сажаю с ходу, не заходя по правилам. Мне сейчас не до правил. Лишь бы поскорей посадить едва державшийся в воздухе самолет.

…Тишина. Какая удивительная бывает тишина аа земле! А это что? Почему-то руки окровавленные. И гимнастерка тоже в кропи. Не заметила, как поранило в бою осколком снаряда. Но как Макосов? Вылезаю из кабины — и к стрелку. Жив Макосов, жив! Отлегло от сердца…

По аэродромному полю к моему самолету бегут летчики, на полном ходу катит «санитарка» с красным крестом, за нею тягач — чтобы поскорее отбуксировать искалеченный самолет со взлетной полосы. Глотая слезы, я держусь за его крыло и шепчу: «Спасибо тебе, друг «ильюша»…»

Макосова укладывают на носилки. Он пытается встать и все повторяет:

— Товарищ лейтенант! Не отправляйте меня в госпиталь — пусть полечит наш доктор. Я скоро поправлюсь и опять буду летать, не берите себе нового стрелка!

— Хорошо, хорошо, Макосов, — успокаиваю стрелка. — Я

попрошу, чтобы вас лечили в медсанбате нашего батальона. Поправляйтесь быстрей. Буду вас ждать!

На следующий день иду проведать своего стрелка и вдруг слышу, за последним капониром кто то всхлипывает, Подошла. Сидит на ящике от снарядов, уткнувшись лицом в колени, и горько плачет оружейница Дуся Назаркина.

Обидел кто-то, подумала я, но тут же отказалась от своего предположения. Дусю в полку все очень любили. Задорная, веселая и очень трудолюбивая, оружейница пришлась по душе всем. Наблюдать за ней, когда она подвешивала бомбы, реактивные снаряды, заряжала пушки и пулеметы, — одно удовольствие. В выцветшей на солнце, но всегда чистой и отглаженной гимнастерке, в галифе Дуся мелькала вокруг штурмовика с необыкновенной быстротой и ловкостью. Как она одна ухитрялась подвешивать под фюзеляж самолета стокилограммовые бомбы-до сих пор остается для меня загадкой. А она шутила: «Я до войны работала в Москве на заводе «Красный богатырь» и в кружке штангистов нанималась!»

И вот «штангист» плачет. Потрясла за плечо — не отзывается. Тогда я села рядом с Дусей на ящик, взяла двумя руками ее голову, приподняла, положила к себе на колени. Пилотка, которую она зажала в руках, была мокрая и помятая. Я молча гладила Дусю по голове. Прошло минут десять, и вот она, не вытирая слез, стала рассказывать мне о своей большой любви к Сереже Бондареву. Механик самолета, он полетел за воздушного стрелка и не вернулся с задания вместе с летчиком Хмарой.

— Я не хочу жить без него! Мы только вчера объяснились в любви, первый раз поцеловались, решили пожениться, когда закончится война. И вот его нет. Сережа Бондарев погиб!..

Она со стоном упала на землю, зажала лицо ладонями и глухо зарыдала.

Я сбегала в штабную землянку, принесла воды, нашатырный спирт из аптечки. Понемногу Дуся стала успокаиваться, и вдруг:

— Товарищ лейтенант! Анна Александровна! Прошу вес, умоляю, возьмите меня к себе воздушным стрелком. Я знаю все ракурсы и расчеты, я знаю все силуэты вражеских самолетов, я умею хорошо стрелять. Возьмите! Я хочу мстить за Сережу.

— У меня же есть стрелок — Макосов, — сказала я, растерявшись от неожиданной просьбы Дуси.

— Но он ведь ранен. Сможет ли после такого ранения стрелять? Ведь у него перебита правая рука.

Я стала отговаривать Назаркину. Рассказала, как страшно летать на штурмовике стрелком, как много их погибает.

— Мы, летчики, прикрыты броней, — убеждала ее, — стрелок

же сидит перед фашистским истребителем в открытой кабине. А Сережа твой, возможно, и жив. Ведь ты знаешь много случаев, когда наши летчики и стрелки возвращались из «мертвых».

Дуся будто и слышать не хотела:

— Возьмите. Поддержите мою просьбу перед командованием полка, рапорт я сейчас напишу.

Не сумела я убедить Назаркину. А тут недели через две приехал начальник политотдела корпуса полковник Тупанов, и вопрос был решен. Назаркину назначили воздушным стрелком на мой самолет. Был создан, пожалуй, единственный в штурмовой авиации женский экипаж.

Позже я узнала, что был еще один женский экипаж на штурмовиках, сформированный в августе 1944 года: летчик младший лейтенант Тамара Федоровна Константинова (в будущем Герой Советского Союза) и воздушный стрелок Шура Мукосеева.

Тогда же мне было жаль расставаться с опытным стрелком, да и он не хотел переходить к другому летчику. Но приказ есть приказ, и я ему подчинилась.

О судьбе Макосова узнала только после войны. На встрече ветеранов 230-й Кубанской штурмовой авиационной дивизии ко мне подошел дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации Г. Ф. Сивков, воевавший в 210-м штурмовом авиаполку нашей дивизии, и сказал:

— Замечательный у тебя был стрелок на Кубани. Ведь его к нам в полк прикомандировали, когда тебе Назаркину назначили.

— Макосов? — обрадованно воскликнула я..

— Да, Макосов. Твой бывший воздушный стрелок после войны уволился из армии, женился, вырастил вместе с супругой пятерых сыновей. И вот какая беда свалилась на их уже седые головы. От пуль нарушителей в пограничном конфликте на реке Уссури в 1969 году погиб один из сыновей.

А тогда, в сорок третьем, стала я летать с Дусей Назаркиной в очень удивилась — в первом же боевом вылете она ничуть не хуже Макосова справилась с обязанностями воздушного стрелка. То и дело я слышала ее голос в переговорном аппарате. Дуся стала моими вторыми глазами. Изредка через бронестекло, разделяющее наши кабины, в которых мы сидели спина к спине, я видела, как она работала со своим пулеметом. Ствол его то поднимался вверх, то под углом вниз, изрыгая пламя. Маленькая фигурка Дуси буквально крутилась по кабине. Везло мне со стрелками!

В эти дни из Москвы я получила от друзей с Метростроя несколько писем. В одно из них была вложена листовка

политуправления Краснознаменного Балтийского флота. В ней говорилось о том, что при выполнении боевого задания по уничтожению кораблей противника, находившихся в Финском заливе, севернее острова Гогланд, смертью героев в беспощадной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками погибли заместитель командира эскадрильи 35-го штурмового авиаполка Вячеслав Людвигович Кротевич и воздушный стрелок младший лейтенант И. Ф. Быков, парторг эскадрильи.

— Кротевич — это же наш инструктор, потом он был начальником летной части аэроклуба! — воскликнула я.

Многих метростроевцев научил летать Вячеслав Людвигович. Дал путевку в небо и мне. Его ученики Сергей Феоктистов, Евгений Меншутин, Иван Вишняков, Иван Королев, Борис Окрестин, Владимир Наржимский, Лука Муравицкий, Аркадий Чернышев, Михаил Семенцов, Кузьма Селиверстов стали Героями Советского Союза, а Алексей Рязанов этого звания был удостоен дважды.

На своем «иле», говорилось в листовке, летчик Кротевич с воздушным стрелком Быковым уничтожал танки, паровозы, десятки вагонов, орудия, самолеты, а летая над Балтийским морем, они подожгли и потопили четыре сторожевых корабля, четыре тральщика, транспорт, самоходную баржу.

19 ноября 1943 года коммунист Кротевич совершил бессмертный подвиг.

…Группа штурмовиков во главе с Кротевичем обнаружила фашистские корабли. Яростный зенитный огонь не остановил штурмовиков-балтийцев. Их бомбы попали точно в цель — гитлеровский сторожевой корабль потонул. В этот миг с другого корабля противника ударил зенитный снаряд в машину Кротевича. Штурмовик загорелся. Вместе с самолетом горел и экипаж машины. Тогда Вячеслав Кротевич пошел на таран. С грохотом врезался его объятый пламенем самолет в левый борт вражеского корабля, увлекая его за собой в морскую пучину. Так погибли славные сыны советского народа.

В полках и соединениях прошли траурные митинги — летчики клялись отомстить за жизнь Кротевича и Быкова. Штурмовики Балтики открыли счет их имени, их светлой памяти, боевой счет героев ленинградского неба. Одному из лучших экипажей эскадрильи, в которой воевали Кротевич и Быков, младшему лейтенанту П. Максюте был выделен штурмовик с надписью по фюзеляжу «Вячеслав Кротевич и Иван Быков».

Я вспомнила Вячеслава Людвиговича — каким он был веселым, общительным, как интересно умел рассказывать. Его лекции мы, курсанты, очень любили. Часто его лицо на занятиях

озарялось какой-то новой догадкой, он, как казалось нам, уходил в сторону от программы, вызывая нас на спор. Но всегда получалось так, что эти отклонения от программы оказывались очень необходимыми для увязки со многими другими темами. Кротевич учил нас любить небо.

Вот уже в третий раз, пока мы воюем на Тамани, наш полк пополняется самолетами и летным составом. Затем наш путь на 1-й Белорусский фронт, в его резерв. Перелет полка в Карловку, под Полтаву, прошел без происшествий. Штаб и технический состав, как всегда, встречал нас подготовленным летным полем, стоянками для самолетов, жильем для летчиков.

Здесь, под Полтавой, царь Петр разбил шведов. А совсем недавно наши войска разгромили крупную группировку гитлеровцев. Вблизи бывших русских редутов, на том месте, где остались обломки вражеской техники, наши штабисты нашли для нас естественный полигон. Построили там наблюдательную вышку, обозначили траншеи деревянными «солдатиками», установили деревянные «пушки». Были на этой имитированной передовой линии и танки с крестами, и автомашины.

У нас пополнение — много молодых летчиков, которых предстоит вводить в строй: учить бомбометанию, стрельбам, поиску целой — словом, всему тому, чему когда-то учили нас ветераны штурмового полка на аэродроме «Огни». В нашу третью эскадрилью прибыли летчики опытные, но не обстрелянные, еще не участвовавшие в боях. Они все приехали с Дальнего Востока: Степанов, Шерстобитов, Хомяков, Ладыгин, Ивницкий, Хухлин, Мустафаев, Кириллов, Евтеев, Иванов…

Нам, «старичкам», признаться, не составляло особого удовольствия работать с молодыми. Уезжая с фронта, мы рассчитывали на недолгий отдых в тылу. Атаки полигонных декораций цементными бомбами не вызывали энтузиазма у бывалых фронтовиков, да и для молодых эта работа была лишь продолжением поднадоевших школьных занятий. Они тоже рвались на фронт.

В полку произошли изменения: штурмана полка майора Карева Петра Тимофеевича назначили заместителем командира 805-го штурмового авиационного полка, лейтенанта Егорову Анну Александровну — штурманом этого же полка. Так было сказано в приказе.

Назначению я перепугалась и помчалась к командиру «выяснять отношения». Козин недавно навестил свою семью — где-то в глубоком тылу. По приезде показал мне фотоснимок своей дочурки. С фотографии на меня смотрели широко распахнутые доверчивые детские глаза, очень похожие на

отцовские, две косички, платочек, повязанный под подбородком.

— Наследница! — смеясь, сказал Михаил Николаевич. Мы очень любили своего командира полка. Отважный летчик, справедливый к подчиненным и в меру строгий, сколько нес он в себе задора, радости, искреннего веселья! Батя — так звали его между собой в нашем дружном коллективе. Он с нами и песни пел, и танцевал, и горе разделял.

Показывая мне фотоснимок своей дочери, Михаил Николаевич признался:

— Знаете, лейтенант, когда моя жена узнала, что в полку есть летчица, — стала ревновать.

— Пусть поревнует. Это иногда полезно, — посмеялся тогда замполит полка Швидкий, назначенный к нам вместо убывшего в госпиталь Игнатова.

Казалось, после Игнатова, который завоевал в полку большое уважение за чуткость, доброе отношение к людям, партийную принципиальность, трудно будет новому замполиту войти в доверие и обрести такое же уважение и любовь у личного состава. Но время шло, и Дмитрий Поликарпович, будучи еще и боевым летчиком, полюбился всем.

Удивительным он обладал свойством — знать, кому надо сказать ободряющее слово, кого пожурить, кого похвалить. И все это наш новый замполит делал вовремя, не откладывая на завтра, и как-то незаметно, тактично. А летая на боевые задания то с одной группой, то с другой, часто бывая в сложных переделках, он, конечно же, лучше понимал запросы и настроения.

Разборы боевых вылетов с приходом к нам Швидкого изменили свой характер. Если раньше разговор в основном шел о точном нанесении штурмовых ударов, то теперь больше стали говорить о действиях летчиков, их мужестве, инициативе, тактике в бою. Много внимания уделял Дмитрий Поликарпович войсковому товариществу, спайке в бою. Суворовское «сам погибай, а товарища выручай» то и дело любил повторять наш замполит. И это откликнулось в полку добрыми делами. Так, высокую самоотверженность проявил летчик Коняхин, спасая своего друга Хухлина. Но об этом я расскажу позже.

Пока что мне предстояло поговорить с командиром полка о моем новом назначении, и я спустилась в штабную землянку.

— Товарищ командир, разрешите обратиться! — сказала, по-уставному приложив руку к головному убору.

— Обращайтесь, — согласно кивнул Козин и с каким-то упреком посмотрел на меня.

— Зачем вы меня назначили штурманом полка? Ведь я же не справлюсь. На смех людям! Есть же Бердашкевич — командир

второй эскадрильи, есть Сухоруков, Вахрамов. Им сподручнее быть штурманом в мужском полку!

— Вы все сказали? — резко спросил подполковник. — Тогда круго-ом марш, бегом — к исполнению обязанностей штурмана полка… И по этому вопросу ко мне больше не обращайтесь.

Теперь, в новом качестве, я то провожу занятия с летным составом, то руковожу «боем» по радио с наблюдательной вышки полигона. Штурманская служба мне уже нравится, стала по душе. Я ведь и Херсонское авиационное училище окончила по классу штурманов, а работая в Калининском аэроклубе летчиком-инструктором, несколько часов в неделю преподавала аэронавигацию. Курсы штурманов прошла и в Ставрополе. Словом, командование полка знало о моих штурманских «классах» и, учитывая мой боевой опыт, не случайно назначило на эту должность.

И вот стою я на вышке, кругом такая чудесная панорама: по зеленому ковру летного поля рулят самолеты, в стороне Полтавы виднеется речушка, вокруг Карловки сады, совсем рядом громоздится Петровский редут, на который напоролась армия Карла XII, а в небе вовсю заливаются жаворонки.

Зазвонил телефон. Сняла трубку — слышу голос руководителя полетов:

— Приготовиться, вылетаем!

Внизу под вышкой заработал моторчик радиостанции. Я взяла микрофон, для порядка дунула в него и заговорила:

— Алло! Алло! Алло! Я-»Береза»! Как слышите?

— Я — «Резеда-два»! Я — «Резеда-два»! Слышу вас хорошо. Разрешите двести…

— Разрешаю двести.

«Резеда-два» — это майор Карев, а «двести» — разрешение на бомбометание и штурмовку. И почему это начальник связи полка Матюшенко придумывает такие позывные, как «Резеда», «Фиалка», «Сирень», «Волга» и другие тому подобные женского рода, для мужчин? А мне вот однажды дал позывной — курам на страх! — «Ястреб»…

Группа штурмовиков уже над полигоном — делает круг, круто пикирует на цель. Летчики старательно ловят в прицел мишень и короткими очередями расстреливают расставленные фигуры, затем бросают бомбы и разворачиваются для набора высоты. Карев — «Резеда-два» — спокойно подает команды, внимательно следит за работой каждого летчика.

— Хухлин! Уменьши угол пикирования!

— Агеев! Не отставать!

— Кабищер! Уменьши скорость самолета, а то выскочишь

вперед группы.

— Молодец Кириллов, прицельно бьешь по целям, — летит над полигоном голос «Резеды-два», и, глядя на эту кропотливую работу Карева с молодыми летчиками, я невольно с добрым чувством глубокого уважения думаю об этом мужественном человеке, вспоминаю полеты с ним над Таманью. Отчаяннее, храбрее над полем боя, чем Карев, я не встречала.

Повторив атаку, каревская группа уходит в сторону аэродрома.

— «Береза», я — «Резеда-семнадцать», я — «Резеда-семнадцать»… — слышится в микрофоне уже другой голос. — Разрешите двести!

— Разрешаю! И вдруг слышу:

— Зубами мучаетесь, «Березочка»?..

У меня действительно болят зубы. На вышке я стою с перевязанной щекой, но гневно пресекаю вольного сына эфира:

— «Резеда-семнадцать», занимайтесь-ка своим делом! Уменьшить угол!

Но летчик не слушается и, пикируя с крутым углом, бросает бомбы.

— «Резеда-семнадцать», прекратите самовольничать! Не то закрою полигон!

— Вас понял, — весело отвечает он и заходит для повторной атаки. Ловко атакует мишень пилот, ничего не скажешь. Со снижением уходит он от полигона бреющим, оставляя за собой песню:

Ты ж мэнэ спидманула,
Ты ж мэнэ спидвэла,
Ты ж мэнэ, молодого,
З ума разума свела…

Это — летчик Иван Покашевский.

В полку среди прибывших новичков выделялся парень с широким лицом, с копной темных волос и озорными серыми глазами. Одет он был не по форме. Сверху гимнастерки старого образца и гражданских брюк ватник, стоптанные, видавшие виды сапоги. Шапка-ушанка, сдвинутая на затылок, вот-вот упадет. Это и был лейтенант Иван Покашевский.

Нам Иван рассказал, что его сбили в бою и он попал в плен. Когда немцы увозили летчиков в Германию, они втроем проломили дыру в полу вагона и на ходу поезда выпрыгнули ночью. Затем бежали в лес — удалось найти партизан. Семь месяцев Покашевский партизанил, был награжден орденом Красной Звезды. Затем летчиков доставили в Москву, распределили в авиачасти, и вот Иван попал в наш полк. А тут

еще его отец, когда узнал, что сын жив — а похоронную с матерью они получили год назад, — на радостях продал пчельник и на эти деньги купил самолет. Отец очень хотел, чтобы сын летал на его самолете, — считал, что так будет надежнее.

У нас в полку Покашевского обмундировали, назначили летчиком во вторую эскадрилью. И вот в Карловку приехал его отец — Ивал Потапович Покашевский и привез с собой своего старшего сына Владимира, директора совхоза.

— Нехай послужат мои хлопчики у вас, — доверительно сказал командиру полка. — Посыдив Володька на «брони», як незаменимый, — хватит! Пора и честь знать! Но тильки з одним уговором, ни якой поблажки сынам моим не творить, требуйте бильше, як установлено по вийсковому Уставу…

В тот день погода была чудесная. В синем небе ни облачка, солнце грело по-летнему. На аэродроме собралось много народу — жители Карловки и окрестных сел с транспарантами, портретами руководителей партии, правительства и виновников торжества. Тут же, отдельно от других самолетов, новенький штурмовик с надписью по фюзеляжу «От отца — сыновьям Покашевским».

На крыло самолета поднялись начальник политотдела дивизии подполковник И. М. Дьяченко и семья Покашевских. Сыновья помогли отцу взобраться и встали рядом о ним. Иван — справа, Владимир — слева. Митинг открыл Дьяченко. На груди у начальника политотдела два ордена Красного Знамени. Защищая Москву, Иван Миронович был тяжело ранен, после чего медики списали его с летной работы.

Дьяченко говорил страстно, взволнованно и о патриотическом поступке колхозника Покашевского, и о предстоящих боях, о нашей грядущей победе. Затем он предоставил слово Ивану Потаповичу. Старик встрепенулся, хотел было шагнуть вперед, но сыны удержали его, чтобы не свалился в крыла, а он сказал только два слова: «Браты та сестры!..»– и тут же умолк. Сыновья склонились к отцу, что-то подсказывали ему, видимо подбадривали.

Запомнилась мне надолго та краткая речь простого крестьянина:

— У меня два сына. Обоих я виддаю родной Батькивщине. Пошел бы и сам с вами бить захватчиков, да трохи стар…

Старик хотел еще что-то сказать, но, не в силах совладать с охватившим его волнением, махнул рукой, поклонился в пояс на все четыре стороны и трижды поцеловал своих сыновей.

Все зашумели, зарукоплескали, оркестр заиграл туш.

— Качать его, качать! — закричали в толпе, и старика

подхватили на руки.

С этого дня Иван и Владимир Покашевские были приписаны экипажем к самолету отца: Иван — летчиком, Владимир — воздушным стрелком.

И вот я смотрю в бинокль: полигонная команда проверяет результаты работы Покашевских — отлично! Все попадания на месте. Вдруг подлетает штурмовик и без моего разрешения заходит на полигон.

— Я — «Береза»! Я — «Береза»! — быстро заговорила Я. — Сообщите, кто летает над полигоном?

Ответа нет, а самолет уже разворачивается и пикирует на нашу вышку. С ума сошел! Перепутал, видно, сигнальный знак «Т» на вышке с крестом на полигоне.

— Все в траншею!-приказываю я и вижу, как шофер рации, техник, еще кто-то бросаются в траншею.

Бомба разорвалась. Взрывная волна смахнула стоявшую рядом палатку и покачнула вышку, осколки бомбы тоже ударили по вышке. Я ухватилась почему-то не за поручни, а за микрофон с телефоном и с ними покатилась, крича:

— Сигнальщик! Дайте красную ракету, ракету! Отгоните его от полигона!

Взвились ракеты. Летчик понял свою ошибку и улетел.Что же, отработал тоже неплохо, жаль только, что не по той цели. Но… учеба есть учеба.

А следующую группу на полигон привел комэск капитан Бердашкевич, добродушный белорус из Полоцка. У Миши большое горе: погиб отец — партизан, расстреляна мать за связь с партизанами.

— Зенитный огонь справа! — дает он вводные группе, я новички выполняют противозенитный маневр по высоте, направлению.

— Справа от солнца четыре «фоккера»! — снова голос ведущего, и вся группа перестраивается в оборонительный круг.

«Спасательный круг», как мы его называем, — это боевой порядок, придуманный для самообороны от «мессеров». Допустим, истребитель противника пытается атаковать наш штурмовик — идущий за ним по кругу сможет отсечь атакующего своим лобовым огнем. С круга мы работаем я по цели. Вот двенадцать штурмовиков уже пикируют, к земле полетели их эрэсы, мощно раздался по округе залповый взрыв. Затем пушечный и пулеметный огонь разносит мишени, а при выходе из пикирования разом от всех самолетов отделяются бомбы. Когда пыль опускается, в бинокль я уже не нахожу целей…

Незаметно пролетел май. Молодые летчики научились метко

стрелять и бомбить, стали уверенно держаться в строю не только при полете по прямой, но и при маневрировании. Научились атаковать цели группами до эскадрильи. Полк готов к отлету на фронт.

Наконец мы получили «добро». 197-я штурмовая авиадивизия, в которую теперь входит наш 805-й штурмовой авиационный полк, только что сформирована. Ее путь лежит в 6-ю воздушную армию генерала Ф. П. Полынина. Мы будем воевать в составе 1-го Белорусского фронта.

Командиром дивизии, в которую входит теперь наш полк, полковник В. А. Тимофеев. Многие пилоты помнят его по летным училищам — Полтавскому, а в войну — Оренбургскому, где он был начальником.

Когда Тимофеев знакомился с личным составом полка, мне он чем-то показался похожим на царского офицера, каких показывали в кинофильмах. Китель и брюки бриджи строго подогнаны по фигуре. Хромовые сапоги на высоких каблуках и с наколенниками блестели, как лакированные. Фуражка с тульей выше обычного сидела на голове с каким-то изяществом, а на руках были кожаные перчатки.

— Сразу видно — тыловик, — сказал механик моего самолета Горобец, стоявший рядом.

— Нет. Вы что, не видите, что ли, на груди полковника, орден Ленина и медаль «20 лет РККА»? — возразил летчик Зубов. — Он воевал на Курской дуге, был там заместителем командира дивизии. А орден Ленина получил еще в мирное время — в Забайкалье. Там Тимофеев после военно-воздушной академии командовал авиационной бригадой и вывел ее на первое место по боевой подготовке в Дальневосточной армии Блюхера.

— Он, говорят, воевал еще в гражданскую? — спросили у Зубова.

— Воевал. Комдив — старый большевик. Член партии с 1914 года. Был разведчиком на Восточном фронте, затем заместителем комиссара 15-го Инзенского полка.

— Ты-то откуда знаешь?

— А как не знать? Я был учлетом Оренбургского училища. Вячеслав Арсеньевич нам рассказывал о гражданской войне, лекции очень интересно читал.

— На какую же тему?

— О, темы были разные! Я раньше такого нигде не слышал. И как правильно вилку и нож держать, и как красиво курить, не оставляя следов на пальцах. Нас и танцевать учили, и приглашать даму к танцу.

— Может, он еще учил вас, как выбирать добрую жинку? —

усмехнулся Женя Бердников.

— Пре-екра-ати-ить разговорчики! — громко прервал нашу затаенную беседу начальник штаба полка майор Кузнецов.

Однако наше, можно сказать, знакомство с Вячеславом Арсеньевичем Тимофеевым состоялось…

197-я штурмовая авиадивизия успешно перебазировалась на аэродромы многострадальной белорусской земли. Погода нас в те дни не баловала. Слой толстого тумана уныло лежал над летным полем, и штурмовики, выруливая на старт, вынуждены были выключать моторы. Но вот подул ветер и разогнал всю туманную муть. Группа за группой летчики нашей дивизии пошли на боевые задания. Штурмовики бомбили передний край вражеской обороны, подавляли огонь артиллерийских батарей противника, штурмовали гитлеровские колонны войск, задерживая их на дорогах, жгли машины, танки, уничтожали пехоту.

С полевого аэродрома Чарторыск мы взаимодействовали с прославленной армией генерала Чуйкова — 8-й гвардейской. После боев на Тамани, на Керченском полуострове нам, летчикам, здесь казалось потише, но это было далеко не так.

В один из боевых вылетов девятку штурмовиков повел капитан Бердашкевич. Задачу им поставили сложную — предстояло уничтожить переправу на реке Буг и тем самым воспрепятствовать отходу вражеских войск. Миша тщательно проиграл весь маршрут с летчиками. Показывал, на карте, чертил прутиком на земле характерные ориентиры, предполагаемые зенитки. Потом каждый из ведомых повторил «полет». И только когда Бердашкевич убедился, что всем все понятно, скомандовал:

— По самолетам!

При подходе к цели летчики снова услышали его спокойный и мягкий голос;

— Снять предохранители. Разомкнитесь, держитесь свободнее…

Группа с разворота зашла на переправу. Зенитки со всех сторон били по нашим штурмовикам.

— Маневр, ребята! Маневр! — скомандовал Бердашкевич и в пикировании бросил машину на переправу.

За ним устремились остальные, и вот цель накрыта бомбами. Но трассы огня с земли скрестились и над штурмовиками. Самолет летчика Хухлина как-то неловко, будто нехотя, без надобности, с развороченным крылом, с разбитым стабилизатором полез вверх, затем резко опустил нос с остановленным винтом и пошел к земле. Хухлин сумел выровнять, а затем посадить разбитый Ил-2 на маленькое, изрытое воронками поле за переправой на вражеской стороне.

И тут же, как воронье, к штурмовику бросились со всех сторон гитлеровцы. Все это увидел ведущий группы Бердашкевич и направил всю девятку «илов» на помощь своему ведомому. Штурмовики, пикируя один за другим, отбивали окружающих наш самолет гитлеровцев, а Андрей Коняхин, верный и неразлучный друг Виктора Хухлина, пошел на посадку туда, где сидел его штурмовик.

Самолет Коняхина коснулся земли совсем недалеко от Хухлина, попрыгал по кочкам да буграм и замер. Фашисты, почуяв двойную добычу, вновь бросились в атаку. Бердашкевич с группой отбил и ее. Тем временем Андрей, спасаясь от наседавших автоматчиков, открыл по ним огонь из пушек и пулеметов своей машины, но трассы огня проходили высоко, минуя врага. Тогда воздушный стрелок — Коняхина выскочил из самолета и нечеловеческим усилием приподнял хвост штурмовика! Летчик застрочил по гитлеровцам прицельно.

А Хухлин поджег израненный «ил», подбежал к самолету друга и вместе со своим стрелком забрался в заднюю кабину. Коняхин развернул машину, дал полный газ с форсажем, и вот штурмовик понесся на растерявшихся гитлеровских автоматчиков — и в небо.

Позже Андрей рассказывал, как уже после отрыва от земли он засомневался: хватит ли бензина до дома? Оглянулся на кабину стрелка да так и обмер — рядом с пулеметом торчат две ноги!

Оторопел пилот, а потом понял, что ведь это его воздушный стрелок, на ходу впрыгнув в уже занятую экипажем Хухлина кабину, так и не сумел развернуться в тесноте — застрял вниз головой.

После посадки мотор его машины заглох — кончилось горючее. Все, кто был на аэродроме, помчались к замершему штурмовику. И вот начали разбираться: вытащили из задней кабины одного воздушного стрелка, второго, потом летчика. Коняхин сидел в своей кабине бледный, откинувшись головой на бронеспинку, закрыв глаза, его мокрые курчавые волосы прилипли к вискам.

Первым к нему бросился наш замполит Дмитрий Поликарпович Швидкий и стал целовать его. Затем прямо на крыле самолета он взволнованно обратился к однополчанам:

— Товарищи! Летчик Коняхин выполнил заповедь великого полководца Суворова: сам погибай, а товарища выручай! Он трижды выполнил эту заповедь — и штурмовик привел на аэродром, и товарищей спас, и сам жив. Качать героя!

Летчики и стрелки вытащили Коняхина из кабины и так, на руках, донесли его до штабной землянки.

Вскоре Андрей Коняхин получил письмо из Сибири.

«Андрюшенька, проводила я на фронт тебя и троих твоих братьев. Наказ дала — бить супостатов, гнать их с земли русской до полной победы!.. Петя вот воюет танкистом, Гаврюша — лейтенант, артиллерист, Лева — в пехоте. А ты у меня летчик, — из далекого села Ястребово писала Коняхину его мать. — Рожала я тебя, сынок, в бане, на соломе, без всякой посторонней помощи. Помню, после родов лежала и смотрела через дымоход в потолке в небо. Оно было такое чистое-чистое, и очень много было звезд. Твоя, Андрюшенька, звезда светилась ярче всех. Это хороший знак…»

Как же дороги были нам на фронте, как согревали душу такие вот немудрящие письма наших родных!

7 июля от гитлеровских захватчиков был освобожден город Ковель, и мы перелетели на один из аэродромов в этом районе. Там мне приказали лететь на разведку дорог, скопления войск противника и все это заснять на пленку. По пути я залетела на соседний аэродром за истребителями прикрытия. Пара самолетов уже поджидала меня с заведенными моторами. Пока я делала круг над аэродромом, они взлетели и начали набирать высоту.

Быстро связалась по радио с их ведущим и, не переводя дыхания, говорю:

— Буду вести визуальную разведку и фотографирование. Пожалуйста, далеко не отходите, прикройте. Ясно? Прием!

Обычно в таких случаях ведущий истребитель отвечает:

«Вас понял!» — повторяет задачу или уточняет, если что-то неясно. А тут, после короткой паузы, охрипший тенорок, полный сарказма:

— Эй, ты, горбатый, чего пищишь, как баба? — Помолчав, добавил с досадой:

— А еще штурмовик! Противно даже слушать!.. — и присоединил крепкое словцо.

Оскорбительное «баба» затронуло меня. Сгоряча хотела было ответить тем же, да сдержалась; они ведь и не подозревают, что в подчинении у бабы. Мне даже стало весело.

Задание выполнила успешно. Возвращаясь домой, связываюсь по радио со станцией наведения и передаю обстановку в разведанном районе. Знакомый офицер со станции наведения нашей дивизии благодарит за разведданные:

— Спасибо, Аннушка!..

И тут истребители будто с ума посходнли: такое начали выделывать вокруг моего самолета! Один бочку крутанет, другой — переворот через крыло. Затем утихомирились, подстроились к моему «ильюшину» и приветствуют из своих кабин, машут мне

руками. Пролетая мимо их аэродрома, я поблагодарила истребителей на прощание:

— Спасибо, братцы! Садитесь! Теперь я одна дотопаю… Но мои телохранители проводили меня до нашего аэродрома. И только после того как я приземлилась, они сделали над аэродромом круг, покачали крыльями и скрылись за горизонтом.

На командном пункте докладываю командиру полка о выполненном задании — все слушают мой доклад, но, замечаю, чему-то улыбаются и вдруг откровенно засмеялись.

— Лейтенант Егорова женихов стала приводить прямо на свою базу, — добродушно прокомментировал Карев.

Смеются летчики, смеюсь и я, довольная удачной разведкой. Прилетела без единой царапинки.

…Затишье. В такие дни в полку много мероприятий. На открытом партийном собрании прием в партию. Собрание проходит прямо на аэродроме, под крылом самолета. Открывает его парторг полка капитан Разин Василий Иванович. Он зачитывает заявление летчика Коняхина, в котором слова, идущие от сердца: «Жизни своей не пожалею за Родину, за партию, за Советскую власть…» Собрание единогласно решает принять Коняхина Андрея Федоровича в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.

Зачитывают заявление Назаркиной Евдокии Алексеевны:

«…1921 года рождения, русская». Она просит принять ее кандидатом в члены ВКП(б). Дуся заметно волнуется. Одернув гимнастерку, поправив медаль «За боевые заслуги», рассказывает автобиографию:

— Отец мой — Назаркин Алексей Ильич был солдатом царской армии, воевал под командованием генерала Брусилова. Награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Дослужился он до чина старшего унтер-офицера. Был тяжело ранен. В гражданскую войну воевал против Колчака под командованием Блюхера. Потерял ногу. Когда мама умерла, а семье осталось шестеро детей — мал мала меньше: четыре брата, две сестры. Тяжело было отцу прокормить нас, и он отнес в торгсин свои Георгиевские кресты и купил нам по ботинкам да сахару…

Дуся рассказывает не торопясь, подробно — и о том, как отец председательствовал в колхозе, и о том, как воюют братья. По ее лицу бегут слезы; брат Иван погиб, защищая Севастополь, Семен — под Москвой…

— Кто рекомендует Назаркину? — спрашивает президиум.

— Комсомольская организация, старший техник-лейтенант Шурхин, лейтенант Егорова.

И мы говорим о Дусе те добрые слова, которые она заслужила

перед полком — о ее работе оружейницей, воздушным стрелком. И хотя все знают эту скромную трудолюбивую девушку, слушают нас внимательно: Евдокия Алексеевна Назаркина совершает ответственный шаг в своей жизни.

Уже позади Полесье. Наша армия идет освобождать многострадальный польский народ. Под крылом проносятся поля с узкими полосками неубранной ржи, от хутора к хутору дороги серпантином. Попадаются деревушки с крышами, покрытыми дранкой, костелы, деревянные кресты у каждого перекрестка.

Мы летим штурмовать резерв противника в районе города Хелм.

По радио слышу голос командира полка:

— Егорова! Справа по курсу в кустарнике замаскирована артиллерия. Пройдись по гадам из пушек!

Резко отворачиваю вправо, перевожу самолет в пикирование, отыскиваю цель и открываю огонь. Заработали немецкие зенитки, преграждая нам путь.

— Вахрамов, — пренебрегая шифром, руководит командир, — дай-ка по батарее эрэсами!

Идет обычная боевая работа. На дороге возле Хелма механизированная колонна: бронетранспортеры, цистерны с горючим, грузовики, танки.

— Маневр, ребятки, маневр… — напоминает ведущий и с разворота ведет нас в атаку. — Прицельно — огонь!

С земли к нашим машинам потянулись дымные полосы — это малокалиберные пушки открыли огонь, заговорили четырехствольные «эрликоны». Довернуть бы да дать по ним пару очередей, но слишком заманчиво в прицеле маячит бронеавтомобиль, да и поздновато — уже проскочили.

На второй заход пошли, недосчитавшись замыкающего нашей группы — Виктора Андреева. Паренек из Саратова, лучший «охотник» полка, Андреев летал в паре с Володей Соколовым. Володя не вернулся с прошлой «охоты». В его самолет угодил снаряд, и штурмовик, рубя деревья винтом, сбивая их крыльями, рухнул в лес на вражеской территории. А вот сегодня не стало Андреева.

Набираем высоту для бомбометания. В небе все больше и больше черных разрывов. Не обращая на них внимания, бросаем бомбы. Вот уже пора выводить из пикирования, но ведущий продолжает стремительный полет к земле. Вдруг залп зениток. Самолет Козина как бы остановился на месте, на мгновение что-то вспыхнуло-и штурмовик рухнул на скопление вражеской техники. Взвился огромный столб огня…

Трудно мне сейчас передать словами состояние, которое

охватило пас в то минуты. Яростно бросались мы в атаку за атакой. Кажется, не могло быть такой силы, чтобы остановили нас. Только израсходовав весь боекомплект, мы оставили поло боя — с земли по нас больше не было ни одного выстрела.

Наше предположение о спокойной по сравнению с Таманью обстановке не оправдалось. На второй день после гибели командира полка Михаила Николаевича Козина погиб Иван Покашевский с воздушным стрелком Героем Советского Союза младшим лейтенантом Ефременко.

Это был полет на разведку. Брат Покашевского — Владимир в тот день заболел и не полетел. Наводчики со станции наведения потом рассказывали, как одинокий штурмовик с надписью по фюзеляжу «От отца — сыновьям Покашевским» над самой землей проскочил линию фронта, сделал горку и скрылся в нижней кромке облаков. Ударили вражеские зенитки. Стрельба от переднего края удалялась в глубь немецкой обороны и где-то затихла. Прошло немного времени. Летчик передал, что в таком-то квадрате видит замаскированные самоходки, танки, что противник, очевидно, подводит свои резервы. Вскоре с большим ожесточением опять загрохотали все огневые средства врага, обрушивая огонь на возвращающийся с разведки штурмовик. Летчик не оставался в долгу — он пикировал, и тогда яростно работали его пушки и пулеметы. Молниями сходили из-под плоскостей реактивные снаряды.

На станции наведения забеспокоились: почему разведчик вдруг ввязался в бой?

— «Висла-пять», кончай работу! — передали Ивану по радио и вдруг увидели, как штурмовик медленно, как тяжело раненный, стал разворачиваться на свою сторону.

Консоль его левого крыла была загнута вверх, в правом крыле зияла большая дыра, руль поворота сорван, а вместе с ним сорвана и болталась за хвостом антенна.

Все ниже и ниже опускался самолет Покашевского к земле. Иван старался перетянуть машину на свою сторону, не хотел умирать на вражеской. И он перетянул. Самолет тут же с грохотом рухнул на землю.

Группа за группой уходили в тот день штурмовики громить вражеские танки, о которых успел сообщить лейтенант Покашевский.

Первую шестерку повел Виктор Гуркин с воздушным стрелком Бердниковым.

Перед вылетом Виктор обратился к летчикам:

-Отомстим за наших боевых друзей — двух Иванов. Смерть фашистам! По самолетам!

За Гуркиным такую же группу повел Иван Сухоруков, а третью группу на танки повела я.

Мы выполнили боевую задачу — разгромили танковую колонну гитлеровцев. Каждая атака в этом бою была посвящена памяти товарищей, героев, отдавших жизнь за Родину.

Наш полк перебазировался. Теперь мы у польского городка Парчев. Хозяйка квартиры, в которой разместили меня и Дусю, каждый день встречает нас с кувшином молока. Она тут же, на крылечке, наливает по стакану и упрашивает выпить. Подходит хозяин, высокий гордый поляк в домотканой одежде, и тоже настаивает на угощении пани Юзефы. Отказать невозможно, особенно когда хозяева потчуют колобками из творога.

Однажды я вернулась с аэродрома одна. Хозяйка встретила меня испуганными глазами.

— Матка боска! Дева Мария! А где же паненка Дуся? — воскликнула в тревоге.

— Дуся задержалась на аэродроме. Она сегодня дежурная по штабу, — слукавила я, не глядя на польку.

Пани Юзефа засморкалась в свой фартук, стала поспешно вытирать глаза, а я поторопилась уйти из дома — на душе было неимоверно тяжко. В этот день Дуся Назаркина не вернулась из полета.

Вышло так, что наш комиссар, как мы по старинке звали замполита Швидкого, полетел на боевое задание на моем самолете. Ну и взял моего воздушного стрелка. Летчики, с которыми он летел, ведущий группы Бердашкевич по возвращении с задания доложили, что комиссар был подбит над целью, что он отвернул на свою сторону и больше его никто не видел.

Послали на поиски самолет, но Швидкого и Назаркину не нашли..

Только на следующий день к вечеру они вернулись в полк, измученные, но невредимые.

Оказалось, когда они были над целью, в мотор штурмовика угодил зенитный снаряд. Швидкий сумел развернуть машину и спланировать на нашу территорию. Машину он посадил ни болото, около озера. Еле выбрались…

— Анна Александровна!-обратилась ко мне Дуся. — Я только с вами хочу летать. Не отдавайте меня больше никому!.. — И я поняла, что неудачный полет с замполитом — причина ее тревожного состояния.

— Хорошо, Дуся, хорошо, — успокоила я ее, — только на Дмитрия Поликарповича не сердись. Такое ведь с каждым летчиком могло случиться. А летать, да еще и на земле столько

неотложных дел выполнять — не всякому под силу.

Швидкий умело руководил партийно-политической работой в эскадрильях. У нас висели политические карты мира, возле которых частенько собирались однополчане — послушать своего комиссара. И тут как-то сама собой возникала непринужденная товарищеская беседа. Говорили и о фронтовых делах, и о новостях в нашей стране, за рубежом. В дни боевой работы замполит следил за выпуском боевых листков и требовал писать задачу дня, обязательно отмечать тех, кто отличился в бою. «Народ должен знать своих героев!» — любил повторять Дмитрий Поликарпович и сам жил нашими боевыми делами, заботами, делил радость побед, горечь потерь, поражений. В трудные минуты он лучше других умел поднять настроение людей.

Дуся после того неудачного полета с замполитом явно горячилась:

— Летать на боевые задания в полку есть кому. Пусть свои наземные дела утрясает!..

Я была не согласна с ней. На мой взгляд, когда политработник летает сам, он лучше понимает душу летчика, все трудности его работы. Случалось, вернется штурмовик с задания, еще не остыв от боя, — сам сильно пострадал, потерял товарища, — глядишь, что-то и нарушит на земле, порой допустит просто оплошность — его прорабатывать! А как бывало обидно пилоту, когда его не понимали да еще и указания давали по технике пилотирования, ничего не смысля в этом. Нет, нашему штурмовому полку очень повезло, что замполитом у нас был боевой летчик.

20 августа 1944 года с утра боевых заданий у нас не было. По традиции мы собирались отпраздновать ваш авиационный праздник — День Воздушного Флота, и комбат Белоусов предложил для этого мероприятия имение князя Желтовского.

Совсем недавно в этом имении состоялось совещание летчиков нашей дивизии с истребителями. Речь шла о взаимодействии, вопросах прикрытия нас, штурмовиков, о взаимной выручке, тактическом мастерстве авиаторов. От нашего полка выступал майор Карев, замещающий командира. Он отметил, что истребители прикрытия, зорко смотрят за нашим воздушным противником, умело отражают атаки па штурмовиков, но бывает, не разгадав замысла немцев, вступают в бой с отвлекающей группой, в то время как другая безнаказанно нападает на нас…

Поправляя китель с двумя орденами Красного Знамени, начал свое выступление начальник политического отдела дивизии подполковник Дьяченко:

— Мы проанализировали боевые действия наших полков. Получается вот что: от огня зенитной артиллерии противника мы потеряли больше самолетов, чем от истребителей…

Мне тогда тоже предоставили слово, и для примера я рассказала о боевом вылете четверки, которую водила на подавление техники и живой силы противника в районе Пулавы. Пока мы работали над целью, делая заход за заходом, истребители прикрытия увлеклись в стороне боем с группой «мессершмиттов». Мы уже закончили работу, отошли от цели, и тут на нас набросилась поджидающая свора «фокке-вульфов». Трудно бы пришлось моей четверке, не появись два Ла-5. Откуда-то сверху они свалились на головы «фоккеров» и так решительно вступили с ними в бой, что двух гитлеровцев вскоре сбили, а другие два задымили и пошли на свою сторону.

— Мне как женщине, — заметила я, — неудобно просить мужчин не покидать меня. И уж тем более досадно, когда меня бросают.

— Это ты зря прибедняешься, — зашептал мне Миша Бердашкевич, когда я села. — Помнишь, как на Тамани тебя оберегали наши истребители? Даже приказ по армии о «болтовне в воздухе» был написан и пример там приводили: «Анечка! Не ходи далеко…»

Действительно, случай такой был. Это когда я повела группу на косу Чушка и решила зайти на цель с тылу. Ведущий истребитель прикрытия Володя Истрашкин подумал, что я заблудилась, и несколько галантно, на старинный манер завел со мгой разговор по радио.

Совещание наше в имении князя продолжалось часов пять. Дом Желтовского в Мелянуве стоял посреди парка. Широкая мраморная лестница вела на второй этаж в зал. Все было сохранено так, будто хозяева сейчас вот выйдут к гостям. Даже слуги еще не разбежались и о князе своем говорили, как о герое. Оказывается, фашисты казнили его два месяца назад в Варшаве.

Что там герой был этот князь Желтовский, мы, летчики, не задумывались, не вникали: князь — он и есть князь. И под руководством комбата Белоусова готовились отметить и барском доме свой праздник. Настроение у всех было приподнятое. Летчики вообще удивительный народ! Только что смотрели смерти в глаза, а сейчас вот шутят, смеются, словно и не они летали в огонь, не им лететь. И это не бахвальство, уж я-то знаю. Презрение к смерти? Тоже нет. Страх присущ всем людям. Только вот подавлять его могут не все. Среди своих однополчан я ни разу не встречила растерянности в бою, не видела на лицах летчиков и стрелков следов обычной человеческой слабости. Они умели себя

защищать от этого улыбкой, шуткой, песней.

Вот и на наш праздник пилоты придумали концерт самодеятельности. Все эскадрильи подготовили свои сольные номера. Особенно в полку любили песню, сочиненную в 7-м гвардейском штурмовом авиаполку еще на Тамани. Музыку И ной ни писал штурман полка Герой Советского Союза В. Емельяненко, в прошлом студент консерватории. А припев песни был такой:

Эх, «ильюша», мой дружочек,

Штурманем еще разочек!.

Однако пир штурмовиков в княжеском имении оказался под угрозой. Уже в полдень летчики дивизии отбивали яростные атаки немцев на магнушевском плацдарме за Вислой, южнее Варшавы. Гвардейцы Чуйкова сдерживали натиск врага. Помощь штурмовиков на плацдарме была нужна как воздух.

Мы полетели тогда большими эшелонированными группами. Одну группу в пятнадцать «илов» повел майор Карев, Вторую половину полка должна была вести я. На душе было как то тоскливо, тревожно, и с этим чувством я ожидала своего вылета… Ох, эти минуты ожидания! Они тянутся часами. Получив боевое задание, мне всегда хотелось лететь сразу же. Правду говорят — хуже всего ждать и догонять.

С командного пункта я пошла на стоянку своего самолета. Еще издали заметила в кабине стрелка Дусю. Давно не видела ее такой улыбающейся. Щеки разрумянились, глаза блестят. Ну, думаю, оживает понемногу мой воздушный стрелок от пережитых потрясений.

Механик самолета Горобец доложил о готовности машины, а затем сделал таинственный кивок в сторону Дуси и зашептал:

— Товарищ старший лейтенант, сержант Назаркина втихаря уложила к себе в заднюю кабину противотанковые бомбочки со взрывателями…

— Да что она, с ума сошла — вырвалось у меня. — Сейчас же очистить кабину!

Посмотрела на часы. До вылета оставалось три минуты.

— Она не подпускает, — снова подошел ко мне Горобец, — грозит пистолетом…

Я вспрыгнула быстро на крыло, подошла к Назаркиной. Дуся, как наседка крыльями, заторопилась что-то прикрыть руками. Я легонько отодвинула ее и просунула руку к дну кабины. Бомбы!.. Вытащила одну полуторакилограммовую и передала механику. Когда хотела взять другую, Дуся взволнованно заговорила:

— Товарищ старший лейтенант! Оставьте их мне. Ведь эти бомбочки при прямом попадании насквозь пробивают любые танки — «королевские тигры», «пантеры», «фердинанды».

Оставьте! Над целью, когда нет фашистских истребителей и не надо отбивать их атаки, я буду бросать эти ПТАБы руками. Ведь мы летим сейчас отбивать атаки танков. Оставьте!

— Механик! Немедленно очистить кабину! — приказала я…

Вспыхнула и описала дугу зеленая ракета. Поспешно надев парашют, сажусь в кабину, запускаю мотор, проверяю рацию и выруливаю. По переговорному аппарату слышу голос Назаркиной — ей что-то очень весело. С чего бы? Сумел ли Горобец вытащить все бомбы из-под ее ног? Взлетаю. За мной — пятнадцать штурмовиков.

Впереди нас виднеется Висла с островами посередине, Справа, как в тумане, Варшава.

— Слева над нами четыре «фоккера», — слышу голос Назаркиной. Она первая увидела истребителей противника и, чтобы все обратили внимание, дала в их сторону ракету.

Дальнобойные зенитки преградили путь нашей группе.

Маневрируем. Снаряды, однако, рвутся так близко, что, кажется, осколки их зловеще барабанят по броне «ила». Красными шариками полетели по штурмовикам трассы «эрликонов». Со стороны они такие красивые, что даже не верится, что в каждом из них — смерть.

Мои ведомые на месте — идут в правом пеленге. Крыло в крыло со мной — Петр Макаренко. А огонь с каждой секундой усиливается. Если идти прямо на цель, то попадешь еще под более плотную его стону. Тут же созревает решенио отвернуть вправо. Влево нельзя: ведомые окажутся под страшным обстрелом. Плавно, чтобы не сразу было заметно с земли, разворачиваюсь. Ведомые выполняют разворот за мной — мощная огневая завеса остается в стороне. Но мы удалились от цели, да и противник вот-вот опять пристреляется, взяв поправку. Разворачиваемся влево, идем, маневрируя против зенитного огня. Кажется, пора — в атаку!

Перевожу самолет в пикирование. Теперь за ведомыми наблюдать никогда, но я знаю, что они следуют за мной. И мы обрушиваем на танки противника огонь реактивных снарядов, пушек, забрасываем их противотанковыми бомбами. Под нами горит земля. В азарте боя уже не до зениток противника, не вижу я их снарядов, не вижу огненных трасс пулеметов.

Еще атака, еще… Но вот мой самолет сильно подбрасывает, будто кто-то ударил его снизу. Затем второй удар, третий… Мишиной стало трудно управлять. Она не слушается меня — лезет вверх. Лечу без маневра. Все силы мои, все внимание на то, чтобы перевести штурмовик в пикирование и открыть стрельбу. Кажется, удалось. Я снова веду группу — на второй заход по

танкам. Мои ведомые видят, что у меня подбит самолет. Кто-то почти кричит мне по радио:

— Уходи на свою сторону!

«Видимо, самолет подбит», — подумала я. Неожиданно все смолкло. Нет связи и с Назаркиной. «Убита?..»-проносится в голове. А самолет трясет, как в лихорадке. В кабину со стороны мотора врывается пламя. Штурмовик уже горит, не слушается рулей. Хочу открыть кабину — не открывается. Я задыхаюсь от дыма. Горит штопорящий самолет, Горю с ним и я…

«Держись, сестренка!..»

Летчики, вернувшиеся с задания, доложили, что экипаж Егоровой погиб в районе цели. Как и положено в таких случаях, матери моей, Степаниде Васильевне Егоровой, в деревню Володово Калининской области послали похоронную. В тот же день командование полка и дивизии сочло нужным составить на меня и наградной лист. Спустя годы я читала этот документ.

«Фамилия, имя, отчество — Егорова Анна Александровна.

Звание и должность — старший лейтенант, штурман 805-го штурмового полка.

Партийность-член ВКП(б) с 1943 года. С какого времени в Красной Армии — с 1941 года. Краткое изложение боевого подвига или заслуг. Совершила 277 успешных вылетов на самолетах По-2 и Ил-2. Лично уничтожила (длинный перечень танков, орудий, минометов, автомашин, барж, повозок с грузами, живой силы противника…).

Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне? Погибла смертью храбрых при выполнении боевого задания 20.08 1944 года.

Бесстрашный летчик, в бою летала смело и уверенно. На поле боя держала себя мужественно, геройски. Как штурман полка, отлично ориентировалась в любых условиях погоды и при различных рельефах местности.

За героические подвиги, проявленные в боях по уничтожению живой силы и техники противника, и отличное выполнение заданий командования на фронтах Отечественной войны, за умелое руководство подчиненными, за произведенные десять боевых вылетов в качестве ведущего без потерь ведомых достойна представления к высшей правительственной награде — Героя Советского Союза».

Смерть, однако, отступила и на этот раз. Каким-то чудом меня выбросило из горящего штурмовика. Когда я открыла глаза, увидела, что падаю без самолета и без парашюта. Перед самой землей, сама уже не помню как, рванула кольцо — тлеющий парашют открылся, но не полностью.

В себя пришла я от страшной, сдавливающей все тело боли — шевельнуться не могу. Огнем горит голова, нестерпимо болит позвоночник и обгоревшие едва не до костей руки, ноги.

С трудом приоткрыла глаза и увидела над собой солдата в серо-зеленой форме. Страшная догадка пронзила меня больнее всех болей: «Фашист! Я у фашистов!..»

Это, пожалуй, было единственное, чего я больше всего

боялась. Моральная боль страшнее огня, пуль, боли физической во сто крат. Лихорадочно бьется мысль: «Я в плену!» беспомощная, лишенная возможности сопротивляться. Даже руку не могу протянуть к пистолету. А немец уперся ногой в грудь и зачем-то потянул сломанную руку.

Забытье…

Очнулась я от удара о землю. Это гитлеровцы пытались посадить меня в машину, но я не удержалась на ногах. Чуть отпустят — падаю. Принесли носилки, положили на них. Как во сне слышу польскую речь. «Может, партизаны отбили?..» — мелькнула надежда. Ведь все происходит на польской земле, мы и воевали бок о бок с польской армией. Но нет, опять вижу гитлеровцев, слышу их речь.

— Шнель, шнель! — торопят они двух поляков-медиков побыстрей обработать мои раны: идет налет советских самолетов. И вот с криком «Шварц тод! Шварц тод!» панически исчезают куда-то. А у меня опять мелькнул маленький лучик радости — наши прилетели! Хорошо бы ударили по этому помещению, где лежу…

Медикаментов мне никаких не дали, и поляки просто забинтовали меня и под бинтами ловко скрыли все мои награды и партбилет. Когда штурмовики улетели, фашисты снова сбежались, обступив носилки, на которых я лежала. Сознание ко мне вернулось, и я собирала в себе все силы, чтобы не выдать перед врагами стона.

Пройдет много лет. И об этой трагической минуте моей жизни я прочитаю в западногерманском журнале «Дойче фалыпирмелгер «:

«Наша парашютно-десантная дивизия была переброшена из солнечной Италии в кромешный ад Восточного фронта. Под ударами авиации русских мы пережили в тот день очень тягостное состояние. Мне как раз что-то нужно было на перевязочном пункте, и там я был свидетелем такого случая.

С передовой на санитарной повозке привезли русского летчика. Парень выглядел довольно-таки сильно искалеченным в своем обгоревшем, разорванном в лохмотья комбинезоне. Лицо было покрыто маслом и кровью.

Солдаты, которые его доставили, рассказывали, что летчик выбросился из горящего боевого самолета и опустился около их позиций.

Когда в санитарной палатке сняли с него шлем и комбинезон, все были ошеломлены: летчик оказался девушкой! Еще больше поразило всех присутствующих поведение русской летчицы, которая не произнесла ни единого звука, когда во время

обработки с нее снимали куски кожи… Как это возможно, чтобы в женщине была воспитана такая нечеловеческая выдержка?!»

Давно закончилась вторая мировая война, но бывшие враги наши не могут забыть сокрушающих ударов Советской Армии. Теперь установлено: на магнушевском плацдарме в тот день, когда меня сбили, где наша 197-я штурмовая авиадивизия и 8-я гвардейская армия отражали атаки врага, осталось за сотню разбитых гитлеровских танков и артиллерийских орудий.

Понятно, почему бывший гитлеровский офицер пишет в западногерманском журнале о «кромешном аде Восточного фронта», почему на протяжении десятилетий помнит даже санитарную палатку и все, что происходило в ней. Он не в силах забыть прошлое. Оно преследует его.

Помню тот день и я. Помню разговор между поляками-медиками — что-то о Радомском концлагере. Потом — в провалах сознания — какой-то бесконечно длинный сарай, и я лежу на соломе…

— Что же сделали с тобой, ироды! Мазь бы какую сейчас ей наложить… — слышу молодой женский голос.

— Где ее взять, эту мазь-то? Немцы не заготовили для нас лекарств, — ответил мужской и тут же спросил:

— А ты, девушка, собственно, кто будешь, как сюда попала?

— Санинструктор я. Юля Кращенко. А попала, как и вы, на магнушевском плацдарме за Вислой. Танк проутюжил окоп, где я перевязывала раненых, а затем гитлеровские автоматчики нас и захватили.

— Вот какое дело, сестричка, я ведь тебя знаю. Ты из второго гвардейского батальона. Командир твой капитан Цкаев — мой земляк. Двигайся-ка сюда поближе к нам, санинструктор Кращенко, поговорим. Мы тут осмотрели летчицу, и, понимаешь, под бинтами у нее… ордена. Надо бы снять да спрятать куда подальше, чтобы фрицам не достались. Сделай это ты, сестра, тебе сподручнее, а нас могут обвинить фашисты бог весть в чем.

— Понимаю. Но куда же спрятать их?

— Давайте положим в ее обгорелые сапоги — они фашистам ни к чему, им хорошие подавай, — предложил кто-то еще.

Когда я услышала родную речь, спазмы сдавили горло, вместе с первым стоном у меня вырвалось первое слово:

— Пи-и-и-ть!..

С этого времени около меня постоянно находилась Юля. Гитлеровцы не могли отогнать ее от меня ни руганью, ни побоями. За девушку заступались поляки, находившиеся в Радомском лагере после Варшавского восстания, спровоцированного польскими «патриотами» из Лондона.

А фронт приближался. Меня погрузили в товарный вагон и куда-то повезли. К счастью, рядом была Юля. Я металась в бреду. Все казалось, что падаю в горящем самолете, что огонь обручами стягивает голову, что нужно что-то сделать, чтобы вырваться из жестких тисков…

Когда сознание возвращалось, я видела сидевшую рядом со мной Юлю.

— Потерпи немножко, миленькая, привезут же нас куда-нибудь. Найдем мы лекарства, обязательно найдем, — плакала и причитала она.

Пять суток эсэсовцы везли нас по Германии. На остановках с грохотом открывалась дверь товарного вагона.

— Смотрите! — кричал эсэсовец, и много глаз-и злобствующих, и сочувствующих, и равнодушных — смотрели туда, где на полу лежали полумертвый-полуживой пленный старик и я.

Мне очень хотелось пить. Но как утолить жажду, если вместо лица страшная маска со склеенными губами? И Юля через соломинку, вставленную в щель рта, поила меня.

Стояла жара. На ожогах появились нагноения. Я задыхалась. Хотелось, чтобы скорее кончились все эти муки…

Наконец эшелон прибыл. Всех пленных согнали в колонну, и, окруженная озверелыми конвоирами, немецкими овчарками, она потянулась по Кюстринскому лагерю. Меня несли, на носилках, как носят покойников на кладбище, товарищи по беде. И вдруг слышу голос одного из несущих носилки:

— Держись, сестренка! Русский доктор Синяков воскрешает из мертвых!..

Нас с Юлей Кращенко поместили в изолированный сырой карцер. Две решетки на окнах. Под низким цементным потолком двухъярусные нары. Юля устроила меня внизу и в обгоревший сапог спрятала мой партбилет, два ордена Красного Знамени и медаль «За отвагу».

У дверей карцера замер гитлеровец с деревянным лицом и автоматом на шее.

Началось полное душевной и физической боли мое кошмарное существование в фашистском лагере «ЗЦ».

Сумерки. Со скрипом открылась дверь, и как призрак вошел немецкий фельдфебель.

— Ого! Здесь уже покойником пахнет, — сказал он, раскуривая сигарету, потом склонился над нарами и, ошеломленный, воскликнул:

— Тысяча чертей! До чего живучи эти русские ведьмы! Дышит… Живого места нет, а дышит!

В дверях стоял какой-то человек, и фельдфебель приказал:

— Заходи! — и сам вышел из каземата

Это был «русский доктор», как называли здесь военного врача 2 ранга Георгия Федоровича Синякова. Его пленили вместе с транспортом раненых красноармейцев и командиров в 1941 году под Киевом. От имени всех пленных лагеря доктор Синяков и профессор Белградского университета доктор Павле Трпинац ходили в гестапо и требовали разрешения лечить меня. Да, именно требовали, потому что был уже конец 1944 года, наша армия уже вступила в Европу. Я думаю, русский хирург Синяков вообще имел такое право — требовать.

Когда с одним из этапов Георгий Федорович поступил в Кюстринский лагерь, его назначили хирургом и тут же приказали сделать операцию на желудке. На эту первую операцию русского доктора пришли все лагерные немцы во главе с доктором Кошелем. Кошель привел своих врачей, а заодно французских, английских и югославских специалистов из заключенных. Пусть, мол, убедятся, что за медики у этих русских.

Принесли больного. У ассистентов Георгия Федоровича от волнения дрожали руки. Кто-то из фашистов громко утверждал, что самый лучший врач из России не выше немецкого санитара. А доктор Синяков, еле держась на ногах, бледный, босой, оборванный, делал резекцию желудка. Движения его были точными, уверенными, и присутствующие поняли, что в экзамене этому хирургу нужды нет.

После операции, блестяще проведенной Георгием Федоровичем, немцы ушли. Остались французы и югославы. Они стоя приветствовали эту первую победу в плену русского доктора.

— Вам только надо лучше выглядеть, коллега. Надо иметь хороший вид, — заметил югослав Брук.

— Товарищ… — сказал единственное слово, которое знал по-русски, Павле Трпинац и пожал Синякову руку.

Трпинац, как агитатор, стал рассказывать в лагере о русском докторе. Из всех блоков потянулись к Синякову за исцелением: он воскрешает из мертвых! И Георгий Федорович лечил прободные язвы, плевриты, остеомиелиты. Делал операции по поводу рака, щитовидной железы. Каждый день по пять операций и более пятидесяти перевязок! Доктор страшно уставал, но сознание того, что в бараках репира лежит более полутора тысяч раненых и больных, не давало ему покоя.

Будучи членом подпольной организации русских военнопленных в лагере, Синяков выполнял ее поручения — готовил побеги. В лазарете, где он работал, всегда находились человек пять-шесть ослабленных военнопленных, которых

следовало подкормить перед побегом, помочь насушить сухарей на дорогу, достать часы или компас.

Первый побег был устроен в лагере весной 1942 года. Тогда убежало пять человек, из них трое — летчики. На всю жизнь запомнился Синякову один из этих беглецов — паренек лет двадцати трех. Доставили его в лагерь в очень тяжелом состоянии, с отмороженными пальцами обеих стоп, высокой температурой. Самолет этого летчика был подожжен и сбит в глубоком тылу врага, сам он выбросился па парашюте. Больше двух суток шел лесом и отморозил ноги: унты у него сорвало еще при прыжке из самолета. Выбившись из сил, решил передохнуть, забылся во сне, и тогда на летчика набросились две немецкие овчарки.

В лагерный лазарет его привезли гестаповцы. У него была большая скальпированная рана головы. Синяков гестаповцам сказал, что у пленного повреждения костей черепа и мозга, что он без сознания. Синяков понимал — на другой же день немецкие врачи легко обнаружат его обман, но шел на это сознательно.

Ночью вместе с санитарами Георгий Федорович заменил летчика умершим от ран солдатом, а ему ампутировал половину стоп, так как уже начиналась гангрена. И вот, выздоровев, летчик научился ходить и совершил побег. Для доктора это была еще одна победа.

Как-то к Георгию Федоровичу нагрянул встревоженный охранник с переводчиком из заключенных и заорал:

— Немедленно к коменданту!

В лагере не спорят. В лагере любой охранник — судья. Получить пулю в лоб или в затылок за непослушание — дело очень простое. И Синяков пошел. Оказалось, что у сына одного из гестаповцев в трахею попал какой-то предмет — не то пуговица, не то еще что-то. Требовалось немедленное хирургическое вмешательство, но все врачи отмахивались — бесполезно! Тогда вспомнили о русском докторе. Вспомнили о том, что этот чудо-врач без нужного инструмента, почти без лекарств исцелял безнадежных. Конечно, он русский, представитель «низшей расы», но выбора у нацистов не было.

Не было выбора и у Синякова. Гестаповец сказал ясно:

— Умрет сын — убью!..

Операцию русский доктор провел успешно. Вот с этих пор он и получил кое-какую независимость и право высказывать свои просьбы. Словом, немцы допустили доктора Синякова и профессора Трпинаца лечить меня.

Еще не зная, кто эти люди, я, едва увидев их, поняла — передо мной свои. Георгий Федорович и Павле Трпинац не только

лечили, добывая для меня медикаменты, они отрывали от своего скудного лагерного пайка хлеб. Не забыть мне никогда этой человеческой щедрости. Помню, как Трпинац то сам принесет галет, то подошлет своего соотечественника Живу Лазина, крестьянина из Баната, с мисочкой фасоли. Когда Павле удавалось добыть сводку Совинформбюро, он поспешно надевал халат, совал часовому сигарету, чтобы тот пропустил ко мне, и быстрым шагом входил в камеру.

— О, добрые вести имею я, — наполовину по-русски говорил Павле. — Червона Армия славно продвигается вперед на западу

Однажды он принес мне топографическую карту. На ней красным карандашом было обозначено продвижении советских войск к Одеру. Павле встал на колени спиной к двери и, показывая мне красную стрелу, направленную острием на Берлин, сказал:

— Скоро до нас прибудут!

В это мгновение открылась дверь и в камеру с руганью вбежал фельдфебель.

Трпинац успел спрятать карту и, сделав вид, будто закончил перевязку, молча вышел.

А как-то профессор принес кусочек газеты «Правда», в которой сообщалось о подвиге полковника Егорова.

— Радостная весть — это тоже лекарство, — сказал он, предполагая в моем однофамильце мужа или родственника. Не знал дорогой Павле, что Егоровых в России, как Ивановых или Степановых!..

Нужные для меня лекарства нашлись в бараке военнопленных французов, англичан и американцев, которым разрешались передачи посылок международного Красного Креста. И мало-помалу я стала поправляться. Вот тут ко мне зачастили с визитами провокаторы, изменники всяких мастей. Однажды пожаловал какой-то высокопоставленный эсэсовец, прилично говоривший по-русски.

— Гниешь, девочка? — спросил с наглой усмешкой. Я молча отвернулась к стене. Эсэсовец ручкой резиновой плетки постучал по моему плечу:

— О, я не сержусь, детка! Мы уважаем сильных, — и, помолчав, добавил:

— Твое слово — и завтра будешь в лучшем госпитале Берлина. А послезавтра о тебе заговорят все газеты рейха. Ну?..

— Эх, звери! Человек, можно сказать, при смерти, а у вас только одно на уме, — послышался звонкий голос Юли.

— Молчать, русская свинья! — взорвался эсэсовец. —

Сам ты свинья. Немецкая!

— Сгною! — завопил гитлеровец и выбежал из камеры.

Позднее к нам зашел Георгий Федорович. Я рассказала ему о посещении эсэсовца.

— С врагом надо хитрить, а вы вели себя как несмышленыши. Не скрою, вам не поздоровится, — сказал он, и тогда я призналась Синякову:

— В моем сапоге тайник. Спрячьте, пожалуйста, партбилет и ордена. Если вернетесь на Родину, передайте кому следует…

Синяков ушел. А вечером немцы увели Юлю. Отстранили от меня Синякова и Трпинаца. Теперь перевязки делал изменник с черными глазами разбойника. Но товарищи по беде не оставили меня. Каким-то чудом однажды мне передали пайку хлеба с запиской внутри: «Держись, сестренка!..»

Памятная пайка хлеба… Двести граммов эрзаца и литр супа из неочищенной и плохо промытой брюквы с добавлением дрожжей — суточная норма для русских пленных в лагере «ЗЦ». И вот изголодавшийся, доведенный до дистрофии человек пересылает свою пайку хлеба…

В один из тяжких дней одиночного заключения мое внимание привлек высокий и худой часовой — лет семнадцати. Он находился в карауле уже не первый день и каждый раз с нескрываемым любопытством всматривался в «летающую ведьму».

Вижу, часовой хочет заговорить со мной, но не решается. Озираясь на дверь, достал из кармана сверток, вынул кусок пирога и все-таки шагнул к нарам, проворно положил на мою грудь пирог, улыбнулся.

— Битте эссен, руссише фрау! — сказал приветливо и вернулся на свое место. — Битте!

— Убери! Не надо мне вашего! — больше знаками, чем словами, ответила я.

— Наин, найн! Их бин фашистен нихт! — воскликнул часовой и торопливо начал объяснять, что из деревни приехала мать, привезла гостинцы…

А шел уже январь сорок пятого. В последний день месяца танкисты майора Ильина из 5-й ударной армии освободили проклятый лагерь «ЗЦ».

За два дня до прихода наших войск эсэсовцы выгнали из бараков всех, кто мог стоять на ногах, построили в колонны и, окружив овчарками, погнали под конвоем на запад. В лагере остались только умирающие да часть врачей и санитаров под командой доктора Синякова. Тайком они выкопали глубокую яму под операционной и спрятались в ней до освобождения.

Через решетку окна я видела, как гестаповец и с ним два

автоматчика вбегали в бараки французов и стреляли. Видимо, добивали тех, кто не мог идти.

Но вот орудийные выстрелы, долетавшие до лагеря далеким грозовым громом, зазвучали совсем близко, рядом. Снаряды рвались то справа, то слева от карцера, который был закрыт на замок; уже давно не было около меня и часового.

И вдруг все смолкло. Наступило затишье. Дверь распахнулась, гляжу — а на пороге наши танкисты. От радости я поднялась и потихонечку пошла. Надев дарственные тапочки с красными звездочками на мысах, сшитые для меня неизвестным другом, уперлась руками в нары, подалась вперед, а ноги дрожат, как струны, вялые мышцы не слушаются, кожа только что обтянула ожоги — и тут же потрескалась, накровоточила. «Стоп. Посиди немного, передохни», — говорю себе, а затем опять осторожно скользнула по полу — еще шажок. Покачнулась, но не упала, удержалась. И вот, держась за стену, уже шагаю.

Майор Ильин, командир танковой бригады, предложил мне поехать в госпиталь вместе с ранеными танкистами. Я отказалась:

— Буду искать свой полк. Он где-то здесь, на этом участке фронта. — И тут же с полевой почтой танкистов отправила письма в полк и маме.

А бывшие узники лагеря, нес, кто мог держать оружие, забрались на броню танков и пошли в бой на Кюстрин.

Синяков по просьбе танкистов организовал в лагере полевой госпиталь — наши тылы отстали при стремительном броске вперед. И за несколько суток Георгий Федорович сделал операции более семидесяти танкистам. А мне он тогда, там в лагере, сразу же после освобождения принес и вручил партийный билет и ордена.

Время разбросало дорогих и близких моему сердцу людей, проверенных в жестоких невзгодах. Позже на поиски их уйдет много лет. И вот однажды через газету откликнется Георгий Федорович Синяков.

Он жил в Челябинске, преподавал в медицинском институте и заведовал хирургическим отделением больницы Тракторного завода.

Бесстрашная комсомолка Юлия Кращенко живет и работает в Ворошиловградской области в своем родном колхозе «Новочервоное». Она воспитала троих детей. А тогда в лагере гестаповцы увели ее и распустили слух, что расстреляли. В самом же деле Юля оказалась в штрафном лагере Швайдек. Ее постригли наголо и целый месяц два раза в день — утром и вечером — выводили на плац и избивали. Юля выстояла и выжила. Затем был женский лагерь смерти — Равенсбрук. Здесь

узницы работали. Из них выжимали все силы и бросали в печи крематория. Юлю направили на военный завод. Не в характере отважной патриотки было работать на фашистов, и она стала подсыпать в заряды фаустпатронов песок. Немцы обнаружили это. И снова побои. Полумертвую, ее бросили в штрафной блок.

Во время одной из бомбежек помещение концлагеря, где находилась Юля, рухнуло. На нее обрушилось что-то тяжелое, но судьба и на этот раз смилостивилась: оглушенной от контузии, ей удалось выбраться из-под обломков, и с подругами по лагерю через пролом в стене она сбежала из Равенсбрука.

В одну из наших встреч Георгий Федорович расскажет, как удалось сохранить в лагере «ЗЦ» мой партийный билет и ордена. Помог в этом немецкий коммунист Гельмут Чахер.

Мне захотелось разыскать Чахера и поблагодарить его. Я написала много писем в Германскую Демократическую Республику. Одно из них было напечатано в немецкой газете. И вот летом 1965 года я получила письмо от жены Чахера, русской женщины Клавдии Александровны.

Она сообщала о том, что Гельмут после войны работал секретарем райкома партии в городе Форсте. Умер в 1959 году, и его именем названа политехническая школа № 16 в Котбусе.

«Мой муж хранил какие-то документы, — писала Клавдия Александровна, — но меня интересует, получили ли вы их обратно? Ведь Гельмута после того, как он похитил плетку, которой до смерти избивали русских, отправили на Восточный фронт…»

Мы стали переписываться. В ноябре 1965 года Чахер приехала с немецкой делегацией в Москву и, конечно же, побывала у меня. От Клавдии Александровны я узнала, что отец Гельмута Карл-Вильгельм-Густав Чахер — коммунист с 1924 года. Рабочий высокой квалификации, узнав, что Советскому Союзу нужны специалисты по электросварке, в 1931 году он приехал к нам вместе с семьей и стал мастером электросварки в железнодорожном депо станции Панютино Харьковской области. Рядом с отцом работал и сын — Гельмут.

Молодой Чахер быстро изучил русский язык, вступил в комсомол, в профсоюз. Как сварщика, его посылали в Пермь, Свердловск, Магнитогорск, другие наши города. Гельмут стал ударником, а затем стахановцем.

В 1935 году его премировали путевкой в Крым, где он и познакомился с ленинградкой Клавдией Осиповой, дочерью старого коммуниста. Молодые люди полюбили друг друга, сыграли свадьбу и поселились у отца Гельмута в Панютино.

В 1938 году отец и сын решили вернуться в Германию. На

границе их арестовало гестапо, обвинив в шпионаже и коммунистической пропаганде. Густав попал в Заксенхаузен, а Гельмута восемь месяцев мытарили по тюрьмам, затем отпустили под надзор полиции домой в город Форст, где уже жили мать, сестра и жена.

Долго Гельмуту не находилось работы, потом он все же устроился на текстильную фабрику. В доме Чахеров часто проводили обыски. Три раза в неделю он и жена должны были являться в гестапо.

Через год Гельмута призвали в гитлеровскую армию, но, как политически неблагонадежного, на фронт не послали, а включили в охрану лагерей. Так он и оказался в Кюстринском лагере «ЗЦ».

Клавдия Александровна передала мне копии писем Г. Ф. Синякова, А. М. Фоминова, И. З. Эренбурга, написанных Гельмуту Чахеру, когда его отравляли из лагеря «ЗЦ».

«Дорогой Гельмут, прощайте! У меня о Вас, о немецком коммунисте, остались наилучшие воспоминания, — писал русский доктор Синяков и не ошибся: Гельмут Чахер был коммунистом с 1929 года, — всей душой вы, как и мы, ненавидите фашизм и страстно желаете победы русским. Ваши, Чахер, слова: «Если победят немцы, русским будет плохо, а если победят русские, немцам будет хорошо». А вообще вы верите в нашу победу, и за это вам большое русское спасибо. Спасибо и за то, что вы делаете для победы советского народа».

Почти полтора года Гельмута Чахера переводили из лагеря в лагерь. Побывал он в Губене, затем Кюце, Розенберге, Реусе, Остпройзене, Графенберге, Шпандау, Ландсберге, Пилау. И всюду находил способ, как помочь русским пленным, как больше навредить гитлеровцам. Когда представилась возможность, он с пятью другими немцами перешел линию фронта на нашу сторону.

После окончания войны Чахер вернулся в родной Форст. Здесь он вступил в Социалистическую единую партию Германии, стал учиться и, получив диплом юриста, был судьей, секретарем партийной организации, председателем общества немецко-советской дружбы.

Вот еще два письма о верном нашем товарище.

«Вы храбро защищали наши маленькие права военнопленных. Вы вдохновляли нас радостными сообщениями с нашей великой Родины. Результаты сталинградского окружения мы хорошо знали от вас. Вы приносили нам газету «Роте Фане», и мы знали о борьбе немецких коммунистов, которые несли слово правды в массы, в армию. Многие из них за это поплатились жизнью. Мы знали, что все эти сведения вы, товарищ Чахер, доставали с

риском для жизни, но эти сведения передавались среди узников из уст в уста, воодушевляли нас, придавали бодрости, терпения. Чахер! Мы уверены, как и вы, в том, что кровавый фашизм во главе с головорезом Гитлером предстанет перед справедливым судом всего человечества…»

Это писал узник лагеря «ЗЦ» А. М. Фоминов. А вот прощальное письмо И. З. Эренбурга.

«Зима 1941/42 года была физическим истреблением советских воинов, попавших в плен. Как и полагалось во всех фашистских лагерях — ворота, за ними комендатура, тюрьма, виселица, баня, кухня и секции — французская, английская, американская, югославская, польская, итальянская и особо отгороженная несколькими рядами колючей проволоки, самая большая — русская. Внутри этой секции отдельно обнесены колючей проволокой с часовыми на вышке — восемь фанерных бараков — лазарет, или ревир, как называли все.

Раненые и больные — по 250 человек в каждом на двухэтажных нарах-клетках — обтянутые кожей скелеты. Лежат люди, умирающие от ран. Лежат обгорелые летчики и танкисты. У многих сложные переломы, абсцессы, плевриты.

А еще за двумя рядами проволоки-инфекционный барак — кромешный ад — голод, грязь, избиения, стоны, смерть. Врачи из Берлина организовали в одном из бараков лечебно-экспериментальный пункт, где больным прививали различные инфекционные болезни, а у некоторых ампутировали совершенно здоровые конечности… Фашисты стремились любыми путями истребить советских людей. За малейшую провинность одного из пленных накладывали штраф на весь барак — лишали истощенных до предела людей на срок до трех дней хлеба, супа или того и другого вместе.

В лазарете господствовали фашистские палачи Менцель и Ленц. Каждую ночь эти два молодчика на глазах больных убивали очередную жертву. Никто не был застрахован от возможной участи. Полуживые, истерзанные голодом, холодом, недосыпанием, мы пытались выбраться из лазарета, но тщетно.

И вот в лазарете появились вы, Чахер, — немец, капрал, охранник, переводчик. Прекратились ночные посещения фашистских палачей. Прекратились «опыты». Помещение лазарета стало немного отапливаться. Появились первые выздоровевшие и первые побеги. С вашим личным участием, Чахер, разрабатывались и готовились групповые и одиночные побеги. Вы сами разведывали места возможных подкопов и проходов для беглецов, отвлекали охрану, когда совершался побег. По национальности я еврей, а, как вы знаете, в лагере

комиссаров и евреев уничтожала нещадно. Меня гестапо, как смертника, отправило на каменный карьер: там — мучительная гибель. Вы, Чахер, с доктором Синяковым сумели перевести меня в лазарет и списать в умершие. Днем я прятался за спины раненых на верхних нарах, а ночью ходил по бараку, «отдыхал». Только вам и Г'еоргию Федоровичу я обязан своим спасением от неминуемой смерти. Низко вам кланяюсь и говорю — до встречи после победы у меня дома, в Москве».

Все три письма Гельмуту Чахору были датированы 7 июля 1943 года. Меня же в Кюстринский лагерь привезли в первых числах сентября 1944. Значит, Чахера в лагере уже не было и мои документы хранил кто-то другой?..

При следующей встрече с доктором Синяковым я все-таки решила сказать ему об этом и уточнить, кто же сохранил в страшной неволе мой партийный билет и ордена.

— Леня-комсомолец! — припомнил Георгий Федорович. — Это совершенно точно.

— А фамилия Лени? — спросила я.

— Не знаю. Все в лагере звали его Леней-комсомольцем. Как-то, будучи с делегацией Комитета ветеранов войны в Югославии, мне довелось встретиться в Загребе еще с одним бывшим узником лагеря «ЗЦ». Это был фармацевт Жарко Иеренич. Мы сидели с ним долго, вспоминая те тяжкие дни нашего заключения. И вот Жарко достает из кармана и показывает мне маленькую, пожелтевшую от времени фотографию. На фоне аптечных банок сидит Иеренич — худой, изможденный, а позади него стоит какой-то паренек, Я поинтересовалась, кто это. И тогда Иеренич ответил:

— Леня-комсомолец! Вот там наверху, куда немцы не лазили, он хранил какие-то документы в банке с ядом.

Перевернула я фотографию и с трудом прочитала уже изрядно стершиеся буквы — Алексей Кузьмич Крылов, село Юрьевка, Приморского района, Запорожской области.

А когда приехала домой, тут же написала письмо в Юрьевку. Ответ пришел не сразу, потому что Алексей Кузьмич жил и работал фельдшером в соседнем селе.

И вот наконец получаю: «Мне живо представляется каменный холодный каземат для одиночного заключения, где находились вы, будучи тяжело больной, методы лечения ваших ран…

Я вспомнил, как хранил ваш партбилет и награды…»

Вот так отыскался Леня-комсомолец.

А в 1963 году через журнал «Огонек» я получила первую весточку от профессора Павле Трпинаца. Он писал, что жив, здоров, что заведует кафедрой биохимии.

Через три года с волнением я читала Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик:

«За мужество и отвагу, проявленные при спасении жизни советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны, наградить гражданина Социалистической Федеративной Республики Югославии Павле Трпинац орденом Отечественной войны II степени». ,

Скуп и немногословен был Указ. А в меня тогда вместе с радостью невольно врывались воспоминания об этом мужественном человеке.

…В лагерь привезли тяжело раненного советского разведчика. На допросе он молчал, не проронил ни слова. Тогда гестаповцы решили подослать к нему провокатора. Узнав, что грозит нашему разведчику, Трпинац немедленно сообщил об этом Синякову — члену подпольной антифашистской организации лагеря. И вот Синяков и Трпинац берут трех санитаров (один из них радист, знающий азбуку Морзе) и идут на врачебный обход в барак, где находится разведчик.

Он лежал в отдельной каморке на топчане под охраной автоматчика, рядом — провокатор, забинтованный, как мумия. Обход больных начался с того, что Трпинац встал между топчанами, а Синяков в это время громко расспрашивал провокатора о самочувствии — тот тяжело стонал. Доктор сочувствовал «больному», обещал исцеление, а радист в это время отстукивал пальцами по бинтам разведчика морзянку:

«Рядом лежит провокатор!» Так он повторил несколько раз, пока раненый не дал сигнал глазами, что понял, в чем дело.

Врачебный обход закончился. Поразительная отвага и находчивость врачей спасли тогда от неминуемой гибели не одного советского человека…

Спустя время после опубликования Указа по приглашению министра здравоохранения к нам из Югославии прилетели профессор Трпинац, а из Челябинска — доктор Синяков. Рассказам нашим и воспоминаниям не было конца! На встречу собрались и другие товарищи по беде. Среди их был летчик-истребитель Александр Каширин. Он припомнил, как Георгий Федорович Синяков спасал в лагере «ЗЦ» шестнадцать летчиков, которым был уготовлен гестаповцами особый режим.

Благодаря его от имени многих людей, наш товарищ припомнил и стихотворение, которое «русский доктор» читал нам в лагере.

Сквозь фронт, сквозь тысячу смертей,

Сквозь дантов ад концлагерей,
Сквозь море крови, жгучих слез
Я образ Родины пронес.
Как путеводная звезда,
Сиял он предо мной всегда…

Образ Родины придавал нам силы, вселял веру в нашу победу. И мы выстояли — всем смертям назло!

Отгремев, закончились бои…

Затихли бои под Кюстрином. Подоспели тылы, и всем нам, бывшим узникам лагеря, предложили идти в город Ландсберг на проверку. Я идти не могла. Меня посадили на попутную повозку, и солдат привез в отделение контрразведки «Смерш» 32-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии.

Десять дней проверяли. Затем, неожиданно для меня, предложили остаться работать в контрразведке, от чего я наотрез отказалась.

Выдавая справку о проверке, майор Федоров вторично спросил:

— Может, все-таки останетесь у нас?

— Нет!..

В полку уже получили мое письмо. Дмитрий Поликарпович Швидкий быстро снарядил «экспедицию» на поиски меня — и вот наша встреча в отделе кадров 16-й воздушной армии.

Я сидела на скамеечке, ожидая вызова. Рядом со мной лежал костыль, помогающий передвигаться, соломенная сумочка с эмблемой ВВС и моими инициалами — «А. Е.». Эту сумочку мне сплели летчики — узники Кюстринского лагеря (сейчас она хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР). Наш комиссар увидел меня первым. Выскочив из машины, с раскинутыми в стороны руками он бросился ко мне. А я что-то не сразу узнала его: небольшого роста, в меховом комбинезоне и унтах, на голове шапка-ушанка — ну как медвежонок.

Фамилия Швидкий очень соответствовала характеру Дмитрия Поликарповича. Он быстро поцеловал меня, всхлипнул носом и побежал оформлять мои документы, с тем чтобы сразу же увезти меня в полк.

Подошла и группа автоматчиков, сопровождавших замполита. Они шумно здоровались со мной, наперебой рассказывали новости полка, и только один стоял в стороне и, не скрывая своего горя, плакал, повторяя: «А Дуся погибла!..» Я внимательно посмотрела на плачущего и узнала в нем воздушного стрелка Сережу.

Забегая вперед, скажу, что письмо от меня получила в те дни и моя мама. Потом она рассказывала: получила, прочитала и решила, что с ума сходит. Ведь была похоронка! Побежала к соседке и, протягивая письмо ее сыну, стала просить:

— Толюшка, почитай! Что-то мне мерещится

Оказывается, когда маме принесли похоронную на меня, она от горя слегла, но в гибель мою верить не хотела. Убили эту веру

в Калининском областном военкомате, где маме назначили пенсию вместо аттестата, по которому она получала от меня деньги.

И вот, получив мое письмо, несколько раз мама просила прочитать ей его. Затем надела свой выходной фартук с кружевами, повязала белый платок и отправилась в райвоенкомат.

Позже военком вспоминал этот визит:

— Заходит старушка, возбужденная такая — и прямо ко мне. «Сынок, — говорит, — сними ты с меня эту проклятую пенсию!» Я стал расспрашивать старушку — как ее «фамилия, кто такая, за кого пенсию получает, а она твердит одно и то же: сними пенсию, да и только. Наконец разобрался, что к чему, усадил, напоил чаем — и, успокоенная, она ушла…

А мне тоже было письмо. Тогда, во время встречи в штабе 16-й воздушной армии, его передал замполит Швидкий.

«Дорогая Аннушка! — начиналось оно несколько необычно. — Я очень болен, пишу лежа, но я испытываю радость, когда пишу вам.

Когда мы вас потеряли, я долгое время не мог прийти в себя от горя. Вам непонятно это чувство? Я и сам его неясно понимаю, но твердо знаю, что вы мне очень дороги. Возможно, не время об этом писать, ведь вам сейчас не до этого. Я делаю для вас все, что я могу, и даже немного больше. Будьте хладнокровнее, но настойчивее. Я надеюсь, что майор Швидкий привезет вас в полк! Прошу прежде всего заехать ко мне, иначе вы меня обидите.

Вас все ждут в полку. Если не отпустят — потерпите и помните, что я все время думаю о вас и буду надоедать начальству. Но очень хочу верить, что вы приедете…

По-дружески обнимаю ваши худенькие плечики и желаю вам добра.

Глубоко уважающий вас

В. Тимофеев.

21.02.45 года».

Письмо это было от командира дивизии полковника В. А. Тимофеева.

Удивили, обрадовали и заставили задуматься его строки. Почему он мне так пишет? Ведь я его мало знаю. Больше того, я всегда с каким-то отчуждением и недоверием относилась к начальству. В полку летчики даже шутили, что Егорова игнорирует начальство, а потому и ходит в лейтенантах, занимая должность подполковника.

С командиром же дивизии у меня был даже «конфликт». Полк перебазировался на аэродром Дысь под Люблином. Мне

запланировали перелет с последней группой. И вот стою с летчиками, разговариваю, вдруг откуда ни возьмись идет командир дивизии. Подходит к нам. Я по всем правилам докладываю ему, говорю, что сейчас вот будет готов из ремонта Уил-2 и мы улетаем.

— Возьмите и меня с собой, — вроде бы шуткой попросил полковник.

— Что значит «возьмите и меня»? Пожалуйста, полетим вместе. Только вы, по старшинству, будете ведущим, — ответила я.

— Да нет, ведущим я не хочу, лучше пристроюсь к вашей группе в хвосте, — опять, как мне показалось, несколько наигранно сказал полковник.

— Не люблю, когда начальство в хвосте болтается! — отчеканила я, долго не думая.

Полковник обиделся, повернулся и, ничего не сказав, ушел.

Потом он старался меня не замечать, ну а я и рада была — подальше от глаз командования.

И все же обрадовало меня это письмо. Приятно было сознавать, что на белом свете есть человек, который думает о тебе, заботится, старается облегчить твою участь.

Оказалось, комдив просил майора Швидкого заехать вместе со мной в штаб дивизии, который размещался в Замтере. Мы заехали. Полковник угостил нас обедом, а затем сказал:

— Теперь, Аннушка, вам нужно лечь в наш армейский госпиталь, подлечиться, а потом, когда врачи скажут свое слово, да и как вы себя будете чувствовать, будем решать о дальнейшей вашей службе…

В армейском госпитале меня продержали недолго и отправили в Москву; там врачи довольно быстро заключили — к летной службе не годна.

Это было большим потрясением для меня. В кадрах ВВС уговаривали не расстраиваться, предложили даже какую-то работу у себя, но я отказалась. Решила вылечиться и вернуться на свой родной Метрострой.

А тут и война закончилась. Вскоре на Парад Победы в Москву приехал Вячеслав Арсеньевич Тимофеев, отыскал меня на Арбате, в семье брата Василия, и предложил, как говорили я старину, руку и сердце. Я согласилась.

…Прошли годы. У нас в семье появилось пополнение. Родился сын. Назвали его Петром. Потом еще сын — Игорь. С однополчанами связи не было: наш полк после войны расформировали. И вот однажды смотрю и глазам своим не верю: стоят передо мной два капитана в летной форме с орденами по

всей груди и с кучей детских игрушек в руках. Это были Андрей Коняхин и Лева Кабищер.

Боже мой, сколько было разговоров, сколько новостей!

Оказывается, когда наш штурмовой авиаполк был расформирован, многие летчики остались в боевом строю. Коняхин, Кабищер, Макаренко, Тарновский, Мазетов попали в Московский военный округ. Их часть участвовала и в воздушных парадах, и в крупных учениях.

— А как Макаренко поживает? — спросила я однополчан.

— Хорошо. Женился на Кате — прибористке. Помнишь, у нас в третьей эскадрилье такая серьезная была? Макаренко, между прочим, когда мы летали на плацдарм за Вислой, в тот твой последний боевой вылет будто бы видел что-то белое, похожее на парашют, уже у самой земли, в районе цели. Тогда ведь нашим сильно досталось, Карева подбили. Стрелком у него летел парторг Василий Иванович Разин. Вечером они заявились прямо в Мелянув на наш праздник — день Воздушного Флота. Только праздник был очень грустный. Помню, помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу все показывал твои кожаные перчатки, которые ты бросила ему из кабины перед вылетом. Он тогда тебя еще приглашал вечером на первый танец в барском доме. Ты поблагодарила, бросила ему перчатки и сказала: «Жарко сегодня будет…»

Миша Мустафаев тогда тоже горел. Особенно обгорела у него правая рука, которой он держал ручку самолета. Кое-как дотянул до наших войск и посадил машину. Тут же его а воздушного стрелка подхватили медики. Дали ребятам спирту, поместили в госпиталь — они там пробыли неделю, а услышали, что их собираются отправить в далекий тыл, — сразу сбежали.

В тот вечер я узнала от Андрея Коняхина и Левы Кабищера, что погиб Павел Евтеев, наш полковой баянист, песенник. Не стало и Виктора Гуркина.

После этой встречи с боевыми друзьями я стала часто получать письма от однополчан. Прислал письмо и наш комиссар Дмитрий Поликарпович Швидкий. Он рассказывал, что живет в Харькове, работает на Тракторном заводе, что вместе с бывшим начальником политотдела корпуса полковником Тупановым разыскивает мой наградной лист, в котором ходатайствовали о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Написали уже во многие инстанции, даже в Президиум Верховного Совета СССР.

А письма ко мне все шли и шли. Теперь уже по другому поводу. Многие из них я сохранила. Вот письмо из Ташкента. Василий Петрович Рябов, преподаватель политехнического института, пишет:

«Прочитал два очерка о вас, дорогая Анна. В «Литературной газете» — «Егорушка» и в «Огоньке» — «Штурман полка». Горжусь вами, как русский человек. Вот уже вторую неделю хожу под впечатлением прочитанного о вас, расстроенный и встревоженный воспоминаниями о минувшей войне. Спасибо вам, русские женщины!

Тяжело было нам на вислинском плацдарме в составе 8-й гвардейской армии. В тот день, когда вас сбили стервятники, нам, наземным войскам, было особенно тяжело. Я там, на плацдарме, смотрел на штурмовиков, как на героев. Появление Ил-2 заставляло молчать фрицев, и захлебывались их атаки. Всегда хотелось расцеловать летчиков-штурмовиков, мне казалось, что они необыкновенные герои. Но, оказывается, своим героизмом нас выручали не только мужчины, но и наши милые русские девушки. Я прошел в боях всю войну, имею много орденов, но преклоняюсь перед вами и горжусь вами…»

Полковник в отставке Константин Паппа из Белой Церкви рассказывал о себе, о том, что он, кадровый военный артиллерист, участвовал во многих войнах, многое повидал, еще больше пережил. «Я видел ваш последний бой на магнушевском плацдарме за рекой Вислой, южнее Варшавы, — припомнил артиллерист. — Я тогда не знал, что на штурмовике погибла женщина. Это был ведущий самолет второй группы. В первой группе тоже подбили ведущего штурмовика, но он сумел посадить его на остров посредине реки. Ваш же самолет вспыхнул на высоте и горящим факелом пошел к земле, к фашистским танкам, и взорвался…

Прочитав очерки о вас в «Литературной газете» и «Огоньке», я живо вспомнил и представил всю картину боя за плацдарм. На нас с трех сторон шли фашистские танки, хотели сбросить десант. Мы отбивались, но силы были явно не равны. И тут большими группами прилетели наши грозные штурмовики. Атаки немцев были отбиты, и мы удержали плацдарм.

Я до сих пор не могу представить женщину на таком грозном самолете, как наш Ил-2… Как хорошо, что вы чудом остались живы!..»

И вот 7 мая 1965 года рано утром у нас в квартире раздался телефонный звонок. Я сняла трубку и тихо, чтобы не разбудить спящих сыновей, сказала обычное: «Слушаю…»

— Ура! Ура! Ура! — летел по проводам взволнованный голос поэта Гильярди. Смеясь, я спросила:

— Что же это вы, Никодим Федорович, спозаранку-то торжествуете?

В ответ услышала:

— Включите, Аннушка, радио! Указ передают о присвоении вам звания Героя…

Тут же раздался второй звонок. Это звонил писатель Марягин. Георгий Александрович всю войну прошел артиллеристом, затем был корреспондентом газеты «Красная звезда». В памяти надолго сохранилось его доброе участие в моей литературной работе.

Словом, весь май 1965-го меня поздравляли боевые друзья, редакции газет, журналов, представители общественных организаций. Прислали поздравления и главный маршал авиации К. А. Вершинин, и бывший командующий 16-й воздушной армией маршал авиации С. И. Руденко. Очень душевные слова написал летчик-испытатель М. Л. Галлай:

«Искренне счастлив, что Золотая Звезда все-таки нашла Героя, хотя в глазах ваших товарищей по оружию вы уже давно бесспорный, настоящий герой…»

Навсегда запомнились и строки Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза.

«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны и проявленные при этом отвагу и геройство…» — читала я торжественные, сдержанные слова этого документа, а перед глазами поднимались навсегда ушедшие на огненные высоты однополчане, ревущие строи штурмовиков — тревожное небо моей молодости.

«И зачем это девчонок на фронт берут?..» — слышался будто голос Бори Страхова, и казалось, вот стоит он передо мной на аэродроме с полевыми ромашками в руках и улыбается по-юношески застенчиво, так светло и радостно. А за ним вставали в памяти штурмовики: Пашков, Андриянов, Усов, Степочкин, Зиновьев, Тасец, Подыненогин, Покровский, Ржевский, Мкртумов, Грудняк, Балябин…

Давно миновали страшные годы войны. Вот уже выросли сыновья, подрастают внуки. Как быстротечно время…

Старший мой сын Петр — военный летчик-снайпер. Он уже полковник, а я вот так и осталась в лейтенантах. Но па каких самолетах летает Петр — такое нам трудно было и представить!

А кажется, совсем недавно прибежал он из школы и с порога весело кричит:

— Мама, у меня по русскому двойка! «Хорошенькое дело», — думаю про себя и начинаю отчитывать:

— Будешь наказан, негодный мальчишка! И за двойку, а главное за то, что получил ее и, кажется, даже радуешься этому.

— Мамочка, но ты должна разобраться — учительница не права. Она вызвала меня к доске и велела просклонять слово «баба». А я отказался. Сказал, что слово это нецензурное и склонять его я не буду. Вот и влепили мне «пару».

— Вот и я сейчас пропишу тебе ремнем двоечку, — давясь от смеха, говорю Пете, а сама думаю, что, пожалуй, сыну пригодится в дальнейшем такое толкование о «бабе» — и отменяю наказание…